

ПИОНЕР

АПРЕЛЬ 4
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1962 г.

Вожатый! Человек, которого комсомол дал тебе в старшие товарищи, в советчики. Человек, о котором и через много лет ты вспомнишь с уважением и любовью...

У ребят, которых вы видите на фото, необыкновенный вожатый. Трудно даже описать, какой он, потому, что он разный. А разный — потому, что это не один человек. Это бригада коммунистического труда. В дружине московской школы № 728 у многих отрядов коллективный вожатый: все коммунистические бригады завода «Искра» ведут работу с пионерами.

Вот пионеры в одном из цехов, у своих вожатых.

Пламенный пионерский привет XIV съезду комсомола!

В труде, учебе и борьбе
Наш славный старший брат —
Товарищ Комсомол, тебе
Привет от всех ребят!
В борьбе окреп,
В труде расцвел
Орденоносный
Комсомол!
Был путь нелегок и суров,
А дело было свято.
Встречали грудью всех врагов
Крылатые орлята.
По зову партии родной
На славные дела
Всегда с открытою душой
Большая юность шла.
Узнал испытанных друзей
Норильск, Иртыш и Енисей...
Всех дел твоих не перечесть.
Считай их вновь и вновь.
Ты — это
ДРУЖБА,
СОВЕСТЬ,
ЧЕСТЬ
И К РОДИНЕ ЛЮБОВЬ!

АПРЕЛЬ
№ 4
1962
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

ПИОНЕР
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

На переднем крае

Туда, где всего нужнее, идет комсомол. На передний край трудовой битвы за коммунизм первыми идут юноши и девушки с комсомольскими значками.

Они там, где строятся гигантские домны, где бесплодную землю прорезают каналы, где на вечной мерзлоте вырастают города. Они там, где идет борьба за уголь, за металл, за хлеб. Они всюду, где новое, передовое встает против отжившего.

Пионер! В этом номере ты встретишься с теми, кто на переднем крае. Фотодокументы, стихи, рисунки поведают тебе о комсомольцах.

Фото Д. Ухтомского.

Машинистка башенного крана Светлана Якубова монтирует свой кран на строительстве нового химического комбината в Туркмении.

Когда вырасту — не пойду в моряки,
И в охотники — не пойду.
А пойду я, ребята, в крановщики,
Вот куда я пойду!

СТАРШИЙ БРАТ

В. КОСТРОВ,
Евг. ХРАМОВ

Комсомол! Творя, мечтая, строя,
Каждый день ты к подвигам готов.
Оттого так ярки над страною
Звезды комсомольских городов!

Где морозы плыли над тайгою,
Где бураны лютые мели,
Там сегодня пахнущие хвоей
Новенькие улицы легли.

Первые страницы биографии —
Корпуса высокие встают,
Из-за них теперь по географии
Нам гораздо больше задают.

Только нам запомнить их нетрудно,
Потому что в сердце у ребят
Эти имена — Ангрен и Рудный,
Дивногорск, Джалиль и Салават.

Пахнут руки чугуном и рожью,
Всей стране дела твои видны —
Доменные печи Криворожья,
Звонкие колосья целины.

Ты умеешь за работу браться,
Комсомол из городов и сел,
Миру говорит плотина Братска
Про тебя, товарищ Комсомол!

ПЕРВОЕ

Инна КАШЕЖЕВА

Не повторить, не подсмотреть
украдкой...
И мне не будет никогда семи,
И, в ранец тонкие
собрав тетрадки,
Я не замру опять перед дверьми.

Не надо открывать смешную азбуку,
Не возвратить ушедшие года...
И новенького шелкового галстука
Мне не повяжут больше никогда.

Но сердце бьется, как оно стучало
В четырнадцать моих недавних лет,
Когда в райкоме девушка вручала
Секретарем подписанный билет.

Оно впитало войн и революций
Горячую неистовую кровь...
Я не могу сейчас не оглянуться,
Не пережить все это вновь и вновь.

Волнующее что-то и безмерное,
Как беспокойство, выросло в груди.
Немало безвозвратного и первого
Еще я повстречаю впереди.

Олег ДМИТРИЕВ

ГИТАРА

В Кемеровском областном музее как реликвия славных дел нашей молодежи выставлена гитара инженера Юрия Лейбензона, комсомольца-москвича, прибывшего в числе первых на строительство Западно-Сибирского металлургического комбината.

Гитаре оказали
Невиданный почет.
В музейном строгом зале
Любой о ней прочтет.
Гитару называют
Мудрено — «экспонат»,
И пыль с нее сдувают,
И трогать не велят.
А ей хозяин снится,
Тепло его руки,
Веселые синицы —
Глаза через очки...
И Юрка, милый Юрка,
Опять ее берет,
И ходят пальцы юрко
По грифу взад-вперед.
Рванет он струны-нити
И скажет в перезвон:
«Ах, вы меня простите,
Любезный Лейбензон».
Простуженно, протяжно
Знакомые слова
Ему подтянет слаженно
Веселая братва,
Пришедшая с мороза
К гитаре и теплу...
И пристывают звезды
К оконному стеклу...
И это все ночами
Ей видится теперь.
Музейными ключами
Запрут большую дверь.
Но в тишине бессонно
Уже который год
В гитаре Лейбензона
Одна струна поет!
И внемлют постоянно
Настройке
Той струны
Гитары и баяны
На стройках
Всей страны.
И, слившись с той струною,
Задорна, молода,
Звучит над всей страною
Мелодия труда.
Как сыгранны, едины
Моторы, и гудки,
И сопла, и турбины,
И станы, и станки,
И так звучны и стройны,
Что трудно передать,—
Настроенные струны
Электропередач!
Упрямо и бессонно,
Зовя в порыв, в полет,
Гитара Лейбензона
В душе моей поет...

РЕКА МОЯ АНГАРА

А. МОШКОВСКИЙ

Рисунки О. Коровина.

ПОВЕСТЬ

(Продолжение)

9

Поезд мчался, задыхаясь от скорости, бешено колотил в рельсы, наливал лихорадочной дрожью вагонные полки, окна и столик нашего купе. Кроме нас, в купе был дядя Шура, геолог, он показал мне карту и нашу дорогу на ней.

Я расстилал карту на коленях и смотрел. Судя по ней, поезд вообще стоял на месте. Только наутро я замечал, что мы не стоим на месте, и мой палец на несколько сантиметров передвигался по карте на восток. Как пояснил дядя Шура, наш экспресс «Москва — Владивосток» отмахивал за сутки добрую тысячу километров.

Я хватал Марфу за локоть.

— Ты посмотри, где мы!

Она вытягивала голову и довольно вяло говорила:

— Далеко заехали...

Я просто не узнавал ее. Куда девались ее деловитость, уверенность и грозные покрикивания? Она сидела в углу, подперев кулаком подбородок, и смотрела в окно.

Первый день Борис то и дело спрашивал у нее:

— Тебе нездоровится?

— Нет.

— А голова не болит?

— Нет.

— Может, ляжешь на верхнюю полку, полежишь?

Марфа молчала.

Тогда Борис подсаживался к ней, особенно если дядя Шура выходил покурить в коридорчик, осторожно обнимал Марфу и, положив на ее крепкое плечо подбородок, что-то тихонько говорил ей. Щеки ее мгновенно вспыхивали, упрямо и скорбно сжатые губы неожиданно улыбались, и в купе как-то сразу становилось светлей и легче, и я старался особенно не засиживаться с ними.

Да и куда веселей пошататься по вагонному коридорчику, всовывая голову поочередно в каждое купе: где шелестели страницами книг, где резались в домино, где корпели над шахматной доской. А в одном из купе ехали двойняшки, смешливые и проказливые, и все, кому нечего было делать, забавлялись с ними.

Я тоже несколько раз завел ключом их маленький автомобиль и под смех малышей пустил по коридору.

Но все-таки самый стòящий народ были студенты. У одного нашлась колода истрепанных карт, и они дулись в зеваку. Проигравшему повязывали на голову вафельное полотенце и водили по всем купе. Ну и хохоту было! Особенно, если зевакой оказывался парень...

Третьи сутки мчался наш поезд, и под ногами все тряслось, скрипело, грохотало, моталось из стороны в сторону.

Временами подходили к рельсам города. Утыканные заводскими трубами, опутанные проводами, они были шумные, огромные и дышали гарью и каменным углем. Я думал, что нет выше труб, чем трубы нашего кирпичного завода. Я впервые увидел из окна вагона доменные печи и копры шахт.

Поезд мчался и мчался.

Днем в купе душила духота, и мы ехали с открытым окном. Зато ночью я не находил себе места, ежился под тоненьким одеялом, спал скорчившись и касаясь подбородком коленок. Рядом на верхней полке, расправив плечи и откинув в сторону локти, лежал на спине Борис и, конечно, крепко спал, и во всей его фигуре и позе было что-то несокрушимое и прочное.

Я зевал, потягивался, смотрел, как мелькают на потолке тени проносящихся елей и лиственниц, а после поглядел вниз, на коврик. Так что вы думаете? Марфа уже сидела внизу! Умытая такая, причесанная, аккуратненькая, смотрела она в окно своими синими глазами, повернув ко мне в профиль маленький нос с горбинкой.

В сторонке лежал скатанный матрац, сложенные простыни. И хотя от Марфы вкусно пахло мятной зубной пастой и кофточка была точно из-под утюга, лицо у нее было усталое, под глазами отливало синевой...

Она и днем, когда вставал Борис и мы пили чай, держалась как-то одиноко. Брат никак не мог ее затащить в соседнее, набитое студентами купе, спеть песню, поиграть в домино, подурачиться. «Не хочу» — вот и все, что мы слышали от нее.

Она не обращала внимания на центральные и местные газеты, которые Борис покупал на станциях. Чтоб хоть как-нибудь развеселить Марфу, брат пытался затащить в наше купе несколько наиболее шумливых, лохматых студентов и одну девушку в полосатой безрукавке и брюках. От их хохота звенело в ушах, Борис и дядя Шура корчились от смеха, слушая разные невероятные истории, случавшиеся со студентами на целине, а Марфа только изредка улыбалась краешками губ.

И сидела она, как чужая. И больше разглядывала одежду и лица студентов и студенток, чем слушала их. И, конечно, те скоро разбрелись по более гостеприимным «отсекам» вагона.

— Тебе нехорошо? — спросил Борис.

— С чего ты взял?

И снова молчание.

Но однажды, когда поезд грохотал над Иртышом и в окнах, наверное, полчаса мелькали фермы моста — такой он был длинный — Марфа поправила волосы, стряхнула с юбки пушинку и спросила:

— А яблоки-то здесь растут?

Дядя Шура выглянул из-за «Восточно-сибирской правды».

— Чего нет, того нет.

Да и без дяди Шуры можно было легко догадаться, что̀ здесь растет. К остановкам выносили малину, костянику и липкие кедровые шишки, похожие на гранаты-лимонки: отвернешь лиловую чешуйку и выворачиваешь пальцем плотно приставший граненый орешек. Смех один!

Борис купил мне три таких «лимонки», и я все руки перепачкал кедровой смолой, и ее не могло отмыть мыло. Я полдня соскребал смолу ногтями, которые Марфа по недосмотру не успела срезать. Не всегда выгодно иметь короткие ногти!

Орешки оказались вкусными, и я понял, что недаром упросил брата взять меня с собой. А после того, как он принес с какого-то вокзала две банки омуля, Сибирь, можно сказать, понравилась мне.

Я ринулся с чайной ложкой к консервам, набрал полную — и в рот. Ну, скажу я вам, это рыбка! Я расправлялся с ней и рассматривал портрет омуля на этикетке.

— Что консервы! — заметил дядя Шура.— Маринад и специи все забивают, лосося от трески не отличишь. Вот попробуйте свежего омулька... Это рыба!

И тут дядя Шура начал хвастаться Сибирью. Он-де всю ее исходил с поисковыми партиями. Здесь и тысяча километров не расстояние, а женщина в семьдесят лет не старуха, здесь есть и алмазы, и каменный уголь, и смола, ну, и все такое...

— Марфа, уголь! — закричал вдруг я, почувствовав, что под веко попал жесткий кусочек угля.

— Опять? А ты больше у окна стой!

Не стоять у окна было трудно. И вот, в который уже раз, Марфа вывернула мне веко и платком осторожно убрала крупную угольную соринку. Первый раз я попросил помочь мне брата, но он горячился, дышал в лицо, сопел, краснел, терпения у него ни на грош, и, когда я понял, что соринку он не достанет, а вот стукнуть, намучившись, может, я решил попросить Марфу.

У нее просто был талант вытаскивать из глаз разный мусор. И, честное слово, без нее бы мне в дороге было туго.

После Омска я не так нуждался в ней: там прицепили электровоз. Со смешными козьими криками, мягко и решительно тащил он поезд до Новосибир-

От пастбищ зеленых,
от рек наших синих,
От наших
мальчишеских лет —
Тебе,
делегатке
отважных и сильных,
Наш
пионерский
привет!

Делегат XIV съезда ВЛКСМ шлифовальщица Куйбышевского шарикоподшипникового завода Фая Дементьева руководит бригадой коммунистического труда. Эта бригада — коллективный вожатый пионерского отряда 6 «А» класса 29-й школы.

Фото С. Панова.

ска, и на этом перегоне в мои глаза ничего не попало. Узнав от дяди Шуры, что старомодные паровозы помаленьку уходят в прошлое, я был очень рад, потому что на собственном опыте убедился, что давно пора электрифицировать дороги страны.

А поезд не ждал, поезд мчался дальше.

Пролетела станция Тайга с каменной фигурой лыжницы на перроне, проносились разъезды, полустанки, грохотали встречные составы с лесом и углем, с покрытыми брезентом катерами, тракторами и еще какими-то машинами на платформах...

На станции Тайшет наш поезд подали на третий путь, и мы с Борисом, храбро подлезая под вагоны двух поездов, сбегали к базарчику и набрали соленых огурцов, яичек и газет, а когда вернулись, возле нашего вагона студенты играли в волейбол.

Борис сунул мне все покупки и приказал:

— Тащи...

Руки у меня были заняты, и я локтем стукнул в дверь купе. Вывалил на стол гору огурцов и яичек и на всякий случай, чтоб Марфа не обижалась на Бориса за долгое отсутствие, позвал ее выйти поиграть в мяч.

— Не могу я,— сказала Марфа.— Не умею.

— А чего там уметь? Отбивай мяч, да и только!

— Да и штанов лыжных нет. Иди, а то скоро отправление.

Я побежал по коридору. Только сегодня я понял, что совсем плохо знаю Марфу. Она, оказывается, не совсем такая, как я думал. Странная она какая-то. Точно. Не компанейская, замкнутая. Ехали девчонки и постарше ее, так что они откалывали, как пели, спорили и дурачились!..

А Марфа не такая. Грызет себе семечки, тихонькая, недоверчивая, грызет и складывает лузгу в карманчик юбки.

Зато нам было весело. Ух, как мы играли между вагонами! Однажды мяч влетел в открытый сверху товарный вагон. Борис по скобам — на него, состав тронулся, а брат вместо того, чтоб спрыгнуть на землю, спустился внутрь, выбил мяч, соскочил на полном ходу — игра продолжалась.

Даже свисток дежурного по станции не мог прервать нашу игру. И когда уже лязгнули вагонные сцепы, мы ринулись к ступенькам. Борис подсаживал девушек в лыжных штанах, потом швырнул на площадку меня и, когда на земле никого уже не было, вскочил в вагон.

Ох, и натерпелся я из-за него: думал, не сядет!

Потом в купе мы хрустели солеными огурцами и лупили крутые яички. Ветерок хлопал распахнутой Борисовой ковбойкой и охлаждал разгоряченную грудь. Он лопал за обе щеки, откусывал по половине яйца и ел будьте здоровы как!

— Боря,— спросила вдруг Марфа, и мы с братом насторожились: это, кажется, был первый ее вопрос.— А что буду делать там я?

— Где, в Сибири?

Она кивнула.

— Что... Мало ли что... Возможно, будешь работать на почте... Думаешь, там почтовых отделений нет, а живут одни волки?

— Я ничего не думаю.

И снова Марфа надолго замолчала.

Пейзаж за окном постепенно изменился. Наконец-то кончились степи, и на линию насунулась тайга, густая, бескрайняя. Равнины и ложбинки сменялись дымчатыми сопками; полянки, поросшие белой таволгой и лиловым иван-чаем, чередовались с болотцами, гарями и узкими, разрубавшими тайгу черными речушками.

А на исходе пятого дня, судя по карте, мы приближались к Иркутску, к Ангаре. Думал ли я дома, что с таким нетерпением буду ждать ее? Я даже ночью не спал, поджидая Ангару!

И когда под колесами длинно и монотонно загудела пустота, я спрыгнул с полки.

Все спали.

— Ангара! — завопил я.— Под нами Ангара!

Борис и Марфа вскочили с полок, а дядя Шура потянулся и сонно пробормотал:

— Иркут это, а не Ангара. Укладываться надо: Иркутск скоро.

10

Трамвай звякнул и полез по улице в гору. Борис стоял с вещами на площадке, а мы с Марфой сидели на скамьях.

Иркутск оказался громадным городом с залитыми асфальтом площадями, с трамваями и автобусами. По сравнению с ним наш городок казался глухоманью.

Было еще очень рано, но на асфальте я видел кое-где полосы дворницкой метлы. Я моргал ресницами и сонно поглядывал на сидевшую передо мной рябенькую старушку с кошелкой. Она, наверное, была сибирячкой, но ничем, решительно ничем не отличалась от наших старушек.

И вдруг трамвай влетел в небо!

Нет, в облака он не врезался, под ним по-прежнему визжали и ныли рельсы, но сверху, снизу, справа и слева было сине!

Широченная и холодная, в гребешках волн, в пенных бурунчиках и водоворотах неслась под нами река. У берега темнели баржи, на волнах мотался катер, и знобкий ветер, тянувший с этой живой, клокочущей шири, коснулся и меня, и я всем телом ощутил речную свежесть.

Трамвай шел по мосту.

— Бабушка, что это? — Я дернул старушку за локоть.

Старушка испуганно уставилась на меня.

— Она, она! — Я ткнул пальцем в водную ширь.

— Ангара, однако.—Старушка оторвала перо лука и принялась жевать.

Река была широкая, мост длинный. Но вагоновожатый и не догадывался, что я впервые вижу Ангару, и быстро вел трамвай. Зеленые острова, землечерпалка у берега, лодки — все это откатывалось назад. Мост отгремел, и колеса застучали по-иному. Под ними был глухой и плотный грунт мостовой.

Свободных мест в Центральной гостинице не оказалось, и мы два часа просидели на чемоданах в просторном вестибюле, дожидались, пока не съехало три человека.

— Мы проездом,— сказал Борис лысому администратору,— дня на три, потом спустимся по Ангаре на строительство.

— Паспорта,— изрек администратор. Его не интересовало, откуда мы и зачем приехали, зато он усердно изучал два паспорта.

Меня с Борисом поселили в общий мужской номер, Марфу — в женский. Поев и умывшись, мы пошли бродить по городу. Странный человек мой брат! Можно подумать, что он только сегодня утром научился читать, потому что он с непонятным любопытством прочитывал на круглых тумбах афиши местного драматического театра и театра музыкальной комедии (и такой, оказывается, бывает!), подолгу топтался у тигров на пестрых цирковых афишах и у звезд, нарисованных на афишах планетария.

Это был город куда больше Смоленска, честное слово!

Когда мы случайно оказались возле краеведческого музея, я поднял на улице маленький скандал, и они вынуждены были зайти внутрь. И, я думаю, не пожалели. Где еще увидишь такого мохнатого и громадного, с добрую корову, бурого медведя и ушастую полярную сову? А байкальскую нерпу?

Даже Марфа, выйдя из музея, все вспоминала про соболя. Вот бы, дескать, ей такого на воротник.

На улице Фурье я заметил доску с барельефом писателя Чехова и придержал Бориса за руку. Брат объяснил мне, что в этом доме в 1890 году жил Чехов по дороге на остров Сахалин.

Я отлично знал этого писателя по рассказам о собаке по имени Каштанка, о мальчике Ваньке, написавшем письмо дедушке на деревню, и по рассказу о том, как один горбатый и один пузатый толстяк ловили под корягой налима, и все-таки налим выскользнул из их рук... Растяпы!

В общем, правильно сделали, что прибили писателю доску: стоит!

Потом я прочитал странное название другой улицы и спросил у Бориса:

— А кто такой Оуэн?

— Был такой человек,— сказал Борис.— Утопист.

Мне стало ужасно жалко этого человека.

— Он утоп, да? И здесь, в Ангаре?

Брат усмехнулся и положил мне руку на плечо.

— Нигде он не тонул. Он жил в Англии. У него была своя теория построения социализма. Ну, в общем, теория неосуществимая, так сказать, утопическая... Понял?

— Ага.

Чего ж тут не понять? Ребенок, и тот поймет.

На улице Карла Маркса, обсаженной высокими тополями, Борис подошел к одному, похлопал по старой шероховатой коре.

— Какие вымахали, а? И у нас таких не сыщешь. А ведь Сибирь!

Марфа была не совсем в духе.

— Тополя как тополя,— сказала она и пошла дальше, и мы с Борисом бросились догонять ее.

Зато Марфа была готова полдня простоять у витрин с туфлями на высоких каблуках, с танкетками, с разными прозрачными кофточками и по-дурацки улыбавшимися манекенами в разноцветных платьях. Ох, и странный народ эти женщины, до сих пор не пойму!

И главное, Борис даже не пытался отогнать ее от витрины, он лишь переступал с ноги на ногу.

— Не огорчайся,— сказал он,— придет время — купим...

— Хорошо,— ответила Марфа.— У меня память крепкая... Вот такие, да? На шпильках...

— Можно и такие... С первой же получки...

— Это при твоем-то мотовстве?

— Ладно,— сказал он,— заделаюсь скрягой.

На эту скучнейшую тему они разговаривали до самого рынка, куда нас силой затащила Марфа. Ух, и хитрая же она! Чтоб я не ворчал, она купила мне стакан крепких кедровых орешков и тем самым заткнула рот. Бориса смягчила стаканом каленых семечек и принялась торговаться с бородачом, который разложил на прилавке пять больших рыбин с диковинными сибирскими названиями — хариусы и ленки. Названия были странные, а сами рыбы — обыкновенные: литые, серебристые, с гладкой и плотной, как гривенники, чешуей.

Марфа так торговалась с бородачом, что нам стало неловко, и мы отошли в сторонку.

Она вернулась к нам с двумя рыбинами в руках.

— Два рубля уступил!

Ее лицо разрумянилось и сияло.

— Уха сегодня будет... Уха по-сибирски!

И она так улыбнулась, точно в этой ухе было все ее счастье.

Обедали мы в столовой, завтракали и ужинали в номере: ели купленные в магазине сардельки и пили чай с печеньем. Борис все время порывался сводить нас в ресторан «Сибирь» и угостить пельменями и легендарным байкальским омулем, но Марфа и слушать не хотела: рестораны — это одно разорение! Едем в незнакомое место. Деньги надо экономить...

Через день, накануне отплытия из Иркутска, Борис решил сделать Марфе сюрприз и привел нас после обеда в сад имени Парижской коммуны. Здесь мы грызли мороженое в вафельных стаканчиках, играли в «серсо» — набрасывали деревянные кольца на разные фигурки — и качались на качелях.

А потом было самое скучное. Борис с Марфой битый час танцевали, и, представляете удовольствие, я наблюдал, как они кружились в бесконечных па, смотрели в глаза друг другу, о чем-то говорили, улыбались, и Марфа ни капельки не была похожа на ту безучастную и скучную Марфу в купе транссибирского экспресса...

Ах, как я хотел, чтоб у нее сломался каблук, чтоб у музыкантов лопнули от натуги щеки и погнулись трубы, чтоб грянул проливной дождь, только б прекратились эти глупые танцы!..

Потом мы стояли у деревянной балюстрады и смотрели на ширь Ангары.

— Прокатиться бы,— попросил я ноющим голосом, чтоб разжалобить их: это действовало вернее всего. Надо же и мне доставить некоторое удовольствие.

— Ты как? — спросил Борис у Марфы.— Уважим малыша?

Короче говоря, через полчаса мы погрузились на катер «Орел», и он отвалил от причала.

На реке было свежо, и Борис накинул на Марфу свой пиджак, а сам остался в ковбойке с закатанными рукавами. Он еще ближе придвинулся к ней.

А я... Ну, вы сами понимаете, я чуть отступил от них. За эти два с половиной дня, проведенные в Иркутске, я многое понял.

Понял я в основном вот что.

Если они идут порознь или держат друг друга за один-единственный пальчик и еще размахивают сцепленными руками, да еще хохочут, шутят или сердятся — все равно, иди рядом и не бойся. Но только они замолкли, прижались друг к другу,— тут уж им не до меня.

И самое умное в таких случаях не приставать к ним, не напоминать о себе, а тихонько отстать и покорно тащиться сзади... Ничего не поделаешь, любовь! Смешно ведь, а? И со мной, может, когда-нибудь стрясется такое, только бы это было не очень скоро, или, еще лучше, пусть этого совсем не будет. А то не дай бог...

Вдруг ветер упал. И сразу со всех сторон стал надвигаться туман. Он отрывался от воды, плотный и мягкий, струился, переливался, растекался, заполняя собой все. Глуше, точно она отодвинулась на километр, зазвучала музыка, потонули в белой массе причал и мачты радиостанции того берега. Даже Бориса с Марфой отделяли от меня реденькие клочья тумана.

У самого борта нашего катера проскользнула рыбачья лодка и раздалась ругань. Тотчас на «Орле» завыла сирена. Ее рев, пронзительный и внезапный, захлестнул мир, сердце мое сжалось. Мне стало жутко.

Туман все стер, слизал, затопил вокруг. Он был так плотен и влажен, что его можно было пощупать рукой, взять в горсть и спрятать в карман. Все вокруг стало мокрым. Лак обшивки и ветровое стекло штурманской рубки, палуба и спасательные круги с надписью «Орел» запотели. С поручней капало.

Как же мы пристанем? Ведь ничего не видно. Налетишь на другой катер — и готов.

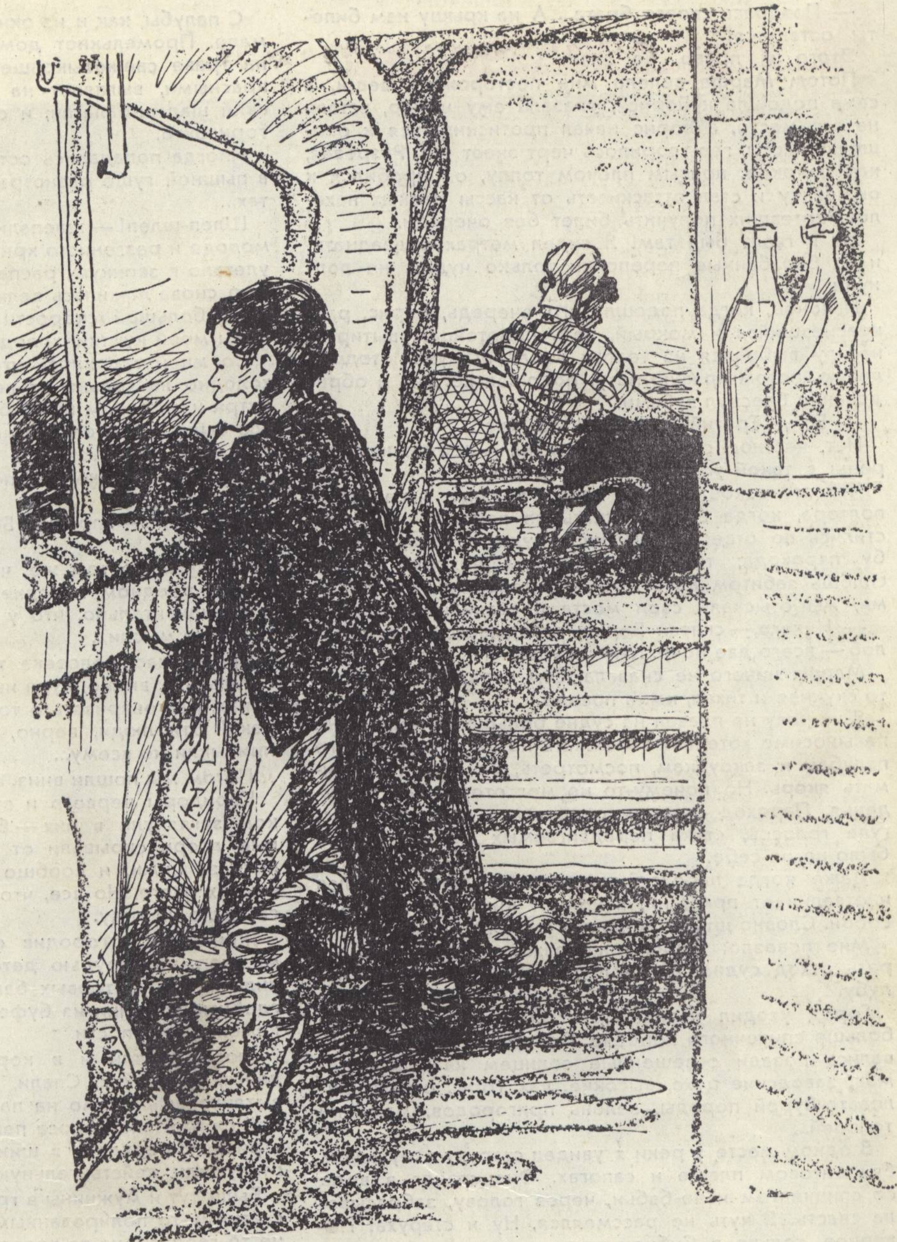
Мне было не по себе. Перехватывая руками мокрые поручни, я приблизился к Борису. В любую секунду готов был я вцепиться в его руку.

Резкий толчок сбил меня с ног. Я грохнулся бы на палубу, если бы руки Бориса не подхватили меня. Он, оказывается, и Марфу не забывал и меня все время видел.

Помнится, я от внезапности ойкнул, всхлипнул и обеими руками вцепился в Бориса.

— Ну, чего, дурашка? Прибыли.

Только сейчас я заметил, что катер и вправду стоит у причала и матросы закрепляют на тумбах концы.

11

Вас никогда не ударяли кулаком в челюсть? Значит, вам повезло. А мне так стукнули—до сих пор, как вспомню, мутнеет в голове! И случилось это вечером следующего дня, когда мы плыли по Ангаре. Только уже не на катере...

С билетом на пароход была целая волокита.

Мы с Марфой сидели на вещах в чахлом, пыльном скверике Иркутского речного вокзала, а Борис пошел разузнавать насчет билетов.

Мы видели, как человек полтораста пассажиров штурмуют окошечко кассы. Шум стоял невообразимый, как в привокзальном магазине нашего городка, когда продают чешские шерстяные кофточки.

— Нет, это нечестно! — взволнованно сказал Борис, возвратившийся к нам.— Я показываю дежурному по вокзалу свою комсомольскую путевку, а он и ухом не ведет. «Билеты,— говорит,— выдаются на общих основаниях». Вот бюрократ! Равняет нас со всеми. Одни едут с мешками да чемоданами по деревням, а мы на стройку, а ему все равно...

— А ты думал, встречать тебя вышлют духовой оркестр? — спросила Марфа.— Надо было раньше позаботиться о билете, ведь целых три дня без толку проболтались в городе.

Ну, что без толку — здесь она перехватила, а что билет нужно было купить пораньше, тут Марфа, пожалуй, права.

Борис пошел занимать очередь, а Марфа щелкала семечки. Я был как бы за связного: толкался возле Бориса у поручней, время от времени бегал к Марфе с последними новостями.

— Первый класс кончился,— сказал я через час.

Марфу эта весть не огорчила.

— Ладно,— сказала она,— мы пока что не Рокфеллеры.

Но когда через полтора часа кончились билеты второго класса, она не на шутку встревожилась.

— Поздравь своего брата... А на крышу нам билеты останутся?

Этого я, право, не знал.

Потом Марфа велела мне посторожить вещи, а сама подошла к Борису, сказала ему что-то, встала на его место, а Борис начал протискиваться к окошечку кассы, где творилось черт знает что. Разрезая, как ледокол, правым плечом толпу, он пробился к окошечку и стал оттаскивать от кассы разных нахалов, хотевших получить билет без очереди.

Ну и гвалт был там! Я сидел метрах в двадцати, и то барабанные перепонки только чудом не лопнули.

Наконец, когда подошла его очередь, Борис, раскрасневшийся и мокрый, хоть полотенцем вытирай, насилу выбрался из толпы: вытащил руки, отодрал левую, потом правую ногу, подошел ко мне и обрадованно блеснул зубами.

— Есть. Третий класс. И то хлеб.

Нет, честное слово, мой Борька — доблестный парень: в такой толчее не растерялся!

Что это такое, третий класс, я узнал часа через полтора, когда стали пускать на пароход. Мы спустились по отвесной лестнице куда-то вниз, в утробу парохода; там, в просторном низком салоне, сплошь забитом двухэтажными деревянными койками, мы отыскали свои места и свалили чемоданы.

— Ничего,— сказал Борис, оглядываясь и вытирая лоб,— всего две ночи. Как-нибудь...

Марфа ничего не сказала. Она снова стала какая-то скучная и тихая, как в поезде.

Я ни разу не плавал на судне больше катера, и мне невыносимо хотелось порыскать по пароходу, по его палубам и закоулкам, посмотреть, как будут поднимать якорь. Но почему-то не мог оторваться от сиденья. Пароход гудел и содрогался от топота ног, гула голосов, стука передвигаемых вещей, и мне было не по себе.

Даже когда пароход грозно прогудел, дернулся и отвалил от пристани, я не мог ничего поделать с собой. Словно штаны прилипли к смоле.

Мне повезло: Борис тоже захотел вдруг посмотреть отход судна, и я вслед за ним вышел на палубу.

Город уходил назад. Пристань уже казалась не больше спичечного коробка. Поворачивались и оставались позади освещенные солнцем кварталы домов, заводские цеха, высокие, как горы, отвалы лилово-бурой породы, зелень пригородов, макушки тополей...

В одном месте у реки я увидел старуху в мужском брезентовом плаще и сапогах. Она стояла в воде со спиннингом и по-бабьи, через голову, забрасывала снасть. Я чуть не рассмеялся. Ну и старуха! Наверное, только в Сибири такие водятся...

Наш пароход был не самой последней марки, колесный, и его плицы честно трудились, беспрерывно шлепая по бегущей воде. Впрочем, течение было такое, что не требовалось большой помощи пара, чтоб гнать пароход вниз.

Город быстро исчез, по обеим берегам Ангары потянулись низкие луга. Тянулись они бесконечно, и я подумал: какая ширь!

Потом я увидел копны сена, и мне чудилось, я чувствую пряный запах свежескошенной травы.

Заметил я и коров. Черные, рыжие, бурые, они вразброд стояли в воде, исподлобья глядели на наш пароход и, судя по открывающимся и закрывающимся ртам, мычали.

Лошади, те были поумней, голова к голове табунились они в другом месте и смотрели себе под ноги, будто усиленно думали о чем-то.

С палубы, как и из окна поезда, людей было видно мало. Промелькнет домик бакенщика с сохнущими на траве свежевыкрашенными бакенами, белыми и красными, выглянет на минуту из кустов пастушеский шалаш-балаган, и снова луга, взгорки, леса на горизонте.

Иногда попадались островки, заросшие тальником, в пышной гуще разнотравья, в красных и белых цветах...

Шлеп-шлеп! — шлепали плицы, шипел пар. Свежо, молодо и разгонисто кричал пароходный гудок, и эхо улетало в звонкую, распахнутую даль, замирало, и на мир снова ложилась великая тишина.

От большой скорости поднимался ветер, трепал полы моей куртки, холодил лоб.

Со мной творилось что-то непонятное. Мне было холодно не только от ветра. Что-то подступало изнутри и морозом продирало по коже. До того здесь все было таким огромным, беспредельным, великим. А я был по сравнению с этим таким маленьким и одиноким. Кто же мог подумать, что все это и есть Сибирь!

— Видал? — спросил Борис.— Видал, куда мы заехали?

Он думал о том же, что и я, ведь мы выросли с ним в одном городке, были родными братьями, и не удивительно, что у нас часто возникают очень похожие мысли...

Кроме нас, человека три еще стояли на палубе, остальным, видно, куда интересней было сидеть в салонах, разговаривать о том, о сем или резаться в дурака! Эти люди, верно, были сибиряками и давно привыкли ко всему...

Потом мы пошли вниз.

Коридоры первого и второго классов — мы мельком заглянули в них — были пусты, и белые плотные двери скрывали от наших глаз все, что делалось за ними, и вообще почему-то казалось, что в каютах пусто. Но все, что творилось в третьем классе, было на виду.

Женщины, отгородив семейные полки простынями, кормили грудью детей, убаюкивали их. Другие пили из полулитровых банок жиденький чай, жевали сдобные булочки из буфета, грызли мятные пряники каменной крепости.

Люди сидели и в коридорах — на узлах, чемоданах, сундучках. Спали, прислонившись к стенке и вытянувшись прямо на палубе. Девчата в ремесленной форме вполголоса пели, возле них примостились стриженые солдаты в шинелях без погонов — видно, отслужили действительную и ехали на новостройки.

Были тут и мужчины в грубых брезентовых куртках, с какими-то полированными ящиками и треногами — не то геологи, не то топографы,— и коренастые, спокойные сибиряки из приангарских деревень, и смешливые, краснощекие девчата, шутками изводившие не освоившихся еще солдатиков...

Кое-кто, отрешившись от всей этой суетни, говора и смеха, читал. Читали стоя, сидя, в самых различных, иногда мучительных позах, повернувшись поближе к свету.

Кого только не было тут, кто только не ехал на строительство самой большой в мире, как писали все газеты, ГЭС или по своим деревням и городам!

— Ангарск! — крикнул кто-то на верхней палубе, пароход остановился, и я увидел в вечерних сумерках огни города.

Наконец мы добрались до Марфы, присели на лавку.

— Как все-таки это несправедливо,— вздохнул Бо

На переднем крае

Никакая нам не страшна глубина,
Никакая нам не страшна вышина —
Вот и еще домна одна
Комсомольцами возведена.

Фото В. Киврина.

Бригада комсомольцев верхолазов работает на строительстве Казахстанской Магнитки (г. Темир-тау).

рис,— одни по-барски дрыхнут в одиночных каютах, а другие нюхают пол.

Я был целиком согласен с братом: как будто эти лежащие на полу не люди и хуже тех, что в каютах.

— А ты хотел бы, чтоб с палубным билетом — он ведь в пять раз дешевле — пускали в каюты первого класса? — спросила Марфа.

Мы с братом задумались.

— Пожалуй, ты права,— сказал Борис, и я, конечно, тоже согласился с ним: сколько заплатишь, так и поедешь. Хорошо бы зарабатывать целую тысячу рублей, а то и две. Ну, две — это слишком, а вот тысячу — это в самый раз.

Воздух в салоне был не тот, что на палубе, время было позднее, и я зевнул.

— Пойду за постельными принадлежностями,— сказал Борис.

В предвкушении сладкого сна я потянулся. По сравнению с палубными местами наш третий класс казался верхом комфорта.

Борис вернулся минут через двадцать. Руки у него были пусты.

Марфа посмотрела на него.

— Ну?

Борис потрогал худой кадык.

— Нету. Говорят, для третьего класса не положено.

Я думал, Марфа обидится, наговорит всякого. Ничуть не бывало. Даже бровью не двинула.

— Не положено, так не положено,— сказала она очень спокойно и, как мне показалось, даже обрадованно.

Борису было очень неловко.

— Нет, ты не думай, что я так...— сказал он.— Я требовал... Из третьего штурмана чуть душу не вытряхнул,— и Борис показал, как он это делал.— И я...

— Ничего не поделаешь,— сказала Марфа,— будем укладываться. Я кое-что достану постелить.

— Ты чайку не хочешь? — спросил Борис.— Ничего ведь после обеда не ела.

— Спасибо, Боря. Не хочу.

— Ну, мы тогда тебе лимонада принесем, коржик какой-нибудь.

— Не нужно, Боря.

— Ты обиделась на меня? — Голос его как-то размяк от нежности и вины.

— На что же обижаться? — тоже мягко сказала Марфа, и я вдруг понял, что она не только красивая, но и вообще славная. А это, может, еще важней в жизни человека.

Но тут брат подмигнул мне и кивнул головой, и мы с ним зашагали в буфет. И я хорошо понимал Бориса: женщины, они странные. Вот говорит, что сыта по горло и прочее, а принеси что-нибудь вкусное, съест за мое почтение. Их нужно уговаривать, недаром даже в книжках пишут, что у женщин изменчивые и непостоянные сердца.

Возвратились мы с двумя миндальными пирожными, плавленым сырком и горстью «мишек косолапых».

Когда проходили над машинным отделением, я чуть приотстал от брата, заглядевшись, как за решетками ритмично ходят блестящие от масла шатуны, вращающие колеса с плицами.

Зазевавшись, я нечаянно наступил на чью-то руку. На полу кто-то задвигался, вскочил, двинул меня кулаком в подбородок — у меня помутнело в голове,— отвесил вдобавок ко всему оплеуху и заорал на весь пароход:

— Чего по людям ходишь? Еще хочешь получить?

Я заморгал ни жив ни мертв и увидел мальчишку моего роста. Он вплотную приблизил свое лицо к моему, и мы чуть не задели друг друга носами. Лицо его было свирепо и непримиримо. Брови широкие. Щеки усеяны крупными родинками. И все это — родинки, кожа на лбу,— все это пришло в движение, дрогнуло, зашевелилось, заиграло, насупилось, а маленькие глаза, далеко отставленные друг от друга и глубоко загнанные во впадины под бровями, сверкнули бешенством.

Вне себя от страха я отпрянул назад.

— Я... Я... Я нечаянно... Простите...

— За нечаянно бьют отчаянно! Смотреть надо. Так ты и голову отдавишь человеку...

Если б знали вы, до чего мне хотелось зареветь! Слезы так и просились наружу, так и подступали. А губы прыгали, а лицо все кривилось и вздрагивало.

И я бы, наверное, не удержался, если б мальчишка еще сказал хоть слово. Но он сел на пол у стенки прохода в третий класс, вытянул ноги в сапогах, пододвинул под щеку желтый фанерный чемоданчик, и к тому времени, когда я бесповоротно решил, что реветь человеку в десять с лишним лет несолидно, мальчишка стал посапывать...

Я потер горящую щеку, вздохнул и, осторожно переступая через руки и ноги спящих, пошел по коридору в свой салон. Даже, наверное, сапер, который каждое мгновение может взорваться, не ходит так по минному полю, как шел я.

Я бы, конечно, мог пожаловаться Борису, и он бы отдубасил этого драчуна, но на этот раз я решил смолчать.

Марфа между тем достала из чемоданов кое-что под голову, какие-то мешочки не то с нитками мулине для вышивания, не то с носками. Она была очень хозяйственная, никогда не терялась и сейчас нашла выход.

От нее здорово попахивало «мишками». А я что думал? Съела!

Потом мы с Борисом полезли наверх спать, а Марфа осталась на нижней полке.

— Ну как, браток, жестковато? — шепотом спросил Борис.

Сознаюсь, ни разу в жизни не спал я на голых досках и был уверен, что не засну ни на минуту: так ныли ребра.

— Как на пуховой перине,— сказал я.— Даже мягче. А тебе?

— И мне.— Борис негромко, можно сказать, шепотом засмеялся.— Ну, спокойной ночи.

Он отвернулся к стенке и замолк.

В салоне постепенно стих говор. Тускло и как-то пыльно светила лампочка. Еще отчетливей стал слышен стук судовой машины, шипение пара, плеск воды за бортом и далекий, замирающий, полный печали и тоски гудок какого-то заплутавшегося в потемках сибирской ночи парохода.

Я лежал с закрытыми глазами и думал: что ждет нас впереди и правильно ли мы сделали, что сорвались с места и двинулись сюда, в большую, неуютную Сибирь...

Впервые об этом подумал.

12

Услышав, как кто-то из пассажиров поднимается, я решил, что и мне, пожалуй, уже можно разыграть пробуждение от глубокого сна. Я задвигался на полке, громко зевнул, забормотал что-то. Потом мягко

спрыгнул вниз, протер глаза и для большей убедительности еще раз зевнул, широко открыв рот.

— Как спалось, браток? — спросил с другой полки Борис, который тоже всю ночь ворочался с боку на бок и вздыхал.

— Нормально.— Я потянулся так, что все косточки разом хрустнули.— Ничего.

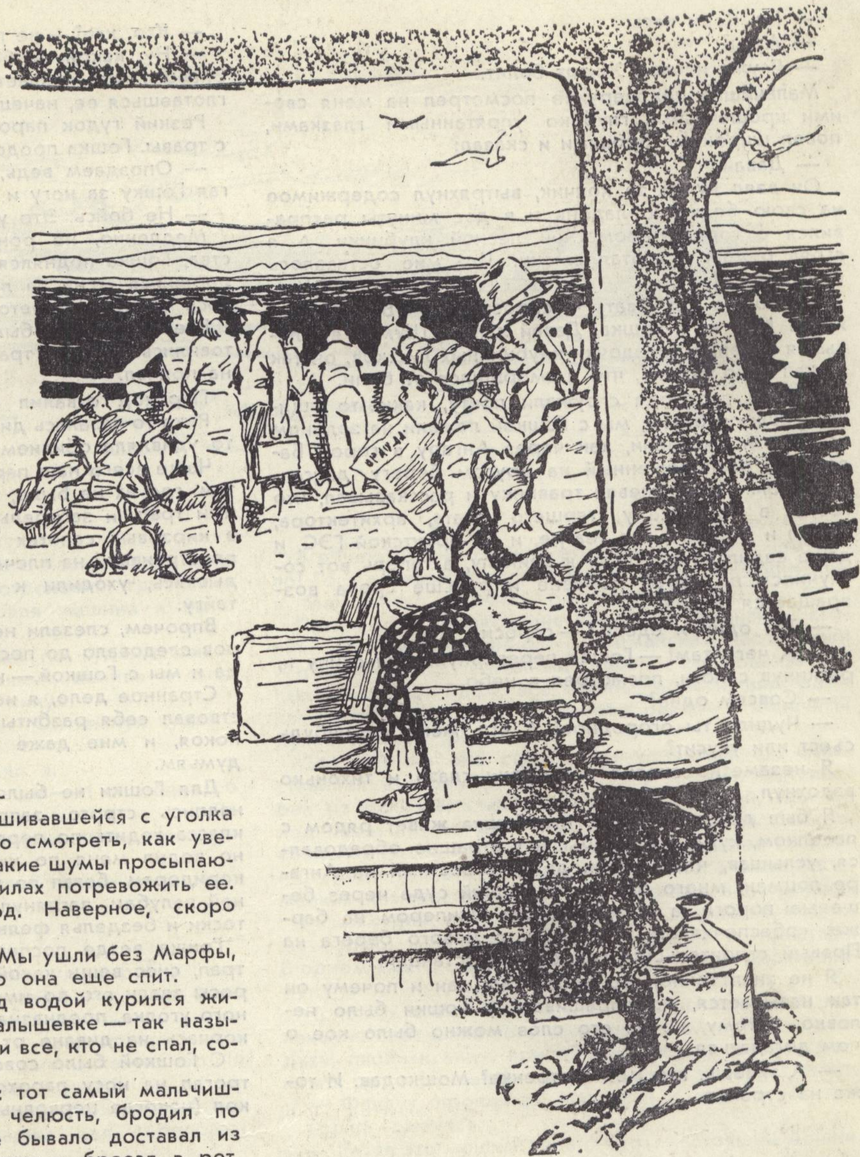
Марфа, поджав ноги калачиком, все еще лежала на нижней полке с закрытыми глазами, и Борис цыкнул на меня:

— Шепотом говори!

В маленьких, плотно сжатых губах Марфы таилась непонятная и горькая, совсем детская обида, и, укрытая серым шерстяным платком, съежившаяся и бледная, она вызывала жалость. До чего же могут меняться люди, попав в другую обстановку!

Потом я заметил, что щелки ее глаз чуть расширились и сквозь них влажно блеснула синева. Ага, тоже не спит!

Зато тетке, лежавшей на второй нижней полке, не приходилось притворяться. Она действительно спала, и это чувствовалось по ее полураскрытому рту с ниточкой слюны, свешивавшейся с уголка губ. Даже как-то завидно было смотреть, как уверенно и прочно спит она, и никакие шумы просыпающегося третьего класса не в силах потревожить ее.

Пароход крикнул, сбавил ход. Наверное, скоро пристань.

Борис дернул меня за руку. Мы ушли без Марфы, сделав вид, будто думаем, что она еще спит.

Было полседьмого утра. Над водой курился жиденький туман. Пароход в Малышевке — так называлась деревня — стоял долго, и все, кто не спал, сошли на берег.

На причале я вдруг опешил: тот самый мальчишка, стукнувший вчера меня в челюсть, бродил по доскам. Он как ни в чем не бывало доставал из газетного кулька ягоды черемухи и бросал в рот. Его маленькие неровные зубы потемнели от сока, на губах и правой щеке краснели пятна от раздавленных ягод.

Я вздрогнул и плотнее прижался к брату.

Мальчишка заметил меня и улыбнулся, как старый знакомый. Я сделал вид, что не замечаю его, и отвернулся. Но минут через пять мальчишка опять оказался рядом и даже протянул мне кулек с черемухой. Вообще-то мне нестерпимо хотелось взять хотя бы одну щепотку блестящих ягод, но я поглубже загнал руки в карманы и высокомерно заявил:

— Благодарю. Не хочется.

И еще плотнее придвинулся к Борису.

Вверху, на улочке с деревянными тротуарами, уже бойко шла торговля, предприимчивые сибирячки предлагали нам яички, редиску, желтый варенец в стеклянных банках. Но чему больше всего удивился я, так это клубнике. В Сибири, оказывается, поспевает клубника! Ну и ну! Она была некрупная, лесная, но от тонкого аромата ее у меня прямо-таки ноздри раздувались!

Борис, видно, тоже был поражен клубникой и, расщедрившись, купил у старухи в красном платке сразу пять кульков. Один протянул мне, бросил: «Смотри не опоздай»,— а с другими кульками зашагал по узкому проулку вниз, к причалу.

«Марфе»,— тотчас сообразил я, и без брата мне стало как-то тревожно и не по себе.

А когда я увидел, что ко мне идет тот самый страшный мальчишка, драчун и забияка, я хотел... спастись бегством. Только уже было поздно. Мальчишка стоял рядом. Кулька с черемухой у него уже не было: слопал.

— Дай-ка попробовать! — Он сунул руку в мой кулек, взял три самых крупных ягоды и бросил в рот.

Я огляделся: Борис давно исчез на пароходе. Тогда я, съев только три ягоды, решил отдать мальчишке весь кулек. Лишь бы не дрался.

— На, бери весь.

— А ты?

— Я уже наелся. Живот болит.

Мальчишка недоверчиво посмотрел на меня своими крошечными, глубоко упрятанными глазками, повел широкими бровями и сказал:

— Давай.

Он взял кулек за кончик, вытряхнул содержимое на свою большую ладонь и в две минуты расправился с горкой ароматной лесной клубники. А я стоял рядом и глотал слюну. Что мне оставалось еще делать?

— Тебя-то как звать? — спросил он.— Вовкой, кажись? Ну, так я Гошка. Давай лапу.— Шумно выплевывая зеленые звездочки клубничных листков, он так пожал мою ладонь, что я сморщился от боли.

Пока с парохода сгружали почту, какие-то ящики, мешки и бочки, мы с Гошкой лежали на зеленом взгорке и смотрели, как через Ангару в город Балаганск, расположенный на другом берегу, двигался паром. Гошка жевал травинку и рассказывал, что гостил в Иркутске у старшего брата, архитектора, бывал и в цирке, и в театре, и на Иркутской ГЭС, и даже ездил на массовку к Байкалу, а теперь вот соскучился по своей деревне и раньше срока возвращается домой.

— Так один и едешь? — спросил я.

— А чего там! — Гошка перевернулся на спину и, раскинув сапоги, посмотрел в небо.

— Совсем один?

— Чудило ты огородное! А что, меня кто-нибудь съест или укусит?

Я незаметно скосил в сторону глаза и тихонько вздохнул.

Я был доволен, узнав, что Гошка живет рядом с поселком, куда едем и мы, и я страшно обрадовался, услышав, что Гошкин дед — известный на Ангаре лоцман, много раз проводивший суда через бешеные пороги, а отец работает шкипером на барже: «обеспечивает» переправу с Левого берега на Правый строительства гидроэлектростанции...

Я не знал точно, что делает лоцман и почему он так называется, но спрашивать у Гошки было неловко, к тому же из его слов можно было кое о чем догадаться.

— А знаешь, кто моя сестренка? Мошкодав. И тоже на стройке.

— Кто, кто? — не понял я.

— Ну, какой ты бестолковый! Мошку уничтожает. Знаешь, как мешает она строителям? Постой, наглотаешься ее, начешешься до крови, сам увидишь...

Резкий гудок парохода заставил меня подскочить с травы. Гошка продолжал лениво валяться на земле.

— Опоздаем ведь, отстанем! — взмолился я, дергая Гошку за ногу и страшно волнуясь.

— Не бойсь. Это у него не последний сигнал.

Медленно, не роняя своего мужского достоинства, Гошка поднялся, отряхнулся, огляделся и, придерживая меня за локоть — все во мне так и рвалось вперед! — неторопливо зашагал к причалу. Все пассажиры были на пароходе, и матросы готовились убирать трап, когда мы с Гошкой явились на причал.

Пароход отвалил от стенки.

Река то казалась дикой и незаселенной по берегам, то удивляла обилием судов, барж, лодок.

Чаще всего наш пароход приставал к причалам, но там, где их не было, прямо на берег спускали длинный трап, и загорелые крепкие старухи и мужчины в кирзовых сапогах сходили на землю, поудобней пристраивали на плечах узлы и чемоданы и, не оглядываясь, уходили к деревням, а то и в глухую тайгу.

Впрочем, слезали немногие. Большинство пассажиров следовало до последней остановки, туда же, куда и мы с Гошкой,— на стройку.

Странное дело, я не спал ночь, но совсем не чувствовал себя разбитым. Гошка не давал ни минуты покоя, и мне даже некогда было предаться раздумьям.

Для Гошки не было запретов, и хотя черная надпись строго запрещала пассажирам третьего класса ходить по первому и второму, Гошка отважно водил меня по чистеньким, устланным коврами коридорам, бегал по всем салонам, верхней и нижней палубам, заглянул в медпункт, где помирала от тоски и безделья фельдшерица в белом халате.

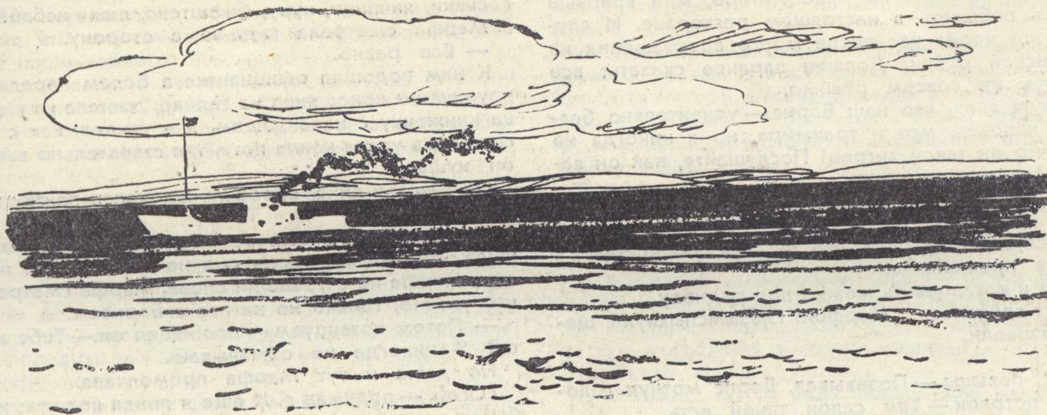
Гошка везде поспевал: помог спустить на берег трап, снес вещи какой-то древней старушке, и матросы звали его по имени. Нас не выгоняли из красного уголка, предназначенного для команды, где мы, корчась на диване от смеха, листали «Крокодил».

С Гошкой было совсем не опасно, и я даже потрогал на носу парохода небольшой медный колокол (некогда церковный, но не главный, а подголосок, как объяснил Гошка) с выбитыми странными словами с твердыми знаками.

Гошка научил меня лежать на самом носу и наблюдать сквозь отверстие, по которому движется цепь с громадным якорем, как острый форштевень разворачивает тугую и быструю воду и она, прозрачная и ледяная, двумя крыльями расходится по носу парохода, клокочет, шуршит, обтекая корпус. От напора Ангары якорь вздрагивал и покачивался, борт звенел и стонал, цепи мелко дрожали...

Часами готов был смотреть я на это зрелище.

— Хватит! Разлегся, как тюлень! — проговорил Гош-

ка и силой оторвал меня от этого невиданного зрелища и поволок в машинное отделение, где четко и оглушительно работала судовая машина и была сахарская жара.

Потом Гошка звучно похлопал по худому животу, потянулся, скривив позвоночник, лениво и сыто сощурился, зевнул в ладонь и кинул:

— Старика навестим, что ли? — Он кивнул куда-то вверх.

— Какого старика? — не понял я.

— Кого... Капитана, кого же еще.— И он полез по трапу к капитанскому мостику.

Нет, это уж было слишком. Меня точно болтами прикрутили к палубе.

— Шагай,— небрежно бросил Гошка,— он не ест детей.

И застучал сапогами, удаляясь.

Я ринулся следом.

— Крепче толкай дверь! — крикнул из рубки Гошка, который уже о чем-то беседовал с людьми в форме речников.

— Как дедуся? — спрашивал у него пожилой человек в сбитой на затылок мичманке.— Отводил свое. На печи, поди, лежит, кости греет?

— Ну да,— Гошка презрительно скривил губы,— еще одна проводка будет. Баржа для переправы нужна. Большого тоннажа.

— Ого! — воскликнул молодой у штурвала.— Через пороги?

— А то как же,— солидно, чуть нараспев ответил Гошка,— не посуху же, не по тайге!

— Ай да дед! — Пожилой вытер лоб.— Я думал, угомонился. А может, сочиняешь все?

Похоже было, что Гошка чуть обиделся.

— Ну вот, стану я брехать! Сам от брата сбежал, домой еду, на катер хочу попасть, чтобы через пороги...

— Глядите, какой шустрый!..— Молодой у штурвала не спускал глаз с реки.— Тоже в лоцмана метишь?

— Не знаю,— уклончиво ответил Гошка,— пока вырасту, много воды в Ангаре утекет.

— «Утечет» надо говорить,— сказал пожилой.— А в общем-то ты прав: поставят плотину, подымется вода, скроются на дне пороги, забудут, где они и были... Так что торопись, хоть кроху дедовского хлеба возьми на зуб...

— То-то и оно,— рассудительно сказал Гошка,— иначе б не сбежал от брата. Когда еще случится, чтобы через пороги...

Я ошеломленно слушал его. Так вот оно в чем дело! Гошка, оказывается, не очень точно объяснил мне в Малышевке причину бегства от брата...

Потом мы с Гошкой листали на штурманском столике толстенькую книгу — «Лоцманская карта реки Ангары»,— и поцарапанный Гошкин палец показывал, где мы сейчас идем, все изгибы, пороги, шивера — каменистые перекаты и острова реки — и конечный пункт нашего рейса...

До чего же она странная и удивительная, единственная в своем роде река, эта Ангара! Вытекает она из Байкала, становится поздней зимой, причем лед нарастает со дна. Мчится она то очень быстро, возле Иркутска и в местах сужений, то более спокойно, среди лугов и равнин, на ней много шиверов — мелких каменистых перекатов, порогов и островов...

Ревел гудок, шлепали плицы, как вальки по мокрому белью, мелькали редкие деревни и пристани. В одном месте стояли полчаса, в другом — десять минут.

Пристань в Усть-Уде я запомнил по мошкаре: маленькие серенькие точечки толкались столбом в воздухе, липли к лицу, приставали к языку; стоило раскрыть рот, и я плевался и ругал их на чем свет стоит.

— Фффуу, проклятая мошкара! И сколько ее тут!

Гошка смеялся.

— Разве это мошка? Не видел ты настоящей мошки.

Мошкару, комаров и всякую летающую и жалящую тварь он да и все другие на пароходе называли одним коротким и презрительным словом — «мошка́», с ударением на последнем слоге. Скоро так ее стал звать и я.

Вспомнив о Борисе и Марфе, я прискакал к ним в полутемный третий класс. По-моему, их не очень огорчало мое отсутствие, потому что они сразу отодвинулись друг от друга, как чужие, чуточку насупились и не очень дружелюбно поглядывали на меня. Но я не обижался на них, а даже посмеивался в душе. Что с них возьмешь, молодожены!

13

Я уже говорил о том, как Марфа всячески отговаривала брата от похода в ресторан. Мне же, говоря честно, страшно хотелось хоть раз побывать в настоящем ресторане. А то ведь даже издали не видел его, хотя много раз слыхал от разных людей, что они здорово провели время в ресторане.

В нашем городке были только столовые, буфеты и одно кафе.

Я в них заглядывал — ничего особенного. И вот здесь, на пароходе, на реке Ангаре, мне впервые довелось побывать в настоящем ресторане. И случилось это через час после моего возвращения из штурманской рубки. Должен заранее сказать: все случилось не совсем обычно.

Я всегда знал, что наш Борис — удивительно беспечный человек, мот и транжира, но я никогда не думал, что он такой хитрец! Послушайте, как он затащил Марфу в ресторан.

Я заметил, как он мельком глянул на часы и зевнул.

— Послушаем музыку, что ли? Наскучило здесь...

Марфа промолчала.

— Там и потанцевать можно под радиолу.

Что тут сделалось с Марфой! Глаза вспыхнули, щеки зарозовели.

— Где?

— Там, повыше.— Позевывая, Борис мотнул головой на потолок.— Там салон такой есть...

— Сходим? — попросила Марфа. Ох, видно, и хотелось же ей потанцевать!

А мне сразу стало скучно.

— Вовка останется внизу, вещи посторожит,— сказала Марфа.

— Да нет уж, пусть тоже идет.

Короче говоря, Борис попросил соседку по второй нижней полке присмотреть за вещами, Марфа мгновенно извлекла из сумочки зеркальце, оглядела себя, вытерла белым платочком под глазами, зачем-то помяла пальцами губы и сказала:

— Надо б платье сменить.

— Ничего,— сказал Борис,— и это сойдет.

— Неглаженое.

Борис больше не стал ее уговаривать; он сделал так, как и должен сделать настоящий мужчина.

— Нечего время терять,— сказал он и снова украдкой глянул на часики.— Пошли.

У меня не было настроения возражать брату, и я поплелся за ними наверх через коридор первого класса к этим скучнейшим идиотским танцам. Сзади и впереди нас тоже шли люди. Я и не подозревал, что на нашем пароходе едет такое огромное количество людей, жаждущих подрыгать ногами.

Коридор уперся в матовую стеклянную дверь, и я ошеломленно прочел на ней изящное, в завитках и хвостиках слово: ресторан.

Марфа вдруг резко остановилась.

— Боря...

Брат взял ее за руку и потянул.

— Борис...

— Я помню, как меня зовут,— сказал он и шепнул: — Людей постыдись...

Наше небольшое семейство образовало в дверях пробку. Марфа вся залилась румянцем, вспотела. Борис дернул ее за руку, и мы очутились в ресторане.

Заняли столик под белой скатеркой и вазочкой с цветами. Сидели мы в глубоких квадратных креслах в полотняных чехлах. Если кто никогда не был в ресторанах, пусть послушает меня, скажу как знаток: ничего особенного. От обычной столовой отличается вот чем: на столах лежат книжечки в кожаных переплетах под названием «меню», в которые вложены листки папиросной бумаги с отпечатанными на машинке названиями кушаний и ценами на них. Да еще в сторонке сияет черным лаком новенький рояль и вполголоса играет радиола.

Вот и вся разница. Ничего особенного.

Марфа сидела в кресле, сложив на коленях руки, строгая и чинная. Борис усиленно морщил лоб над меню, а я в основном крутил головой, даже шея скоро заболела.

— Что возьмем? — спросил Борис.— Плов, жаркое, сосиски, яичницу, куру, бифштекс, люля-кебаб?

Марфа смотрела куда-то в сторону.

— Все равно.

К нам подошла официантка в белом переднике и кружевном кокошнике на голове, достала из кармашка книжечку с карандашом, и я увидел, как с Борисова носа упала капля пота, так старательно выбирал он кушанья.

Он заказал вина, окрошку, жаркое и плитку шоколада.

Официантка вписала все это в свою книжечку и ушла. До тех пор, пока она не появилась с подносом, Марфа не сказала ни слова. Марфа смотрела на что угодно, только не на нас с Борисом.

— Потом потанцуем,— пообещал он.— Тебе хочется? Я никогда не обманываю.

Но даже и тут Марфа промолчала.

«Ого!» — подумал я. И еще я понял вот что: не побывав с человеком несколько дней в дороге, никогда не узнаешь его как следует. Мог ли я подумать, когда мы жили дома, что Марфа наотрез откажется выпить с братом вина?

— Тогда пеняй на себя,— сказал Борис, чуть обидевшись,— выпью всю бутылку один, упьюсь, придется тебе с Вовкой тащить меня вниз.

Я захохотал, представив эту картину, а она, Марфа, даже глазом не моргнула.

— А я тебе помогу,— сказал я.

— Тащить?

— Нет, пить.

— Вот этого? — Он щелкнул по бутылке с яблочной водой.

— Вот еще! Того.— Я кивнул на бутыль грузинского вина «Гурджаани».

— Маловат, братец.

Вот всегда так. До чего же скверное это дело — быть мальчиком! Но что мне еще оставалось делать? Он пил вино, я — фруктовую водицу; мы с ним чокались, как большие. Чтобы люди за соседними столиками были обо мне более высокого мнения, я залпом выпивал свою рюмку, морщился так, точно в лимонаде было по крайней мере градусов сто.

Марфа тем временем быстро ела окрошку, потом уминала жаркое. Держалась она так, словно совсем не знала нас.

Ела она невероятно быстро. Не успел Борис налить вино в последнюю рюмку, как она улизнула из-за стола и не дождалась даже компота.

Я особенно не осуждал ее за эту поспешность, потому что, во-первых, она мстила брату, заманившему ее под видом танцев в ловушку, а во-вторых, я люблю компот в три раза больше ее, и выпить сразу два стакана — это не каждый день случается.

Борис сидел взъерошенный, хмурый, чуть растерянный.

— А я хотел за Сибирь с ней выпить,— сказал он, чуть растягивая слова и мутновато глядя на меня.— За нашу новую жизнь, за Ангару. А она...

Я в это время раскусывал абрикосовую косточку из компота.

Борис махнул рукой.

— Сложное это дело — семейная жизнь,— чуть запинаясь, сказал брат,— вырастешь — на собственной шкуре поймешь... В-в-вовка, а В-в-в-вовка?

— Чего тебе? — спросил я.

— П-п-поймешь?..

— Постараюсь,— сказал я, а потом подумал, что этот ответ, наверное, не устраивает его, добавил: — Пойму... Боря, а что такое люля-кебаб?

Он исподлобья уставился на меня. Покрасневшее лицо его пошло пятнами.

— Ни ч-ч-черта т-ты не поймешь,— отрезал он, и я до сих пор не знаю, почему он это сказал. Или я виноват, что мне очень хотелось попробовать этот самый люля-кебаб?

Тащить его вниз не пришлось, он шел легко, и устойчиво, и очень быстро, куда быстрей, чем сюда. Я не стал соревноваться с ним в скорости, добровольно уступил ему первенство и пошел нормальным шагом.

Спускаясь в свой салон, я на трапе столкнулся с Гошкой.

— Где был? — спросил он.

— В ресторане,— я старался говорить как можно скромнее и равнодушней.— Пили. И я пил. За Сибирь.

Гошка хитренько улыбнулся, и от этой улыбки россыпь крупных веснушек на правой щеке задвигалась.

— Молодцы...— Гошка явно что-то недоговаривал.— Ну, пока.

Я проследил, как он присел возле своего самодельного фанерного чемоданчика в коридоре, достал кусок черного хлеба, два куска сахара и принялся старательно есть. Так и вздрогнуло что-то внутри у меня, непонятная теплота залила сердце.

Бедняга! Черствым хлебом пробавляется! Мы шатаемся по ресторанам, а он голодает! Надо немедленно уговорить Бориса взять его в столовую и хорошенько накормить обедом. Ведь он тайком удрал от брата, его никто не снаряжал, и денег у него, наверное, только и хватило на палубный билет, буханку хлеба и граммов сто сахару!

Чтоб не мешать ему обедать, я незаметно скрылся и заглянул в свой третий класс.

Наша соседка, худая тетка с усталым лицом, вздыхала и охала:

— Зимой еще ничего, мясо завозят, а летом прямо беда! На одних консервах сидим. Было б еще говяжьей тушенки вдоволь — ладно, а то ведь как выкинут, сразу расхватают, а потом месяц карауль... Ох, беда, беда!

Марфа всей грудью подалась к тетке.

— А базары у вас есть? Мясо купить можно?

— Сходи-ка, купи. Заламывают. Тридцать рублей — и одни кости.

Марфа подперла ладонью щеку и закачала головой.

— А с сахаром как?

— Теперь ничего. А то, бывало, как прослышим, что пароход приходит,— бегом к причалу. В буфете «подушечки» раскупали и все сладкое подчистую. Без чая-то не проживешь...

— Я так и знала,— проговорила Марфа упавшим голосом,— хотела с собой кой-чего захватить, так муж не разрешил. Стройка, говорит, огромная, знаменитая, в газетах ежедневно пишут. Снабжение должно быть хорошее.

— Да оно-то ничего,— старалась успокоить ее тетка,— раньше было плохо, как начинали. А теперь-то что! С мясом вот летом хуже и молока детям не достанешь... Портится ли, холодильников ли нет, а то завезли бы... Ты не пугайся, дочка, сейчас ничего. Живем...

— А как с огурцами? Лук, яблоки... Достать можно?

Мне стало как-то не по себе. Я не мог больше слушать эту болтовню о еде. Мы плывем по Ангаре строить самый большой в мире гидроузел, а здесь эти разговорчики о говядине и луке...

Я взбежал по трапу наверх.

Ангара, огромная и прохладная, несла наш пароход. Она то спокойно разливалась вширь, то мчалась у сдвинутых берегов, качая бакены и шурша тростником у низких островов, отражая лиственницы и сосны на крутых береговых уступах.

И как только капитан и штурманы разбираются в лабиринте проток? Как не заплутаются, не сядут на камни?

Иногда мне казалось, на мостике ошиблись: нужно держать не так, а в широкую левую протоку. Хоть бросайся наверх и предупреждай судоводителей. Но пароход уверенно сворачивал в более узкую протоку, и я целиком доверялся вахтенному штурману и успокаивался.

Быстро темнело. Я пошел на свое место, поеживаясь от ночного холода и сырости. В коридоре на чемоданчике сидел Гошка и о чем-то думал.

— Опять на полу? — спросил я.

— На палубе,— поправил Гошка,— пол в доме, на земле, а на судне пола нет — палуба.

— Слушай, Гош,— сказал я,— ну чего ты валяешься тут, в проходе, у самой машины?

— Тепло здесь.

— Хорошо, но ты ведь знаешь всю команду, неужели не можешь устроиться получше? В красном уголке есть диван, по-моему, он ночью пустует.

— Не хочу,— сказал Гошка.

— Дурак! — брякнул я.— Подумаешь, какой... Что им, жалко, что ли? Ведь и твой дедушка и отец...

— Отстань! — Гошка мотнул головой, и вдруг в глазах его блеснула ярость, он заорал: — И проваливай отсюда к своему братцу! Ну! Проваливай, пока в морду не получил. Ну! Кому я сказал? Хныкалка несчастная...

Я, конечно, не трус, но немножко знал Гошку, и меня как волной смыло.

Я неохотно забрался на свою полку, размышляя о странностях Гошкиного характера. Ну что я сказал ему оскорбительного? Будь я на месте Гошки, сразу побежал бы к капитану или к этому молодому штурману: приютили бы где-нибудь.

Было душновато. Храп, сопение, бормотание и всхлипывания наполняли тесный салон. Я лежал на спине, смотрел на тусклую пыльную лампочку в плафоне и долго не мог заснуть. Проснулся я от детского плача. С трудом разлепил веки: справа ворочается брат, внизу разинутый рот спящей тетки, пугавшей Марфу тем, что в поселке гидростроителей летом нет свежей говядины.

Марфы не видно: ее полка подо мной.

И я опять заснул.

Отчего проснулся, не знаю. Может, оттого, что вдруг замер привычный стук судовой машины.

Я осторожно приподнял голову. Что-нибудь случилось или мы стоим у пристани?

Еще вчера не мог я осмелиться один, без брата прогуляться по пароходу. Сегодня мне ничего не стоило это!

Цепляясь руками за полки, я слез вниз, торопливо завязал шнурки туфель и пошел по трапу вверх.

На палубе меня опахнула утренняя стынь, и я оцепенел от изумления.

Ничего не было видно — ни берегов, ни бакенов. Даже корма и нос и те исчезли, растворились в тяжелом тумане. Густой, непроницаемый, он окутал весь мир и скупо цедил реденький солнечный свет, и скорее не свет, а робкое и непрочное тепло жиденького серебристого сияния...

Судно стояло на месте. Его окутывал, обтекал туман, оседал каплями на палубах, трубе, иллюминаторах, а оно стояло на месте, вздрагивая от бешеного напора воды. Где-то рядом стучали ботинки матросов, раздавались команды. Звуки, как в вате, вязли в тумане и доносились приглушенно.

И вдруг мне показалось, что судно не стоит неподвижно. Медленно, едва заметно для глаза, дрожа и сотрясаясь, оно движется, сползает вниз.

Выставив вперед руки, чтобы не наткнуться на металлический предмет, я побежал на нос, откуда доносились голоса. Из тумана, как призраки, вырастали матросы, боцман в линялой, обшарпанной синей робе.

— Не держит! — крикнул боцман тревожно.— Тащит!

И я все понял: отданный якорь не может удержать судно. Я прислушался. Якорная цепь тряслась, словно ее колотил озноб, а снизу — оттуда, из глубины,— доносился жесткий и прерывистый скрежет.

Дно здесь, очевидно, было каменное, якорным лапам не за что было уцепиться, и яростное течение тащило махину вниз. Уже после, днем, узнал я от второго помощника, что в этом месте — называется оно Архинад (или как-то вроде этого) — река проходит меж каменных гор, ветра здесь меньше, тайга и горы задерживают, и туман особенно устойчив, а течение такое — лошади не угнаться...

— Отдать второй! — прозвучало с мостика.

Второй якорь ушел в воду, и на этот раз пароход вроде бы остановился.

— Дяденька, а почему нельзя плыть? — спросил я у боцмана и покраснел, поняв, что сейчас не время задавать вопросы.

Но боцман ответил:

— А куда идти? Ты что-нибудь видишь? Носом в скалу? Брюхом на шивер? Так? — И тотчас побежал к лебедке.

Вода завивалась воронками, взвихривалась, взрывалась и, сжатая тесными берегами, неистово рвалась вниз.

А тут еще туман, нескончаемый и плотный, навалился на пароход. И мне показался до смешного реденьким и не опасным туман, застигнувший нас в Иркутске.

Этот туман был совсем другой. Это был гибельный, враждебный, грозный туман...

Меня кто-то тронул за плечо. Обернулся — Борис.

— Какое творится, а?

Его лицо было влажным от росы. В густых, перепутанных черных волосах застряли капли. В вороте распахнутой ковбойки жестко темнела поросшая волосами грудь. От него, как от плиты, волнами исходило тепло, и я вдруг почувствовал к нему, может, как никогда в жизни, огромную братнюю близость.

Я тут же рассказал ему, как слышал скрежет якоря о каменное дно.

— Да,— сказал Борис,— силища какая, а? И мы направим ее в турбины, и они завращаются, и энергия пойдет по проводам и озарит всю эту глухую Сибирь... Да? Ну, чего молчишь?

Борис хлопнул меня по плечам своими ручищами и чуть не столкнул в реку.

— Ну да,— поспешил согласиться я, пока еще не очутился в воде, и отошел от брата.— Я, что ли, против? Направим, конечно, пусть вращаются...

(Продолжение в следующем номере.)

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

Пионер —
октябрятам пример.
Комсомолец —
пример пионерам.
У друзей-комсомольцев
учись, пионер,
Чтобы стать всем на свете
примером.

Комсомолец Виктор Алешин, слесарь одного из строительных управлений Москвы, сразу же, после того как прочел в газете доклад Н. С. Хрущева на Пленуме Центрального Комитета КПСС, пришел в горком комсомола и заявил о своем желании ехать работать в любой колхоз, где нужны его молодые руки.

Фото В. Школьного.

Любимая комната

Т. МАКСИМОВА

Рисунки автора.

В деревне Буда, раскинувшейся на виду у дремучих брянских лесов, слыхом не слыхали о том, что где-то на нашей земле существует город под названием Столин.

В Столинской школе тоже, конечно, по географии Буду не «проходили».

А между тем у столинских ребят и у ребят Будлянской средней школы есть одно общее дело.

Это школьный музей Ленина.

Конечно, таких школьных музеев у нас в Союзе теперь великое множество: на Урале и в Забайкалье, на Украине и в Средней Азии — всюду. И если бы мы захотели побывать во всех этих музеях, то и за год не могли бы их все осмотреть.

Поэтому мы расскажем только о двух музеях.

Был уголок стал музей

Года полтора назад пионеры Столинского детского дома о ленинском музее еще не мечтали. Они всего-навсего задумали устроить у себя Ленинский уголок. Первым делом они написали в детский дом в Ульяновск, на родину Ленина. Ответа не пришлось долго ждать.

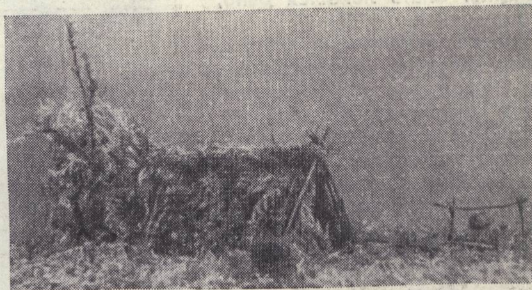
«У нас в городе все связано с Ильичем,— писали ульяновцы.— Наш пятый класс учится в школе, где раньше учился Владимир Ульянов, а девочки восьмого класса учатся в школе имени Кашкадамовой, друга семьи Ульяновых».

Потом написали в Казань — город, связанный с юными годами жизни Ленина. Студенты Казанского университета имени Ульянова-Ленина прислали в ответ теплое подробное письмо, фотографии памятных мест Казани и книгу «В. И. Ленин в Казанском университете».

Это были первые экспонаты музея.

Успех и поддержка окрылили ребят. Они решили связаться с настоящими крупными музеями В. И. Ленина, и скоро к ним начали поступать материалы из Куйбышева и Ленинграда, из Праги и Кракова.

Подарков оказалось так много, что они уже не вмещались в уголке пионерской комнаты.

Макет шалаша в Разливе.

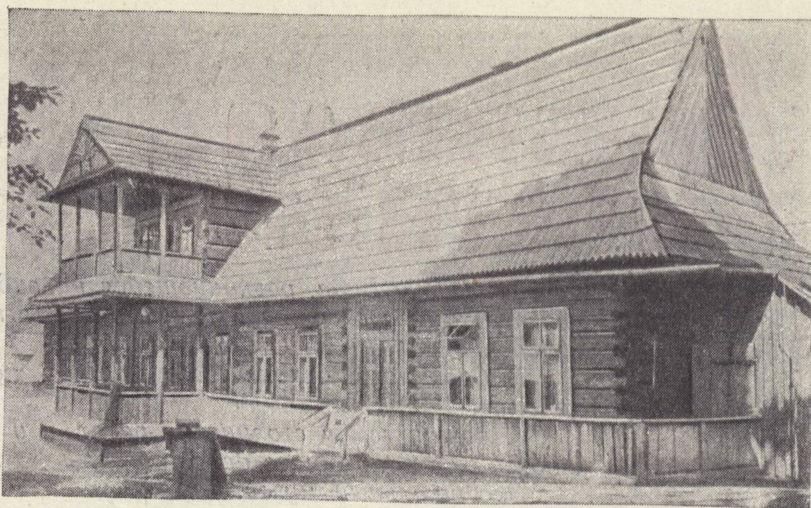
— А давайте всю комнату сделаем ленинской! — предложил кто-то из ребят.— Музей так музей. Все по-настоящему — стенды, витрины, рамки...

Мальчики не вылезали из столярной мастерской. Николай Климович вместе с товарищами делал из пластилина, мха и прутиков макет знаменитого ленинского шалаша в Разливе. Девочки окантовывали фотографии.

Но какой музей без экскурсовода? Тем более, что стали появляться первые посетители — сначала из города, потом из района и, наконец,— экскурсанты из других областей. И каждый спрашивает: это что? А это? А вот это?

— Здесь собраны письма и воспоминания людей, которые знали Ленина,— объясняет Валя Ванюшина (она ведает перепиской со старыми коммунистами).— Нам часто

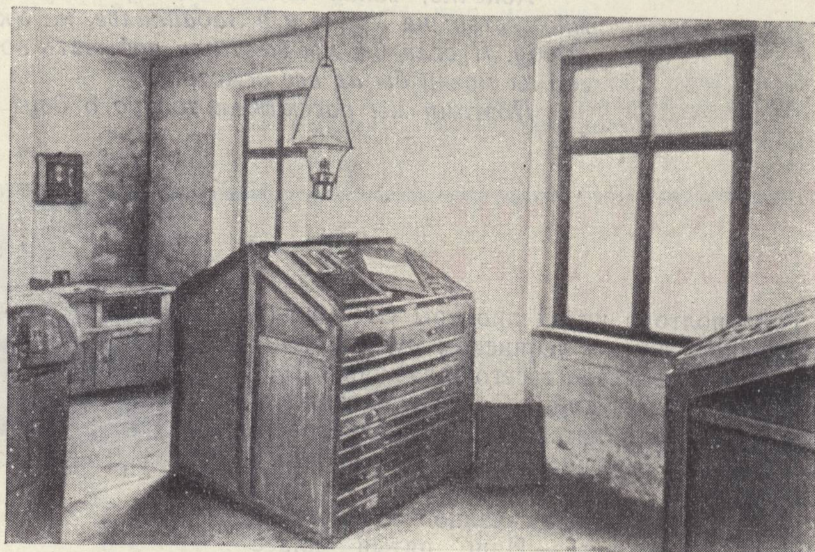
ЭКСПОНАТЫ ШКОЛЬНОГО МУЗЕЯ В. И. ЛЕНИНА В СЕЛЕ БУДА

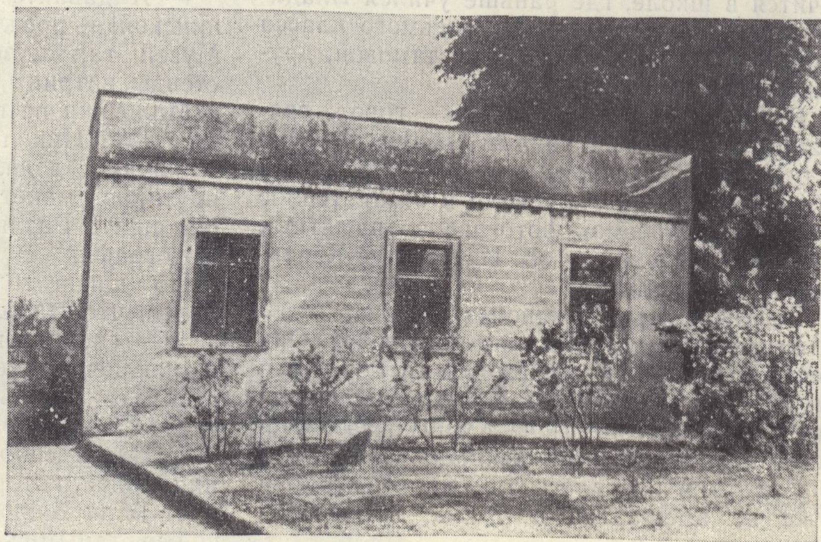

Этот дом стоит в деревне Поронино, в Польше. Здесь Владимир Ильич прожил вместе с Надеждой Константиновной Крупской два лета подряд, в 1913 и 1914 годах. Они снимали у хозяйки, Терезы Скупень, две комнаты и кухню, да еще комнатку на чердаке.

Здесь, как и везде, Владимир Ильич работал размеренно и много. Вставал рано и до завтрака бежал купаться в горной речушке Дунаец. Потом шел на почту за письмами и телеграммами. На самые срочные отвечал сразу. После завтрака поднимался к себе наверх и работал до семи часов вечера — писал. Отрывался только для того, чтобы пообедать. А вечером садился на велосипед и отвозил письма на станцию. Спать ложился рано, по-деревенски.

Иногда, в хорошую погоду, отправлялся на прогулки в горы. Старожилы хорошо помнят «пана Ульянова». Он не был похож на обычных дачников, интересовался тем, как живут люди вокруг него, разговаривал с местными жителями, расспрашивал обо всем.

В этом доме, в этой комнате (второй и третий снимок) при свете керосиновой лампы набирался первый номер газеты «Искра». Типография эта находится в Лейпциге. Улица, на которой она стоит, так и называется — Русская.

Ленин приехал в Лейпциг во второй половине 1900 года и сам редактировал весь номер. В дальнейшем «Искра» печаталась в Мюнхене.

пишет Елена Дмитриевна Стасова... Вот воспоминания библиотекаря Владимира Ильича, Шушаники Никитичны Манучарьянц. Она рассказывает, как бережно обращался Владимир Ильич с книгами, как внимателен был к людям. Шофер Ленина, товарищ Гиль, тоже прислал нам свои воспоминания. Мы очень любим получать письма...

— А вот «Лениниана» скульптора Андреева,— рассказывает Женя Захаров, один из «художников» музея.— Он лепил и рисовал Ленина с натуры, и нам удалось достать снимки с его работ.

— На этом щите — рисунки ребят на тему: «Здесь жил Ленин». Они сделаны по материалам нашего музея.

— Хотите посмотреть марки с изображением Ленина? — спрашивает «директор» музея Аня Самуйлик.— Мы уже собрали девятнадцать штук!

— А что в этом альбоме?

— Это...— Аня замялась.— Это просто так, спичечные этикетки. Мальчишки собирают...

Напрасно смутилась Аня. Ничего удивительного нет в том, что ребята несут сюда все, что им дорого и интересно. Ведь ленинский музей — их любимая комната.

Женя показывает рисунки своих товарищей.

Со всех концов земли

Деревня Буда отстоит от железной дороги на тридцать пять километров. Если ребята задерживаются в школе до вечера, то они там и остаются ночевать, потому что идти полем, когда уже стемнеет, страшно — того и гляди, из лесу выбежит волк.

Но, когда переступаешь порог Ленинской комнаты в Будлянской школе, сразу забываешь о расстояниях.

Забываешь, что в село только что провели электричество, что многие ребята не видели еще паровоза, не бывали ни разу в кино.

В небольшой, уютной комнате с веселыми голубыми занавесками стоят три узких стола буквой «П». Столы эти сделали сами ребята у себя в столярной мастерской. А сейчас они сидят, члены совета дружины, в белоснежных пионерских рубахах и выутюженных галстуках за этими столами и обсуждают свои пионерские дела.

Со стены на них смотрят Ленин, его соратники и продолжатели его дела во всем мире. Среди них — Ким Ир Сен, приславший свой портрет и свое слово о Ленине, и Эрнст Тельман — эту фотографию подарила ребятам его жена и боевой товарищ Роза Тельман.

Со всех концов земли идут к ребятам драгоценные ленинские документы. Редкие снимки из Варшавы, Праги, Берлина и Ульяновска рассказывают о жизни и делах Ленина. Улица в Берлине, на которой жил Ленин, «Королевская библиотека», в которой он работал. Наборщик, который набирал первые номера «Искры». Типография Макса Эрнста, в которой «Искра» печаталась.

Ленинская комната в Будлянской школе на целый год «моложе» музея в Столине. Но и она уже стала любимой комнатой, центром пионерской жизни и местом отдыха, где можно поиграть в шашки и шахматы, посмотреть телевизор, послушать магнитофонную запись.

Да, да, не удив-

Все своими руками!

Этот памятник стоит на площади немецкого города Эйслебен (ГДР). Прежде чем попасть сюда, памятник проделал поистине замечательное путешествие.

В 1941 году гитлеровцы вывезли его из Советского Союза и решили переплавить. Фашисты понимали, что памятник Ленину не только бронза, это символ свободы и борьбы за счастье трудящихся. Они боялись, что у рабочих не поднимется рука уничтожить его, и постарались до неузнаваемости изменить статую: облепили весь памятник глиной, замазали краской.

Только напрасно они старались! Когда скульптуру доставили на завод в Катовицы, польские рабочие, счистив кое-где глину и краску, поняли, в чем дело, и заявили, что для такой бронзы температура в их печах недостаточно высока.

Памятник побывал в Силезии, потом в Саксонии. Работавшие на медеплавильных заводах военнопленные — русские, украинцы, чехи, французы — под тем или иным предлогом отказывались переплавлять бронзу.

Осенью 1943 года памятник попал на завод «Круппхютте» в городе Эйслебен. До конца войны прятали его на заводском дворе немецкие антифашисты-подпольщики и советские военнопленные. Накануне прихода наших войск антифашисты водрузили памятник на городской площади. Когда советские воины вошли в город, навстречу им улыбался бронзовый Ленин!

Кто хочет узнать подробнее обо всей этой удивительной истории, пусть прочитает книгу М. Величко «Источник вдохновения».

Музей В. И. Ленина в Кракове.

ляйтесь — у них есть и магнитофон и телевизор. Летом ребята помогали совхозу — убирали картофель и свеклу — и на вырученные деньги купили телевизор и магнитофон. Они их купили, когда в деревне еще не было проведено электричество, потому что знали: свет будет!

Так же, как столинцы, будлянские ребята дружат со старыми коммунистами. У них даже есть общие корреспонденты: Елена Дмитриевна Стасова, у которой всегда найдется слово привета для тех, кому дорог Ленин. Часто получает письма из Столина и Буды и Елизавета Яковлевна Драбкина. Книга Елизаветы Яковлевны «Черные сухари» — о тяжелых и мужественных годах гражданской войны — особенно полюбилась будлянским школьникам. Узнав, что эта книга выдвинута на Ленинскую премию, они очень обрадовались и написали в Комитет по Ленинским премиям о своем горячем убеждении, что книга достойна этой высокой награды.

Интересно переписываться с Москвой, радостно чувствовать, что нет такой точки на планете, где людям не была бы дорога память о нашем Ленине! Но ребята не забывают, что много интересного можно найти и совсем близко. Они раздобыли адреса местных брянских коммунистов, которые видели Ленина, и попросили их поделиться своими воспоминаниями о нем.

Василий Аврамович Богомаз рассказал о выступлении Ленина на Втором всероссийском съезде союза работников просвещения в 1920 году. Василий Аврамович был делегатом этого съезда.

Старый коммунист товарищ Сентюрин живет в городе Дятькове. Ему тоже довелось слышать выступление Ленина в мае 1921 года на IV Всероссийском съезде профсоюзов. Он прислал в музей воспоминания.

Так, крупица к крупице, собирают ребята драгоценный материал об Ильиче. Это помогает им увидеть Ленина как живого.

Ленин как живой

Каким же был Ленин?

И в Столине и в Буде ребята ясно представляют себе образ Ленина. Они даже могут рассказать, каким он был, по их мнению, в свои школьные годы.

Володя Гащук.

«Владимир Ильич Ленин в моем возрасте был веселым мальчиком, — рассказывает столинец Володя Гащук.— Он любил играть в игры, а в свободное время брался за книги. Владимир учился очень охотливо. Он всегда пораньше придет в класс и помогает отстающим товарищам. Владимир был честным, аккуратным, правдивым. У него были смеющиеся глаза. Он любил свою меньшую сестренку, Олю, и часто играл с ней. Игрушек он не любил. Он одевался по-простому. Черные брюки и белая рубаха».

А вот каким Володя Ульянов представляется Зине Лагутко.

Слава Еркин, член редколлегии стенгазеты.

«Владимир Ильич Ленин в наши годы был очень вежлив к старшим, — говорит она.— Очень любил играть с младшими и иногда заигрывался так долго, что матери приходилось звать его. Владимир Ильич Ленин был уверен в работе и никогда не отступал от задуманного. Это был маленький, но очень умный мальчик с кудрявыми волосами, черными глазами и полувеселой улыбкой».

Полувеселая улыбка! Ведь это не всякий писатель так хорошо скажет, как сказала Зина. Она правильно почувствовала, что мальчик, которому суждено вырасти Лениным, должен был быть не только жизнерадостным, но и задумчивым.

«Владимир Ильич Ленин в моем возрасте был честным, трудолюбивым, помогал товарищам в беде. Если в его классе был отстающий товарищ, Владимир Ильич в любую минуту поможет ему»,— уверенно, точно она училась в симбирской гимназии, а не в Столинской школе, пишет Галя Па-

цовская, словно это ей, Гале, помогал Владимир Ильич. Ей даже кажется, что она знает, в какую погоду как он одевался.

«Ходил он в черном костюме. Иногда, когда было тепло, он ходил в брюках и в клетчатой или в белой рубахе. Зимой он ходил в куртке, шапке и валенках».

Вот и Люба Присекина из Будлянской школы пишет так, что кажется, она рассказывает о человеке, с которым хорошо знакома.

«Прочтет он, бывало, какую-нибудь книгу,— он знает ее наизусть. Лишнего никогда не говорил.

Была у него еще привычка: прищуривать один глаз».

Еще одну черту добавляет член редколлегии стенной газеты в Будлянской школе Валерий Шинкарев.

«Походка у Володи была легкая»,— утверждает он. И както верится, что так оно и было!

Сочинений о Ленине много. Каждый описывает Владимира Ильича таким, каким он его себе представляет — по книгам, по портретам, рассказам и по собственному воображению. Но у всех — это скромный, добрый, целеустремленный и волевой человек, внимательный к людям, требовательный к себе. Каждый ясно видит его перед собой: это всем нам близкий и дорогой Ильич.

Валерий Шинкарев.

ОТ РЕДАКЦИИ

Как только наш корреспондент вернулся из поездки в Буду и Столин, мы сразу же навестили Елену Дмитриевну Стасову. Ведь ребята из этих мест давно переписываются с Еленой Дмитриевной и она всегда в курсе всех школьных дел. А недавно будлянские школьники приняли Елену Дмитриевну в почетные члены своей дружины и просили нас как можно скорее сообщить ей об этом.

Елена Дмитриевна Стасова написала несколько слов для всех ребят, которые собирают и свято берегут все, что рассказывает о жизни В. И. Ленина.

«В числе моих многочисленных корреспондентов есть много молодежи разного возраста, начиная от октябрят и кончая комсомольцами. Основной темой писем ребят являются вопросы о Ленине и просьбы рассказать о нем. Я обычно посылаю ребятам свои воспоминания, чтобы помочь в организации ленинских музеев и уголков в школах.

Изучать жизнь Владимира Ильича необходимо каждому советскому пионеру. Нам, старым коммунистам, особенно приятно, что в самых отдаленных уголках нашей страны руками ребят создаются музеи памяти Ленина. Именно поэтому переписка с молодежью всегда доставляет мне большую радость.

Елена Стасова».

ДЕЛЕГАТ СЪЕЗДА

Делегат XIV съезда ВЛКСМ Виктор Михно — строитель «Казахстанской Магнитки». В Темир-Тау он приехал с первой группой украинских добровольцев. Работал плотником, потом освоил еще несколько специальностей. На стройке Виктор окончил 10 классов вечерней школы. Сейчас он студент третьего курса Всесоюзного заочного инженерно-строительного института.

ДОМНЫ В СТРОЮ!

Февралю повезло. В этом месяце одна за другой родились две гигантские автоматизированные домны — Новотульская и Новолипецкая.

По-ударному, по-комсомольски потрудились домностроители. Если все, что они уложили и смонтировали — бетон, железобетон, кирпич, огнеупоры, конструкции,— погрузить на железнодорожный состав, то понадобилось бы 52 тысячи платформ! Домны были построены всего за несколько месяцев. Это мировой рекорд!

ПЕРВЫЙ КОВШ

В прибайкальской тайге встает новый город — Шелехов. Рядом с городом растут заводские корпуса. Это первый в Восточной Сибири алюминиевый завод. Над стройкой шефствует комсомол. 10 февраля у молодых строителей был большой праздник — получен первый ковш сибирского алюминия.

МИЛЛИОН ЦВЕТОВ

Раньше на улицах Павлодара росли только лопухи. Теперь этот маленький пыльный город не узнать. Целый миллион цветов — георгинов, гладиолусов, канн, нарциссов — посадили прошлым летом вдоль тротуаров. На берегу Иртыша, где была мусорная свалка, устроен красивый пляж. Проведен водопровод. Выросли кварталы многоэтажных домов. Все это сделано в основном руками молодежи, приехавшей строить Павлодарский алюминиевый завод.

Ангарская сказка-быль

В. ПЕСКОВ

Об этой стройке редкий не слышал. Братск, Ангара. Спроси первоклассника, и тот покажет место на карте, где строится гидростанция. Очень известная стройка. Но все ли знают, как она начиналась, все ли представляют, какая она огромная?

Мне повезло. Пять раз я был у Падунских порогов...

Приехал первый раз. Стою на левом берегу Ангары. Правого берега не видно в морозной дымке. Два гидролога в темных бутылках несут ангарскую воду на пробу. Рыбак везет на салазках огромного осетра.

— Иль запрудить думаете? — спросил рыбак.

— Запрудим, — засмеялись гидрологи.

— Ангару запрудить?! — Рыбак махнул рукой и тоже засмеялся.

И правда, трудно было поверить, что быстрая, холодная и полноводная Ангара покорится когда-нибудь человеку. Целый километр воды разделял два каменных берега...

Второй раз приехал. Бульдозеры рушили землю. Весь левый берег дымился кострами. Белели палатки. Под стук топоров, словно грибы, вырастали дома из желтых смолистых бревен. Люди селились на Ангаре.

Зимой — мороз, метели. Летом — жара, мошка. Все равно ухали взрывы, стукали топоры, а вечерами возле костров рождались песни. На Ангаре очень яркие рассветы и долгие, как будто акварелью писанные закаты. Можно целый час глядеть, как полыхает заря.

Веет свежестью ночь сибирская,
Собрались друзья у костра.
Ты навеки нам стала близкою,
Величавая Ангара...

Теперь эту песню многие знают. Она заставляет вспомнить палатки, стук топоров, запах таежного дыма. В год, когда родилась песня, парни на берегу Ангары ломали че-

ремуху и приносили девушкам снежные хлопья букетов. В тот год испуганные медведи, хватив носом запах костров, уходили искать глухие места в тайге...

Третий раз приехал. Нет палаток. Есть город. Большие улицы, магазины, кино. И самое главное — стройка шагнула на Ангару. По шершавому льду ходили машины и сыпали в проруби камень. На берегу работали парни в тельняшках. Они приехали прямо с флота. Они просили самой трудной работы. Им и дали трудную — дробить камень в том месте на берегу, где начнется плотина. Взрывы, стук пневматических молотков, скрежет железа. С двух берегов шло наступление на Ангару. Рядом с матросами-взрывниками работали экскаваторщики, инженеры, геологи, плотники, шоферы... Наступление началось. Но во всю ширь текла еще Ангара. Еще не пришли на стройку люди главных профессий — бетонщики и монтажники...

Штурм Ангары. Это был день, которого ждали, к этому дню готовились тщательно. Этот день наступил. Десятки двадцатипятитонных грузовиков один за другим двинулись по мосту над рекой. Свет прожекторов. Сотни людей запрудили правый и левый берега. Приехали корреспонденты и операторы, чтобы заснять на память людям битву с рекой.

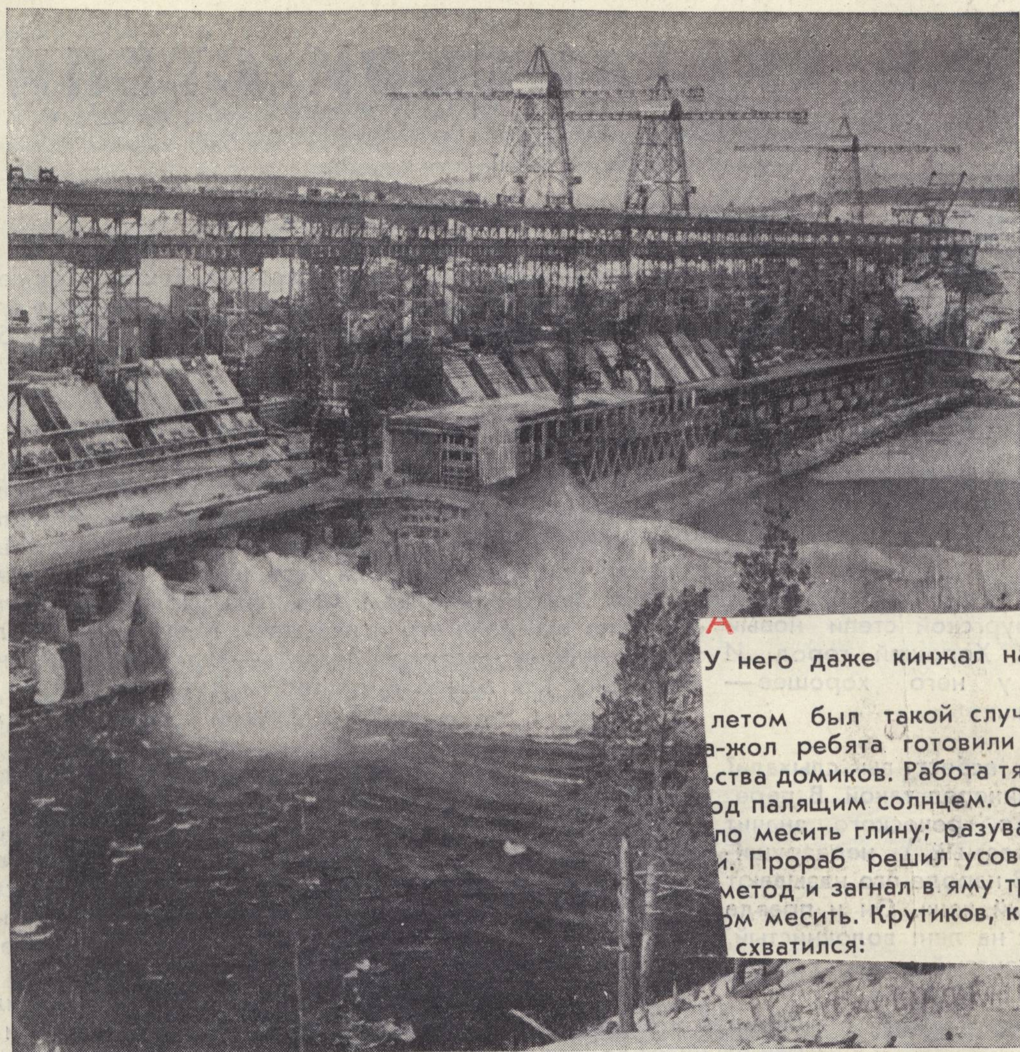
Грохот машин, дым и белые брызги. Грузовики лентой идут на плотину и валят, валят, валят в воду бетонные многотонные пирамиды. Много часов подряд продолжалось сражение. Казалось, дна не было в голубой реке. Но вот показался белый, пенистый гребень. Вот уже видна верхушка бетонной запруды. Каменная стена загородила дорогу. Река вздулась, вспенилась, но нечего делать — с покорным ревом устремилась в приготовленные людьми бетонные коридоры.

Люди стояли на эстакаде. В лицо им летели мелкие, как туман, белые брызги. Один шофер подставил ладони и умылся светлыми брызгами. У людей был праздник. Среди сотен парней и девчат я искал старого рыбака, знакомого с первой поездки. Что теперь сказал бы рыбак, ловивший осетров у Падунских порогов?..

Потом я долго не виделся с Ангарой. Приехал и не узнал ни реки, ни плотины. Четыре сосны на правом берегу раньше казались мне великанами. Теперь они мало приметны, а рядом... Да вот она, плотина, поглядите на снимок. Вот сосны, которые помнят медведей, помнят костры и палатки, помнят штурм Ангары и первые блестки сварки.

Об этой плотине знает весь мир, но все ли представляют, какая она огромная? Когда делался снимок, по самому верху, под кранами, похожими на самолеты, ходили люди.

На снимке их даже не видно: такими маленькими кажутся люди на эстакаде. По плотине поезда ходят, она подпирает море воды. Вода разлилась на сотни километров, образовала Братское море. И только по тесным трубам есть выход воде.

В этих трубах и запрягают воду в работу. Под напором моря вертятся огромные колеса турбин, рождается ток.

Во всем мире нет гидростанции, равной Братской по силе. Двадцать турбин будет поставлено на плотине. Четыре из них уже пущены, уже дают они электричество лампочкам, поездам, плавильным печам, станкам и моторам....

...Можно часами стоять под соснами, на правом скалистом берегу, слушать шум Ангары и глядеть, глядеть. Сказка? Почти как в сказке, из дымных костров, из песен, из железного кружева, бетона и вспышек электросварки родилось чудо на Ангаре. Кто они, эти волшебники, сотворившие ангарскую сказку-быль? Их много: сварщики, инженеры, бетонщики, монтажники, крановщики. Парни и девушки, комсомольцы, ваши, ребята, братья и сестры. Совсем недавно носили они пионерские галстуки...

ЗА ХОРОШУЮ РАБОТУ

В пятидесяти километрах от Харькова сооружается огромное здание тепловой электростанции — Змиевской. Это ударная комсомольская стройка. За хорошую работу молодым строителям вручено переходящее Красное знамя Совета Министров СССР и ВЦСПС. Уже действуют два турбогенератора ГРЭС. Они дали заводам и фабрикам свыше миллиарда киловатт-часов электроэнергии. Заложен фундамент под третий турбогенератор.

В Тургайской степи

А. СКРЫПНИК

Вы думаете целина кончилась? Вовсе нет. Так же, как семь-восемь лет назад, стоят по весне в степи палатки, а немного времени спустя вырастают на их месте новые совхозные поселки с белыми домами...

ПРО ЛЮБОВЬ

Прошлым летом, в самую жару, когда марево прозрачными облаками стлалось на горизонте, приехали в Тургайскую степь трактористы из соседних совхозов. Приехали помочь поднять целину.

Был среди них светловолосый парнишка с облупившимся на солнце носом. Звали Анатолием. Фамилия украинская, звучная — ...й. Так по фамилии его и называли. Маленький, щуплый на ...сядет в кабину, гусеницы лязгнут — и тяжелая машина слу... парнишку, как живое существо.

Другой парнишка, черноглазый, загорелый, верхом на лошади, любит смотреть, как Шамрай на тракторе ездит.

— Как на коне! — с восхищением говорит он о Шамрае.

Этого парнишку зовут Досымжаном Махатовым. Он кончил десятилетку и помогает отцу отару пасти.

Потом они познакомились — Шамрай и Махатов. И подружились. Чуть что с трактором и Шамрай начинает колдовать у мотора — Махатов уже здесь. Тоже смотрит и хочет помочь.

Было жаркое, трудное лето. И днем и ночью гудели тракторы, поднимая целину. По утрам к черному от пыли и усталости Шамраю приезжал Махатов: привозил вареное мясо, айран в пузатом графине. И все просил:

— Научи на тракторе, Шамрай!

Тот стал учить.

Когда уезжали целинники по домам, в свои совхозы, Махатов сказал:

— Как же так, Шамрай, ты уедешь, а я не доучусь?

И Шамрай остался. Не только из-за друга, но и потому, что тут создавался новый совхоз «Коммунизм жолы», и очень нужны были люди.

Длинными снежными ночами просиживали они над схемами, очень старательно Шамрай учил своего дружка. Однажды принес совсем незнакомую схему.

— Это что? — спросил Махатов.

— А это, брат, кукурузная сеялка. Давай будем учить.

— Зачем она нам? — недоверчиво покачал головой Махатов.— Кукуруза в Тургае?

— Будет кукуруза в Тургае! — сказал Шамрай.

СЛОВО И ДЕЛО УДАРНИКА

Строитель Орско-Халиловского металлургического комбината комсомолец Сергей Карпенко — ударник коммунистического труда. Он дал слово: каждый месяц перевыполнять задание, обучить 12 рабочих специальности плотника-опалубщика, сдать экзамены в строительный техникум, подготовить 6 человек в комсомол, посадить 10 деревьев, собрать 500 килограммов металлолома. Свое слово ударник сдержал.

В марте повеяло в Тургайской степи теплынью. Совхоз начал сеять. Сеяли и кукурузу. Шамрая назначили звеньевым. Спросили:

— В прицепщики, небось, Махатова возьмешь?

— А то кого же еще? — ответил Шамрай.

Шамрай раньше жил на Украине. Там кукурузу издавна выращивают. Ему приходилось до приезда на целину и сеять ее и убирать.

Взяли Шамрай с Махатовым обязательство по триста двадцать центнеров с гектара получить. Стали сеять. У других квадраты неточные, мерная проволока не ложится как надо. А у этих двух — как по линейке. На сеялке, в грохоте, в пыли, гордо стоит Махатов. И все у него ладится, потому что всю зиму учил его Анатолий Шамрай.

Даже те, кто сомневался в кукурузной сеялке, стали говорить:

— Смотрите, первый раз сеет кукурузу Досымжан Махатов, и как здорово у него получается!

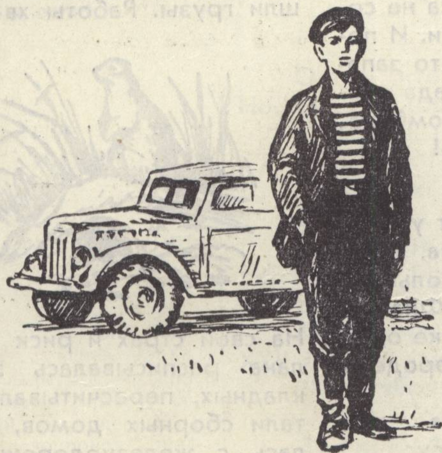
Кончили сеять. А Досымжан Махатов каждый вечер ходит на свой участок. Смотрит, нет ли всходов. Это уже любовь. Любовь к кукурузе, которую привил ему украинский паренек Анатолий Шамрай.

СОРВИ-ГОЛОВА

Про таких, как Вася Крутиков, совхозный шофер, обычно говорят: «сорви-голова». Невысокий, плотный, в неизменной кепчонке с коротким козырьком, он грубоват, глаза у него дерзкие. Я попросил его подвезти меня в пятую бригаду.

— А чего там?

Я объяснил. Вася подумал и сказал:

— Ничего, дойдешь пешком. Время сейчас такое, что машины позарез нужны...

Пришлось идти пешком...

Вася начал работать в новом совхозе имени Иманова позже других. Но быстро завоевал авторитет. К нему прислушиваются, а некоторые даже побаиваются его. Парнишка в форме ремесленника, приехавший в совхоз на практику, сообщил мне:

— По-моему, Крутиков — перевоспитанный бандит. У него даже кинжал на руке выколот.

Прошлым летом был такой случай. На участке Жана-жол ребята готовили саман для строительства домиков. Работа тяжелая, целый день под палящим солнцем. Особенно трудно было месить глину; разувались и месили ногами. Прораб решил усовершенствовать этот метод и загнал в яму трактор. Стали трактором месить. Крутиков, как увидел, за голову схватился:

— Да ты с ума сошел! Новенький трактор загубишь.

Ребятам облегчение, и поэтому они тоже стоят за прораба. Прошло три дня. На четвертый приходит утром тракторист и видит: нет магнето.

— Это я снял,— признался Крутиков.— Снял и запрятал. И не скажу где, потому что не могу наблюдать, как машину гробят...

Постоянно случаются с Крутиковым разные истории.

Вез он однажды на «газике» директора из отделения в совхоз. Смотрит, машина на дороге. Шофер, совсем еще мальчишка, руками разводит:

— Мотор барахлит.

Крутиков сказал директору:

— Я помогу ему.

— Давай, только не долго: мне в райком на бюро надо.

Завели машину,

СДЕЛАНО ОТЛИЧНО

На Южуралмашзаводе комсомольцы пять суток не выходили из цеха, чтобы выполнить заказы ударных строек. Девиз южуралмашевцев — «Сделано комсомольцами — сделано отлично!»

сели, проехали километр — опять поломка. Подладили — через два километра снова остановка. Так незаметно отъехали километров двадцать, и только тут Крутиков спохватился, что оставил на дороге директора. Подумал и рассудил так: «С директором ничего не случится, а парнишка запросто пропадет: кто ему на глухой дороге поможет?»

Директор пришел в совхоз пешком. Хотел Крутикову объявить выговор, да передумал...

А знаете, кем был раньше Вася Крутиков? Письма сортировал на почтамте.

— Одни девчата, и я среди них,— рассказал мне Вася.— Решил характер свой закалять и подался вот на целину... Недавно в комсомол меня приняли...

Вот такие ребята на целине. Прямо скажем: очень даже замечательные ребята!

С колышка

Н. БЕЛЯЕВА.

Полгода назад заложен в Оренбургской степи новый город. Хороший город. И имя у него хорошее — Ясный...

Про асбест вы слыхали? Это минерал такой. В переводе с греческого значит несгораемый, неразрушимый. В народе его называют «горный лен». Он и правда похож на лен: волокнистый, шелковистый, только цвет серовато-зеленый. И пряжу из него делать можно, и ткань, и веревку. Самая тонкая нить асбеста крепче лучшей проволоки. Но главное — он не боится огня, не проводит тепла и электричества. Спецовка сталевара и пожарный шланг, шифер и театральный занавес — куда только не идет асбест!

Больше всего «горного льна» на Урале. Особенно в Оренбургской степи. Но люди долго не знали об этом. Сколько раз проходили геологи мимо Волчьей балки! А там «лен» чуть не под травой лежит.

Выдал тайну природы... суслик. Наткнулся раз геолог на сусличью нору, заглянул и увидел пушистые волокна. Асбест! Снарядили тогда поисковый отряд, потом еще отряд... Тысячи километров прошли геологи, пока не составили карту залежи. И получилось по карте, что запасов асбестового клада хватит для огромного комбината почти на столетие!

Про этот комбинат узнала Светлана Поволокина. Прочитала в «Комсомольской правде» заметку «Флажки на карте». А в заметке одна строчка — о новом городе в Оренбургской степи.

— Поеду,— сказала она отцу.— Мне кран дадут.

Светлана была крановщицей.

Из Казахстана она поездом добралась до Оренбурга, а там указали путь — в Домбаровку.

В Домбаровке никто ничего толком не знал. Говорили, что живет в гостинице Тимофей Семенович, он вроде собирает людей для какой-то стройки. Светлана к нему. И выяснила, что ехать пока некуда.

— Будем начинать с колышка,— сказал Тимофей Семенович.

И Светлана забыла про кран. Стала мечтать о городе «с колышка».

В адрес новостройки уже шли грузы. Работы хватало.

На свой страх и риск Светлана расписывалась в накладных, пересчитывала детали сборных домов, ругалась с железнодорожниками — стала третьей рукой Тимофея Семеновича.

Вместе с ним она и еще девять человек приехали на стройплощадку. Это было только название — «стройплощадка». Просто — в голую степь, туда, где Волчья балка. Нашли отметки геодезистов и вбили колышки для первой палатки.

Был среди первых строителей шофер Иван Тамбовцев. Тоже мечтал о городе «с колышка». В августе говорит ему управляющий:

— Поедешь в Ульяновск, на автозавод. Новую машину получать.

Иван чуть не заплясал: обрадовался.

Приехал, а там отказ:

— Машину получите в четвертом квартале.

— Нам сейчас нужно. В такую степь — и всего одну машину! — взмолился Иван.

— Не дадим!

— Как не дадите?

— Завод план не выполняет.

— У нас за это с работы гонят! — рассердился шофер.

Две недели ходил Иван из кабинета в кабинет. Выстоял очередь к заместителю директора завода. Надоел в совнархозе всему начальству.

Потом пришел на почту. Взял телеграфный бланк. Написал: «Совет Министров РСФСР. Председателю Д. С. Полянскому... Прошу содействовать отгрузке автомобиля тресту «Асбестстрой».

Хотел еще добавить: «В такую степь — и всего одну машину!» Раздумал. Подписался: «Иван Тамбовцев».

Через три дня на заводе засуетились:

— Где этот настойчивый строитель? Пусть получает заказ!

И помчался Иван в степь на новенькой машине.

МУЗЕЙ В РУДНОМ

В каждом большом городе есть музей. В первом зале обычно лежат древности: кольчуги, латы, боярская утварь... История города Рудного в новом его музее начинается с планшета летчика Сургутанова. Пролетая над Кустанайской степью, он первый заметил и нанес на карту магнитную аномалию. Потом сюда приехали комсомольцы — строители города Рудного и Соколовско-Сарбайского горно-обогатительного комбината. В музее лежит первый кусок железной руды. Ее вынул экскаваторщик Попов 13 января 1955 года. На музейном стенде цифры: в 1965 году крупнейший в мире комбинат отгрузит 75 миллионов тонн руды. Из нее можно будет выплавить 43 миллиона тонн чугуна, или 32 миллиона тонн стали, или сделать 3 миллиона 25-тонных самосвалов.

О том, что было дальше, рассказывает календарь стройки. Но лучше откроем его с самого начала:

1 августа. Подписан приказ о создании треста «Асбестстрой».

9 августа. Получили гербовую печать.

13 августа. Поставили десять палаток.

28 августа. В палатке открыли медпункт.

6 сентября. Приехало много новой молодежи. В лагере семьдесят палаток. Бригада Ивана Булыгина заложила фундамент первого дома.

25 октября. Провели первое комсомольское собрание. В честь XXII съезда партии решили работать только по-ударному.

28 октября. Переселились в дома. В совнархоз отправлена телеграмма: «Последние палатки сняты». В совнархозе не поверили.

30 октября. Бригада Саши Пашнина начала строить клуб.

5 ноября. В клубе был вечер танцев.

Что ни день — то новая радость, новое хорошее событие.

Никогда не забудут строители рождения улиц. Первую назвали Уральской. Потом появились Смоленская, Ульяновская — в честь комсомольцев, приехавших из этих областей. Будет еще Орловская улица, Воронежская, много других... А когда встанет комбинат, ребята и девушки посадят в степи, на окраинах нового города, огромный фруктовый сад...

Полторы тысячи мечтателей живут сейчас в юном городе. Это они придумали ему красивое имя — Ясный. Они строят его, воюя за свою мечту со степью, зимой, непогодой...

ТРИ «БРАТСКА»

Полтриллиона кубометров газа — вот что такое Газлинское месторождение. Здесь начинается трасса комсомольского газопровода. Она идет через барханы Кызылкумов, каменистое плато Устюрт, солончаки. Это первый в мире газопровод, шагнувший в пустыню. Трудную битву с природой ведут молодые строители. Почти каждый на трассе — герой, будь то землеройщик, шофер, трубоукладчик. Когда газопровод дойдет до Челябинска, тридцать три города получат столько дешевого топлива, что его хватит для выработки энергии трех Братских ГЭС.

Комсомольские ударные год 1962

Попробуй-ка ответь: какая из профессий самая комсомольская? Не догадался? Ну, вспомни тогда комсомольскую путевку. В ней написана фамилия добровольца, куда и откуда его посылают. Так вот, один миллион восемьсот тысяч путевок-книжечек совершили путешествие на стройки. Туда, где сейчас поднимаются новые города, заводы, новые совхозы, электростанции... Миллион восемьсот тысяч добровольцев-строителей! Понял теперь, какая самая комсомольская профессия? О ней мы сегодня и рассказываем...

Переверни страницу нашей цветной вкладки. Видишь, сколько разноцветных веселых значков на карте? Это ударные комсомольские стройки 1962 года. Самые важные в стране. Значкам тесно, и многие из них, повиснув каплей краски на кисточке художника, так и не упали на карту: некуда.

А вот представь себе, что на карте ничего этого нет. Так, одни только реки, старые города, моря. Такой и была большая карта в кабинете Владимира Ильича. И все-таки она не кажется пустынной, когда глядишь на картину художника Божия, напечатанную на первой странице вкладки.

У карты стоит Ленин. Он один в кабинете. По-домашнему сбросил на стул пиджак и пристально смотрит на карту. И видит что-то, чего на ней еще нет. Кружочки будущих электростанций, квадратики новых заводов, рудников... Много-много новых значков видел на своей большой карте Ленин.

Шли годы. То, что задумал Владимир Ильич, стало сбываться. На карте появились значки больших строек. Их было вначале мало. Днепрогэс, два тракторных завода, «Магнитка», Кузнецкий комбинат. Землекопы рыли там землю лопатами, отвозили ее на телегах-грабарках, бетонщики вручную месили цемент с водой и песком. Они спали под телегами, мокли, мерзли, недоедали. Но работали так, что вся страна, затаив дыхание, следила за каждым «кубом» вынутой земли, за каждым «замесом» бетона.

Это работали первые ударники — комсомольцы. И стройки назывались ударными комсомольскими. В то время встал в тайге и новый город — Комсомольск-на-Амуре. Кто его строил, ты, конечно, уже угадал... Вот тебе еще ответ, почему строитель — самая комсомольская профессия.

А теперь вернемся к нашей карте. На ней нет электрифицированной железной дороги Москва — Байкал, нет Волжских и Кременчугской ГЭС, над которыми шефствовал комсомол. Нет сотен новых дорог, заводов, шахт, городов. Словом, нет того, что уже построено. Но зато какие гиганты есть!

Растут Орско-Халиловский и Западно-Сибирский металлургические комбинаты, Казахстанская, Липецкая, Тульская «Магнитки», мощные рудники и комбинаты Соколово-Сарбая, Курской магнитной аномалии, Гая. На тысячи километров пролег нефтепровод «Дружба». Он даст нашу нефть друзьям в Чехословакии, Польше, Венгрии, ГДР. Вот гиганты большой химии — их много на Волге, в Башкирии, где добывают нефть. А сколько заводов цементных, алюминиевых, целлюлозно-бумажных! Есть на карте две атомные электростанции — Белоярская на Урале и Ново-Воронежская, крупнейшие в мире Братская, Красноярская, Нурекская ГЭС, есть Воткинская и Киевская ГЭС и самая могучая тепловая электростанция — Назаровская. Строители распахивают двери богатейших кладовых: Сибири, Зауралья, Казахстана, Кольского полуострова...

Парни и девушки, что строили Комсомольск-на-Амуре, даже во сне не видели самосвалов, бульдозеров, бетонных заводов-автоматов. Сегодня на стройках отличная техника. Но все равно там трудно. Трудно тащить этот самый бульдозер, когда он завязнет в болоте. Трудно сваривать металл на дрожащей от ветра двадцатиметровой опоре. Приходится и сейчас тушить таежные пожары, скалывать ломом лед, брать в руки топор и лопату перед тем, как придут машины. И надо еще учиться на курсах, в техникуме, школе рабочей молодежи: какой теперь строитель без знаний! А по вечерам в палатке или тесном вагончике вспоминать мамин родной уют... Всяко бывает.

Но трудно — это не значит плохо, горько. Наоборот. Тоскливо и плохо тем, кто струсил, остался сидеть дома. На всю жизнь плохо. Потому что молодость решает, каким человеку быть. Счастье—это идти в первых рядах борцов за коммунизм, строить своими руками. Недаром такие радостные ласковые имена дают комсомольцы своим новым городам: Дивногорск, Светлый, Солнечный, Ясный...

Об этом трудном счастье комсомолец поэт Сергей Чекмарев, убитый в 30-х годах кулаками, писал:

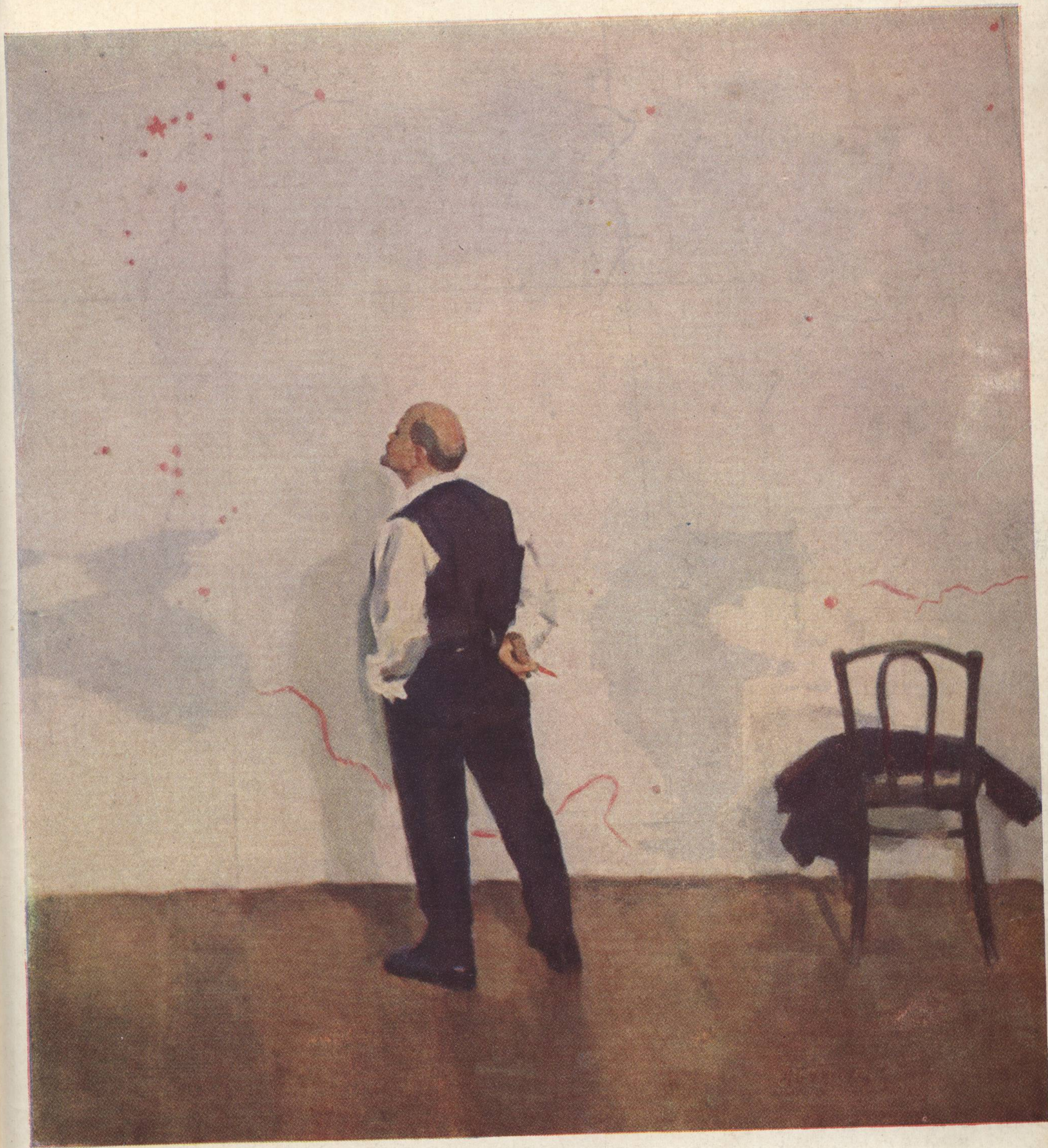
Я знаю: я нужен степи до
зарезу,
Здесь идут пятилетки года.
И если в поезд сейчас я
залезу,
Что же со степью будет тогда?

Но нет, пожалуй, это неверно,
Я, пожалуй, немного лгу.
Она без меня проживет,
наверно,—
Это я без нее не могу.

Ты понял? В этих стихах тоже ответ на вопрос, почему строитель — самая комсомольская профессия.

Может быть, она станет твоей. Наверняка! А ждать не так уж долго. Правда, еще не вбиты колышки там, где поднимется твой завод, и только медведи бродят по «улицам» твоего города. И поэтому на нашей карте нет пока «твоих» веселых значков. Но они будут, обязательно будут!

И. ВЕЧНАЯ

М. Божий.

В. И. ЛЕНИН

Комсомольские

ВЛКСМ

Нефтепровод „Дружба"

Казань

Пермь

Свердловск

Волгоград

Астрахань

р. Обь

Омск

Нефтепровод

Целиноград

Назарово

Абакан

Караганда

Газопровод Газли-Челябинск

Ашхабад

Нурек

…ударные
Год 1962

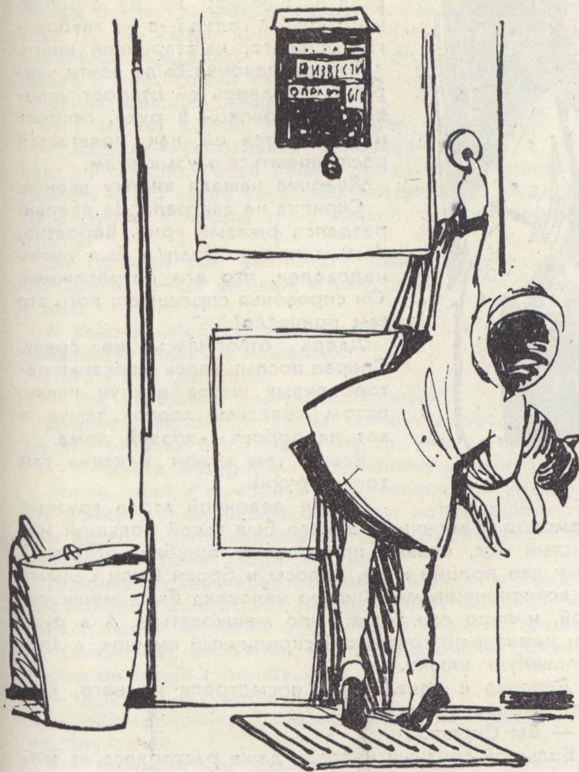

- Металлургические заводы
- Горнообогатительные комбинаты
- Алюминиевые заводы
- Добыча алмазов
- Химические заводы
- Нефтеперерабатывающие заводы
- Нефтепроводы
- Газопровод
- Электростанции
- Линии электропередач
- Цементные заводы
- Целлюлозно-бумажн. комбинаты
- Каналы
- Новые ж.д
- Электрификация жел. дорог
- Целинные земли

ВЫСОТНИКИ

М. Чепик.

Девочка и серая кошка

Юрий ЯКОВЛЕВ

Рисунки Е. Медведева.

По лестнице большого незнакомого дома бежит девочка.

Грязные черноносые галоши быстро ставят на ступеньках мокрые печати. По этим печатям даже неопытный следопыт может настигнуть девочку.

Ступеньки, как близнецы, похожи друг на друга. И когда смотришь под ноги, кажется, не бежишь, а топчешься на месте.

Девочка несет серую кошку. Кошка висит у нее на руке, как ватная. Может быть, у нее и в самом деле нет ни клыков, ни когтей, ни позвоночника — одна вата? Девочка бежит, а кошка раскачивается у нее на руке, как маятник. Ей безразлично, куда ее несут и зачем. Она как неживая. Но рука девочки чувствует, что серая кошка теплая и что в ватном теле короткими толчками бьется сердце. Сердце толкает девочку в руку, поторапливает. И девочка спешит. Галоши-штемпеля ставят на ступеньках все новые и новые печати. Будет ли конец этой лестнице или она пробила крышу и уходит к облакам?..

Наконец девочка выбилась из сил и остановилась. Она-то остановилась, а сердце продолжает бежать: оно не видит, что лестница кончилась. Девочка прислушалась — далеко ли погоня? Но сердце колотилось так громко, что ничего не было слышно. Тогда девочка перевела дыхание и свесилась с перил. Она посмотрела вниз, как на дно колодца. На лестнице никого не было. Никто не шел по свежим следам галош. И только удары ее собственного сердца почему-то доносились оттуда — со дна колодца. Девочка проглотила слюну и почувствовала, что ей очень жарко.

А серая кошка как ни в чем не бывало висела у нее на руке. Может быть, несколько минут назад не в нее летели снежки и не она, забившись в угол, сердито мяукала и, скашивая глаза — два зеленых шарика,— прикидывала: куда бы половчее улизнуть? И, может быть, не из-за нее снежки из ненавистных мальчишеских рук полетели в незнакомую девочку и один снежок угодил прямо за шиворот? И, может быть, не ее, серую кошку, подхватили две теплых неловких руки и перед двумя зелеными шариками замелькал ровный заборчик перил, уходящий куда-то ввысь?

Девочка подняла руку и стала выгребать снег из-за воротника. Снег таял в пальцах и холодной струйкой стекал к запястью. Девочка отряхнула снег с пальто и провела ладошкой по бровям — на них искрились капельки талого снега.

Потом девочка повернулась спиной к лестничному колодцу, и перед ней возникла дверь с ящиком для писем и газет, похожим на скворечник. Рядом со скворечником белел выпуклый птичий глаз звонка. Чтобы достать до него, пришлось встать на носки. Девочка закрыла глазок пальцем, и сразу за дверью послышался дребезжащий звук. Будто кто-то спешил к двери на велосипеде и звонил в блестящий велосипедный звонок. Одна галоша соскользнула с ботинка. Девочка не успела втиснуть его обратно (снимается легко, а надевается трудно!), как дверь отворилась. На пороге стояла старушка. Она была маленькая и расторопная — такая и в самом деле могла примчаться на велосипеде. А дай ей веревочку — она обскачет любую девчонку. Только с белой головой неловко прыгать.

Девочка не успела втиснуть упрямый ботинок в галошу, и ей пришлось стоять на одной ноге, как аисту. А проворная старушка быстро заговорила. Она говорила, как заведенная, задавала вопросы и сама же отвечала на них:

— Ты к Татьянке? А ее нет дома. А когда придет? Не знаю. Зайдешь, подождешь? Или лучше погуляй пока. Погода хорошая? Правда?

Вдруг старушка умолкла, будто в ее говорильном механизме кончился завод. Тогда девочка сказала:

— Я насчет кошки... У вас кошка не пропадала?

Тут старушка замечает на руке девочки кошку. Кошка висит, как ватная. Она не обращает никакого внимания ни на девочку, ни на старушку. Она держит себя так, будто речь идет вовсе не о ней, а о другой кошке.

Старушка качает головой. Нет, кошка у нее не убегала. Кошка у нее домовитая, по дворам не бегает. Кстати, ее кошка летом ест зеленые огурцы,

Девочка терпеливо ждет, когда снова кончится завод, и наконец, улучив минутку, говорит:

— До свидания!

— Да, да,— откликается старушка и закрывает дверь.

Девочке чудится, что там, за дверью, она легко вскакивает в седло велосипеда и уезжает. Только на этот раз не звонит в звонок. Птичий глаз звонка пристально следит за девочкой. Она облегченно топает ногой, и ботинок нехотя возвращается в галошу.

Девочка идет к другой двери.

Эта дверь ничем не отличалась от предыдущей. Только на ней не было скворечника для писем и газет. Зато вместо одного звонка на двери было целых три. Под каждым звонком была написана фамилия. Может быть, это были фамилии не жильцов квартиры, а самих звонков? Три костяных кнопки тремя глазами смотрели на девочку с серой кошкой. Три глаза спрашивали:

— Вы к кому пришли, гражданочка? Ко мне, к звонку Перемычкину? Или ко мне, к звонку Пархоменко? Или ко мне, к звонку Плахетке?

Девочка вопросительно посмотрела на кошку. Зеленых шариков не было видно: кошка равнодушно закрыла глаза. Девочка слегка подтолкнула ее — показался один зеленый шарик. Показался и снова исчез. Бесполезно советоваться с такой кошкой!

Девочка собралась с духом и нажала сразу на три кнопки. За дверью прозвучал странный музыкальный аккорд, словно это были не обычные звоночные кнопки, а клавиши какого-то музыкального инструмента. Три звонка прозвонили свою мелодию. Они трое, каждый на свой лад, потребовали: «Откройте дверь!» И девочка решила, что сейчас сразу три человека кинутся к дверям и три голоса хором спросят:

— Кто там?

Однако за дверью было тихо. В коридоре не стучали каблуки. Ни Перемычкин, ни Пархоменко и ни Плахетка не спешили на призывный сигнал звонков. Все трое либо спали мертвым сном, либо их не было дома.

Девочка пожала плечами и пошла вниз.

Галоши просохли и поэтому больше не оставляли следов. На ступеньках сохранились только старые печати в клеточку. Девочка спускалась вниз, а следы все еще спешили наверх, будто спасались от невидимой погони.

Маятник в серой шкурке равномерно покачивался на руке.

На нижней площадке на одной из дверей была прибита медная дощечка. На ней красивым почерком с нажимом было написано: А. И. СКРИПКА.

Девочка прочла надпись на дощечке и удивилась. Скрипка! Интересно, кто живет за этой дверью? Может быть, эта дверь ведет в таинственный мир, где живут скрипки, барабаны и золотые арфы? И, может быть, в этом мире инструменты величают друг друга по имени-отчеству? Анна Ивановна Скрипка...

Рука девочки медленно потянулась к кнопке звонка и вдруг остановилась на полпути. А что, если вместо обычного звонка нежно заиграет скрипка?

И девочка подумала, что фамилия, написанная с нажимом на медной дощечке, может принадлежать музыканту. У него тонкие белые руки с длинными дрожащими пальцами. Измученное лицо. Вьющиеся волосы. Посредине волос поблескивает лысина, и волосы кажутся торжественным венком, который как дар славы возложили на абсолютно лысую голову. Девочка видела такого человека однажды на концерте. На нем был черный фрак с фалдами и белая манишка. И тогда ей казалось, что скрипач приехал на концерт не из обычной квартиры, а откуда-то из глубокого прошлого, из старинной книги.

Теперь девочка была почти уверена, что дверь ей откроет человек со скрипкой в руке, откроет и поклонится ей, как полагается раскланиваться музыкантам.

Девочка нажала кнопку звонка.

Скрипка не заиграла. За дверью раздался ржавый хрип. Вероятно, звонок крепко спал и был очень недоволен, что его потревожили. Он спросонья спрашивал: кого это там принесло?

Дверь отворилась не сразу. Сперва послышалось шарканье неторопливых шагов и стук палки, потом железный хлопок замка, и вот на пороге — хозяин дома.

Какие там кудри и какие там тонкие руки!

Перед девочкой стоял грузный немолодой мужчина. У него был такой большой мясистый нос, словно природа по ошибке отпустила ему две порции носа. Волосы и брови были седыми и всклокоченными. Фигура человека была мешковатой, и лицо его тоже было мешковатым. А в руке он держал не тоненький скрипичный смычок, а здоровенную клюку.

Девочка с удивлением посмотрела на него, и у нее вырвался вопрос:

— Вы Скрипка?

Большой грузный человек даже растерялся от этого вопроса.

— Ну да, Скрипка,— ответил он хриплым голосом.— А ты, небось, пришла приглашать меня на сбор?

Девочка покачала головой.

Откровенно говоря, увидев вместо тонкого человека в черном этого носастого дядю, она даже немного оробела. Потому что вид у него был довольно грозный. Но теперь, немного присмотревшись к нему, девочка поняла: он вовсе не грозный, а очень даже добродушный. А грозность у него напускная. Просто природа, наделив его большим носом, по рассеянности совершенно не дала ему сердитости, и человеку приходится делать вид, что он сердитый.

Девочка снова покачала головой и спросила:

— А вы были когда-нибудь музыкантом?

Теперь уже грузный человек покачал головой:

— Какое там музыкантом! Вот в твоих годах на балалайке «барыню» играть умел. А с тех пор к музыке прямого касательства не имею. А ты что, музыканта ищешь?

— Нет, — растерянно сказала девочка и запнулась.

Она вдруг забыла, зачем пришла, и почувствовала себя очень сконфу-

женно, будто ее приход незаслуженно обидел человека. И тут серая кошка дала знать о себе: тихо мяукнула. И девочка впервые обрадовалась, что кошка с ней. Кошка выручила ее из неловкого положения. Девочка сказала:

— Я насчет кошки. Кошка у вас не убегала?

— Кошка? — усмехнулся человек.— Кошек я, милая, не терплю. Разве кошку сравнишь с лошадью? Лошадь — это такое существо, которое и в беде тебя выручит, и печаль твою поймет. А ты говоришь, кошка!

Он говорил так, как будто девочка доказывала, что кошка лучше лошади, и ему приходится спорить с ней.

А девочка молчала. Ей и в голову не приходило сравнивать кошку с лошадью.

Потом она спросила:

— Вы, наверное, доктор лошадиный?

Девочка, вероятно, снова попала впросак, потому что человек сделал вид, что он ужасно сердится.

— Какой я ветеринар? — воскликнул он.— Конник я, понимаешь? У комбрига Городовикова служил. А в эту войну с генералом Доватором по немецким тылам лазил. А ты говоришь: ветеринар!.. Впрочем, ветеринары — тоже люди стоящие.

Девочка стояла перед старым конником и думала: как может воевать этот добрый носастый дядя, который любит лошадей и в детстве играл «барыню» на балалайке? Вероятно, его нужно очень обидеть, чтобы он начал стрелять...

— Я пойду,— сказала девочка.

— Иди, доченька,— отозвался старый конник и улыбнулся ей.

Его большой нос немного сморщился, а из-под усов блеснули ровные белые зубы.

Дверь затворилась так медленно, словно боялась, как бы не обидеть девочку.

Маленькие костяные кнопки электрических звонков, оказывается, обладали сказочной силой. Стоило нажать кнопку, и сразу отворялись двери в чужую незнакомую жизнь. За каждой дверью жили люди, непохожие друг на друга, и девочке с серой кошкой еще ни разу не попалось два одинаковых человека.

Если бы можно было обойти весь свет и позвонить во все звонки!

Теперь девочка без робости подходила к новой двери и с любопытством нажимала на кнопку звонка, будто хотела проткнуть дверь указательным пальцем.

Интересно, кто живет за дверью, обитой коричневым дерматином? По краям дерматина шли золотые ряды обойных кнопок, и среди них не так-то просто оказалось отыскать кнопку звонка.

Дверь открыл мужчина с сосиской в руке. Он все время откусывал от сосиски, и щеки его ходили из стороны в сторону, будто во рту у человека вместо зубов были жернова.

Круглые румяные щеки горели, как два красных светофора. Они казались такими горячими, что к ним страшно было притронуться: можно обжечься. И дотрагиваться до них надо, как до утюга: предварительно поплевав на палец. И тогда щеки зашипят.

Яркие щеки ослепляли. И девочка с первого взгляда не заметила черных полукруглых бровей и мягкого подбородка, отдающего синевой, будто с него только что сбрили синюю бороду. Глаза у человека были водянистые. Он улыбался, и в глазах светилась теплая вода.

Улыбались глаза, брови, подбородок, щеки — не было ни одного места на лице, которое бы не улыбалось.

И девочка не выдержала и тоже улыбнулась.

— Ах, какая кошечка! — воскликнул хозяин красных щек и пухлыми, капризными губами потянулся к сосиске.

Голос у человека оказался тонким и даже немного визгливым. Будто ему достался голос от маленького тщедушного существа. А человеку полагался бас.

— Ах, какая кошечка! — повторил человек и протянул кошке остаток сосиски.

Но ватная кошка не обратила никакого внимания ни на сосиску, ни на красные щеки, ни на визгливый голос. Тогда человек быстро препроводил сосиску себе в рот и аппетитно облизал пальцы.

В это время в глубине квартиры послышался немолодой женский голос. Он звал человека с красными щеками:

— Алеша, обед стынет!

И тут с Алешей произошла резкая перемена.

— Отстань! — взвизгнул он, и его слово, как камень, полетело в женский голос.

Глаза сразу стали сердитыми. Теперь в них уже была не теплая вода, а ледяная. Они не видели ни девочку, ни серую кошку. Они таили злобу.

И только бессовестные щеки продолжали сиять и улыбаться. Красным щекам было наплевать на все, что происходит вокруг. Они были раз и навсегда довольны собой.

Девочке стало страшно. Она прижала к себе чужую серую кошку, словно боялась, что красные прожорливые щеки могут поглотить ее и перемолоть своими жерновами.

— Я ошиблась... Извините,— пролепетала девочка.

Она говорила и пятилась.

Дверь захлопнулась. Но две красные щеки, как два огня светофора, продолжали гореть перед глазами. Она чувствовала присутствие этих щек за дверью. Там все делалось ради них. Люди работали, недосыпали, страдали, только бы щеки были довольны, только бы щеки были сыты, только бы они лоснились и сияли.

У девочки испортилось настроение.

Когда портится настроение, его нельзя выплеснуть из себя, как скисшее молоко. И нельзя отдать в починку, как часы, которые ни с того ни с сего перестали ходить. Так и приходится жить с плохим настроением.

Девочка механически идет по лестнице. Ее ноги медленно ступают со ступеньки на ступеньку. Она смотрит на свои галоши и поэтому не замечает дверей с волшебными кнопками электрических звонков. И двери не открываются перед ней, потому что она не нажимает на кнопки.

Девочка вдруг почувствовала страшную усталость. Ей почудилось, что она не может больше сделать ни шагу. Она медленно опустилась на ступеньку и

впервые выпустила из рук кошку. Пусть идет, куда хочет. Пусть ищет свой дом сама. Поскребет лапой, и ей откроют.

Девочка думала, что кошка бросится бежать. Но ничего подобного не случилось. Кошка уселась рядом на ступеньку и стала умываться. Кошка мылась, как моются все кошки на свете,— без воды и без мыла, облизанной лапой. Удивительно уравновешенная кошка. У нее, наверное, никогда не портится настроение.

Через некоторое время девочка поднялась и пошла вниз. Она даже не взглянула на кошку. Спустившись на этаж, девочка оглянулась. Кошка шла за ней. Бесшумно ступая своими ватными лапами, серая кошка кралась за своей маленькой спасительницей.

Девочка остановилась. Два зеленых шарика вопросительно смотрели на нее с таким видом, будто все понимали и даже сочувствовали ей. Девочка наклонилась и провела рукой по серой шерстке. По хребту кошкиной шкурки шла черная полоса, а к бокам отходили полоски. Эти полоски делали кошку похожей на тигра. На маленького тигренка серой масти.

Девочка подхватила кошку и вышла из подъезда на улицу.

Когда девочка вошла в соседний подъезд, ее галоши снова начали ставить на ступеньки свои мокрые печати. Это нестойкий снег налип на их шершавые подошвы и теперь на теплой лестнице таял.

Девочка с серой кошкой подошла к первой двери и позвонила. Вместо привычного звонкого дребезжания за дверью послышался гулкий простуженный лай. Словно тонкий проводок от кнопки шел не к звонку, а к грозному псу.

Вероятно, пес ругал непрошеного гостя, а девочка в тот же миг почувствовала, как ей в руку впилось что-то острое. Оказывается, у кошки под ее мягкой ватой скрывались боевые когти.

Собака лаяла пронзительно и сухо. Словно залилась кашлем и никак не может откашляться.

А кошка становилась все жестче, и ее когти все больнее впивались в руку девочки.

Может быть, там, за дверью, на кованом сундуке с сокровищами, сидит собака с глазами величиной с мельничный жернов?

Нет, под одной крышей с таким грозным псом не уживется кошка, даже если тигр приходится ей дальним родственником.

Девочка направилась к другой двери.

С незнакомыми серыми кошками стоит жить в дружбе! Попробуй без них проникнуть в любую квартиру — никогда смелости не хватит. У первой же открывшейся двери умрешь со стыда. А когда на руке у тебя висит кошка и если ты к тому же только что выручила эту кошку из беды, тогда звони во все колокола, тревожь всех людей, смотри на них удивленными глазами, говори с ними, как со знакомыми, и на тебя никто не рассердится, ведь ты знаешь волшебные словечки:

— Я насчет кошки. У вас кошка не пропадала?

И вот уже в дверях перед девочкой стоит бородатый мужчина в синем кителе, а над левым кармашком у него поблескивает Золотая Звезда Героя. Волосы человек приглаживает ладонью, а они — только он отнимет руку — опять поднимаются. Будто каждый волос на пружинке. Девочка никогда в жизни не видала каштанов, но она точно знает, что такой цвет волос называется каштановым. Глаза у человека серые, немного навыкате. Но самое примечательное — это борода. Борода большая, вьющаяся, с медным отливом. Девочка смотрит на бороду, и ей ужасно хочется потрогать ее. Даже рука чешется. И еще ей хочется спросить героя, куда он кладет бороду, когда ложится спать: на одеяло или под одеяло? Девочка закусывает нижнюю губу, чтобы не проговориться.

А герой спрашивает:

— Ну-с, барышня, кого вы разыскиваете?

— Никого я не ищу... Я кошку нашла.

— Покажи-ка зверя,— говорит герой и берет кошку за подбородок.

Он назвал кошку зверем, и девочка подумала, что герои все называют преувеличенно. Наверное, двери они величают воротами, лодку — кораблем, а глаза — очами.

А герой продолжал рассматривать кошку.

— Не ваша? — спросила девочка.

— Нет,— сказал герой.— Но, знаешь что, давай мне ее, мы заберем кошку в Арктику. Пускай позимует с нами на льдине.

Девочка очень обрадовалась за кошку. Но подумав, покачала головой:

— Она чужая, я не могу ее вам отдать. Ее кто-то ждет.

— Вот как? — сказал герой и стал крутить в пальцах кончик бороды.

Вдруг он оглянулся, прислушался и, крикнув: «Убежало!»,— сам кинулся бежать.

Растерянная девочка осталась одна у открытой двери.

Она могла затворить дверь и идти дальше, но ей очень хотелось знать, почему это герой с бородой побежал, как какой-нибудь мальчик.

А герой уже звал ее из другого конца коридора:

— Девочка, иди-ка сюда с кошкой!

Девочка переступила порог дома героя и медленно пошла по коридору. Она шла и украдкой поглядывала по сторонам, стараясь хорошенько запомнить все, что видит. Ведь не каждый день девочке доводится бывать в доме героя.

На стенке на гвозде висели два огромных меховых сапога. Они были похожи на сапоги-скороходы, только без крылышек на голенищах. Потом она увидела ружье и лыжные палки. А дальше висело обычное цинковое корыто. Проходя мимо, девочка даже постучала по нему пальцем, и корыто тихо загудело: «Не тр-о-о-нь!»

Хозяин дома ждал девочку на кухне. Он стоял у плиты и растерянно пощипывал бороду. Перед ним

на полу белела лужа молока. С плиты в лужу капали белые капли. А из кастрюли шел пар.

Вот оно что! Оказывается, у настоящих героев тоже убегает молоко.

— Давай свою кошку,— сказал герой,— пусть поможет ликвидировать лужу.

И, не дожидаясь девочкиного согласия, он взял из ее рук кошку. Серая кошка забыла про собачий лай и снова стала ватной. Она безропотно перешла в руки незнакомого бородатого человека и, когда тот поставил ее на берег лужи, втянула в себя вкусный запах молока. Жаль только, что молоко было горячим. Кошка высунула свой розовый язычок и лизнула белую лужу с самого краешка: здесь молоко было прохладнее.

Кошка разделывалась с молоком, а девочка взяла тряпку и стала вытирать плиту: не герою же это делать. Хозяин дома внимательно наблюдал за своими гостями и улыбался.

— Вот как ты кстати пришла,— говорил он,— а то я бы утонул в молочной луже.

— А вы все сами делаете? — спросила девочка.— И чулки штопаете?

— А как же! — отозвался герой.— На льдине все самим приходится делать. Там, брат, настоящая война.

И девочка сразу вообразила себе войну: по белым льдинам ползут белые танки, стреляют белые пушки, и белые пули свистят над самым ухом. Все белое, все снежное. И только звездочка на груди героя золотая.

И ей стало немного жалко героя за то, что ему самому приходится штопать чулки, и что у него убегает молоко, и что белые пули целятся ему в грудь.

А герой смотрел на удивленную девочку и улыбался...

Нет, дорогое молоко, ты можешь убежать от героя, но от маленького проворного языка далеко не уйдешь. Он настигает тебя, и тебе придется поплатиться за свое бегство из кастрюли.

Не успели герой и девочка сказать и нескольких слов, а серая кошка уже разделалась с белым беглецом. Она сидела на берегу бывшей лужи и облизывалась. Можно было подумать, что она вылакала целое молочное море.

— Я пойду,— сказала девочка.

— Что же, до свидания,— сказал бородач.— А кошка у тебя хорошая.

Девочке было приятно, что бородач похвалил кошку, хотя кошка была чужой. Подхватив свою спутницу, девочка медленно пошла по коридору мимо обычного корыта и необычных меховых сапог. Когда она вышла на лестницу и оглянулась, то увидела бородатого героя. Он стоял в дверях, широко расставив ноги, будто приготовился к морской качке.

— До свидания! — еще раз сказала девочка.

А он помахал ей рукой.

И когда дверь закрылась, девочка подумала, что герой сейчас отплывает на корабле к своей далекой льдине, где все нужно делать самому и где жизнь похожа на войну.

Вы слыхали про норвежскую кошку? Про ту кошку, которую на поезде увезли из дома за много-много километров, а она все же вернулась к своей хозяйке. Вероятно, она шла домой по шпалам. Шла день и ночь. Выбивалась из сил, но шла до тех пор, пока не добралась до родного порога.

Что же ты, серая кошка, не можешь найти свою дверь? Ведь ты же не совсем ватная, у тебя, оказывается, есть когти. Так неужели у тебя нет сердца — одна вата?

А может быть, у тебя нет хозяев и, может быть, резиновые галоши шагают вверх-вниз для того, чтобы подобрать тебе хозяев по своему вкусу? Зачем же тогда тебя не отдали бородатому полярному герою?

И снова за дверью звенит звонок, и стучат каблуки, и щелкает языком замок.

— Это ты?

Девочка отступает. Перед ней стоит мальчишка. Тот самый мальчишка, который безжалостной рукой швырял снежки в беззащитную кошку.

— Не тронь! Только посмей! — говорит девочка и поворачивается к нему боком, загораживая собой кошку.

Девочка уже готова кинуться бежать, но мальчишка вовсе не расположен к погоне. Напротив, он настроен очень миролюбиво.

— Нужна мне твоя кошка! — говорит он, сплевывая в сторону с той лихостью, какая очень в цене у мальчишек.

— А не нужна, так закрой дверь,— говорит девочка, недоверчиво глядя на своего бывшего преследователя.

Потом, немного осмелев, она добавляет:

— Живодер.

Мальчишка обижается.

— Сама ты живодер. Ты посмотри, как кошке неудобно висеть на руке!

— Не твое дело,—говорит девочка, но тут же старается подхватить кошку поудобнее.— И вообще, я пошла. А ты за мной не беги.

И тут из-за плеча мальчишки доносится чье-то шипящее предостережение:

— Тиш-ш-ш-е! Опять запел.

Мальчишка поворачивается и уходит в коридор. Девочка некоторое время стоит одна. Ей нужно идти дальше, но ей любопытно узнать, что там происходит: кто поет и почему надо говорить тише.

Забыв о предосторожности, она заглядывает в квартиру своего «врага».

«Враг» и еще какой-то мальчишка стоят посреди коридора и, затаив дыхание, смотрят в одну точку.

Девочка останавливается и тоже начинает смотреть. Она ничего не видит. И спрашивает:

— Что там?

— Тиш-ш-е! — говорит шипящий голос.— Слуш-ш-ш-ай!

Девочка прислушивается. Она слышит какой-то тонкий звук. Будто кто-то свистит шепотом.

— Что это? — спрашивает она в самое ухо своего «врага».

Он поворачивается и отвечает ей тоже в самое ухо:

— Сверчок!

— Врешь,— шепчет девочка,— сверчки живут за печкой, а у вас печки нет. Паровое отопление.

— Тиш-ш-е! — шипит друг «врага».

Но девочка и «враг» не обращают на него внимания.

— Нет, не вру,— шепчет «враг» в самое ухо, и уху становится очень тепло,—в самом деле, у нас завелся сверчок. Вот только не видно его. Ты не знаешь, какой он, сверчок?

— Знаю,— говорит девочка,— он прыгает, как кузнечик, а сам маленький и невзрачный. Сверчки водятся в деревне у бабушки.

— Тиш-ш-ш-е!

Все умолкли. Все трое слушали далекое тонкое верещание. Словно маленький невидимый музыкант играл по нотам над самым ухом на тоненькой свирели.

А потом он замолчал. Может быть, кончились ноты, а может быть, музыкант просто устал.

— Ты больше не будешь обижать кошку? — неожиданно громко спросила девочка.

— Нужна мне твоя кошка,— ответил «враг».— Сверчок — это здорово, а что кошка!

Он, кажется, даже состроил гримасу, но хладнокровная серая кошка не обратила на него никакого внимания, будто это ее не касалось.

— А ты приходи ко мне сверчка слушать,— вдруг примирительно сказал «враг».

— Ладно,— сказала девочка,— как-нибудь приду.

— А кошку я твою не трону.

— Это не моя кошка.

— А чья же?

— Не знаю. Вот ищу хозяина. Ну, пока.

— Пока!

— Тиш-ш-ше! — зашипел товарищ «врага» в глубине коридора.— Тиш-ш-ше! Опять поет.

Но девочка уже шагала на следующий этаж.

В отличие от других дверей следующая дверь была обита железом. Словно она вела не в квартиру, а в крепость. Звонок на этой двери был закован в железные латы, будто обычно его не нажимали пальцем, а били кувалдой. Дверь готова была принять на себя любые удары и выдержать любой штурм.

Девочка поднялась на носки и позвонила.

Ей открыли не сразу. Слышно было, как чья-то рука отодвигает тяжелые запоры и отпирает неповоротливые замки. Наконец дверь шевельнулась. Может быть, тяжелой железной двери хотелось открыться настежь, но ее удерживала цепочка. Двери удалось только слегка приоткрыться. В квартире было темно, и девочка не смогла рассмотреть, кто стоит за дверью.

Она увидела только два настороженных глаза.

Неудобно стоять перед дверью и молчать, разглядывать хозяина дома.

Поэтому девочка робко спросила:

— У вас кошка не убегала?

Из-за двери отозвался женский голос. Голос был жестким и звонким, словно его, как и дверь, обили железом.

— У нас все дома,— с расстановкой ответил голос и тут же скороговоркой спросил: — А ты, может быть, продашь кошку?

Девочка удивленно посмотрела на дверную щель.

— А разве кошки продаются? — спросила она.

Дверная щель ответила:

— Все продается и все покупается.

Женщина говорила так, будто от большой речи отрубала слова топором.

Девочке вдруг стало горько. А из дверной щели вдруг высунулась рука. Рука была пухлая, с большим кольцом, которое буквально утопало в мяготи пальца. Рука тянулась к серой кошке.

— Нельзя! — сказала девочка и заслонила собой кошку.

Она сразу представила себе, кому может принадлежать пухлая рука и жесткий железный голос. Вероятно, там, за дверью, стоит толстая хозяйка. Губы у нее так густо накрашены, что скорее похожи на красные усы, чем на губы. А ноги с толстыми икрами напоминают ножки рояля. И, вероятно, вместо каблуков у туфель медные ролики. И на этих роликах кто-то передвигает хозяйку, как рояль.

Ей показалось, что эта женщина много-много лет сидит безвыходно за своей окованной дверью. И не знает, что уже нет царя и буржуев, что была Октябрьская революция и «Аврора» стреляла по Зимнему из своей шестидюймовки. Ведь никто другой в нашей стране не может сказать: «Все покупается и все продается».

И тогда девочка расстегнула пальто и показала женщине свой новенький красный пионерский галстук. От галстука вкусно пахло кумачом. Всего три дня, как его повязали на шею, а он уже пригодился. Ей казалось, что при виде галстука женщина на рояльных ножках должна закричать, спрятать глаза, позвать на помощь своих, которые «все дома». Галстук горел на груди, как вызов человеку, который не знает, что революция совершилась.

Женщина не закричала. Ее глаза тупо уставились на красный галстук. Она не поняла, зачем девочка расстегнула пальто.

А девочка спросила:

— Тетя, вы купчиха?

— Грубиянка! — отрубила женщина и захлопнула дверь.

А девочке вдруг стало очень весело, потому что купчиха испугалась ее, пионерку, и потому, что эта дверь обита железом и увешана замками тоже от страха перед ней, перед пионеркой.

Девочка повернулась спиной к железной двери и зашагала дальше.

Может быть, за этой дверью вместо обычного электрического звонка с блестящей чашечкой и молоточком висел серебряный колокольчик? Он не зазвонил, а затрепетал, залился ласковым, призывным звуком. Дверь отворилась. Перед девочкой стояла девушка в белом платье. Платье было белым и воздушным, будто соткали его не из обычной пряжи. Эти сверкающие летучие нити ссучили из живых снежинок. И поэтому в платье нельзя подходить к огню: оно может растаять.

Волосы у девушки были черными. К ним была приколота белая роза, будто девушка только что играла в снежки, и один снежный ком так и остался у нее в волосах. Алые губы чуть-чуть вытянуты вперед, будто собираются что-то шепнуть, а голова вопросительно наклонена набок: что вам надо, девочка и серая кошка?

От неожиданности девочка молчала.

— Здравствуй! — сказала девушка в белом.

— Здрасте! — отозвалась девочка.

Она снова забыла, зачем пришла. Забыла о кошке. Забыла о красных щеках и о железной двери. Как завороженная, стояла она, не отрывая глаз от хозяйки дома.

Девочке чудилось, что перед ней стоит сказочная Золушка и что если опустить глаза и посмотреть на ее ноги, то они окажутся обутыми в хрустальные башмачки. И девочка подумала, что за спиной Золушки обязательно должен стоять сказочный принц с длинными кудрями, спадающими на кружевной воротник.

Девочка даже приподнялась на цыпочки, чтобы посмотреть, нет ли поблизости принца. Но его не было. Наверное, он был в комнате или на кухне.

А галоша снова соскочила с ботинка. И приходится снова стоять на одной ноге.

Девочка набралась смелости и спросила:

— Вы невеста?

Хозяйка дома рассмеялась и не ответила на девочкин вопрос. Она только слегка покраснела. Потом она спросила:

— А ты кто?

— Я Лида,— ответила девочка.

Собственное имя увело девочку из мира сказки, и она вспомнила, зачем пришла.

— Я насчет кошки. Кошка у вас не пропадала?

Невеста покачала головой.

— Тогда до свидания,— сказала девочка.

— До свидания,— отозвалась невеста и помахала девочке белым платком, который она держала в руке.

Дверь медленно затворилась. А девочка все стояла на месте. Ей казалось, что сейчас за этой дверью все пришло в движение. Вспыхнули огни. Заиграла музыка. И Золушка поплыла мимо веселых гостей в своем платье, сотканном из чистого снега... Да, в этой квартире обязательно есть еще одна дверь: большая и позолоченная. Эта дверь выходит на широкую мраморную лестницу. И сейчас Золушка спускается по этой лестнице вниз, где ее поджидает карета, запряженная шестеркой белых лошадей.

И сейчас ее уже нет за дверью. И если позвонить снова, то дверь откроет совсем другой человек.

Ступеньки, ступеньки, ступеньки.

Ступеньки, ступеньки, ступеньки.

В большом незнакомом доме много дверей и высокие лестницы. И все время приходится то подниматься со дна колодца, то снова опускаться на дно. А кошка хотя и ватная, но все же тяжелая. И галоши тоже тяжелые, хотя они меньше серой кошки.

Но если у человека есть цель, он не пропустит ни одной ступеньки. Он поставит на них свои мокрые печати в знак того, что здесь ступала его нога.

В четвертом подъезде, высоко над головой девочки, открылась дверь, и кто-то певучим голосом позвал:

— Кис-кис-кис!..

Эти распевные звуки, как капли, падали на дно колодца. Они звучали, как сигнал, на который откликаются все кошки мира.

Серая кошка настороженно прислушалась и сразу перестала быть ватной. Она упруго заворочалась под рукой девочки. В ней заработали скрытые пружины.

— Кис-кис-кис!..— звал голос.

И суровая, непроницаемая кошка вдруг отозвалась тонким и жалобным: «Мяу!»

Девочка не успела сообразить, что произошло, как серая кошка выскользнула у нее из-под руки и тигриными прыжками кинулась вверх по лестнице.

Девочка не побежала за кошкой. Она осталась стоять внизу. Может быть, кошка еще вернется? Но в это время там, высоко на лестничной площадке, напевный голос сказал:

— Нашлась, голубушка. Идем, я тебя молочком попою.

А потом хлопнула дверь.

Девочка повернулась и вышла во двор. Замлевшая рука, на которой так долго висела кошка, теперь испытывала приятную легкость. Эта легкость передавалась девочкиным шагам и ее глазам, которые весело щурились от густых снежинок, и ее настроению.

Правда, было немного обидно, что кошка без всякого сожаления рассталась со своей избавительницей. А может быть, серая кошка не была такой уж неблагодарной и в награду за то, что девочка спасла ее от мальчишек, кошка раскрыла перед ней все двери большого незнакомого дома.

Девочка прошла по пустому заснеженному скверу. Теперь галоши-штемпеля ставили свои печати на белом снегу. Она опустилась на скамейку, и перед ее глазами в мутной дымке падающего снега возник большой дом. Каждое окно светилось своим светом: желтым, голубым, оранжевым, зеленым. И девочка, отмахиваясь от снежинок, старалась угадать, в каком окне живет бородатый герой, в каком красные щеки. Где лает собака, а где верещит сверчок, которому не полагается жить в доме с паровым отоплением. А что сейчас поделывает старый конник по фамилии Скрипка и как поживает Золушка?.. Ну, а купчиха мало занимает мысли девочки: пусть доживает свой век под семью замками. В ее окнах темно.

Снег валит все гуще. Он ложится на плечи, на шапку, на черные носы галош, на новенький красный галстук, который так вкусно пахнет кумачом. И вот уже девочка вся в белом, как невеста.

И она думает о том, что, когда вырастет, обязательно пойдет в почтальоны, чтобы звонить во все звонки и разговаривать со множеством незнакомых людей.

На переднем крае

Фото В. Пескова.

Комсомолкам — ура!
Комсомолкам — ура!
Комсомолки умеют водить трактора.
А настанет пора, и оттает земля —
Трактора поведут на поля.

Девушки-кукурузоводы из поселка Ахуны, Пензенской области, решили научиться водить трактор.

Фото Д. Ухтомского.

Скалы, сухие колодцы
Останутся позади.
Впереди — землепроходцы,
Геологи — впереди.

Комсомольская геологическая экспедиция Туркменской академии наук в предгорьях Копет-Дага.

Е. БРУСКОВА

Рисунок Ф. Лемкуля.

«Тихоня»

Это лето было каким-то особенным. Лагерь стоял в самом лесу. Вечером слышно было, как под окнами гудят сосны, утром мохнатые ветки лезли в открытые окна палаты, а во время тихого часа на опушке трещали кузнечики.

Трехдневный поход, ночное дежурство, песни у костра и каша, от которой пахло дымом. Своя лодочная станция, первое место в лагере по прыжкам, и самое главное — Таня в этом же лагере, в этом отряде. Нет, это лето было особенным!

Сережина бабушка любит говорить, что человеку всего отпущено поровну: и плохого и хорошего. И когда тебе очень хорошо, не радуйся: значит, скоро будет плохо.

Вот уже три дня, как Сережа думает, что бабушка права. Его раздражают ветки, шелестящие под окнами, он не пошел кататься на лодке, он даже считал, сколько дней осталось до конца смены! И когда Сергей вспоминает, что произошло три дня тому назад, он морщится, как от зубной боли. Эх, если бы вернуть все обратно! Он сказал бы ему:

— Знаешь ли...

Нет, он прервал бы его сразу:

— Ты не смеешь так говорить...

Эх, если бы вернуть тот день! Но его не вернешь.

И тогда Сергей решил действовать. Он подкараулил Таню около клуба и протянул ей «Серебряные коньки».

— Ты хотела. Вот, читай.

Таня отодвинула рукой книгу.

— Мне сейчас некогда.

— Я выменял новые марки,— сказал Сергей в отчаянии,— если хочешь...

— Спасибо,— ответила Таня,— не хочу.

Таня не заявляла, как другие девчонки: «Между нами все кончено, я с тобой не разговариваю...»

Она отвечает вежливо, холодно, но первой не заговаривает, а когда ее взгляд падает на Сергея, она спокойно отводит глаза, словно только что перед ней было пустое место.

И Сергей знает: так будет всю смену, весь месяц, он даже не знает, кончится ли это когда-нибудь. Потому что, как говорит Сережина бабушка, характер у Тани — взрослый позавидует.

Когда Сергей учился в шестом классе, у них появилась новенькая. Тихая, светленькая, незаметная девочка. Она выделялась среди всех только тем, что носила короткую стрижку под мальчика. Все остальные шестиклассницы были с косичками. В праздничные дни класс расцветал белыми бантами.

Однажды классная руководительница, вызывая новенькую к доске, сказала, глядя на нее:

— Все-таки косички — это очень украшает девочку...

— Мне очень жаль,— преувеличенно вежливо ответила новенькая,— что наши вкусы не сходятся.

И, уже вытирая доску, буркнула:

— У Зои Космодемьянской никаких косичек не было!

«Ого,— подумал тогда Сергей,— вот тебе и тихоня!»

А потом выяснилось, что у новенькой такая коллекция марок, какой не было ни у одного мальчишки даже в седьмом.

Когда Сережа впервые перелистал ее альбом, он ахнул. Здесь были марки республиканской Испании и княжества Монако, Япония занимала три листа, а над красивыми, яркими марками цветными карандашами были написаны названия стран, о существовании которых Сергей даже не знал.

Девочка жила недалеко от Сергея, и они иногда возвращались из школы вместе. С ней было интересно. Она собирала марки не просто так, как многие у них в классе. Она доставала новую марку и тут же читала все про эту страну. Новенькая знала даже про Анголу и Никарагуа.

И дома Сергей теперь уже не бросал небрежно: «Новенькая»,— он говорил: «Мы с Таней...»

Во всех книжках, что читал Сергей, мальчики дружили только с теми девочками, которые вместе с ними лазали через заборы, ничего не боялись и могли дать любому сдачи. А у Тани мальчишеского было только что одна прическа. Таня боялась темноты, зажимала уши, когда гремел гром, не умела кататься на коньках и часто болела.

Но чем больше узнавал ее Сергей, тем больше ему казалось, что она совсем не такая, как все девочки.

Таня знала географию лучше всех в классе. Она рассказывала урок так, словно сама жила в этой стране. И строгий Александр Павлович всегда ставил ей «пять».

Однажды у карты десять минут топтался Коля Серов. Указка беспомощно ерзала у него в руке, и было ясно, что он ничего не знает.

— Стойте, молодой человек, и слушайте, как надо отвечать,— сказал Александр Павлович и затем торжественно произнес: — Васильева!

Таня встала у парты.

— Я не знаю сегодня урока.

Александр Павлович удивленно посмотрел на нее.

— Причина?

И Таня, вздохнув, сказала:

— Я зачиталась.

Александр Павлович молча обмакнул перо, и в мертвой тишине было слышно, как скрипит оно, выводя двойку.

— Сожалею,— промакнув написанное, сказал учитель,— сожалею. Но кому больше дано, с того больше и спрашивается.

— Чудачка,— сказал Сергей, когда они шли домой.— Надо было сказать, мама больна.

Таня усмехнулась.

— Я учусь не для отметок.— И, помолчав, добавила: — И я не люблю врать.

Это было правдой. Даже тогда, когда можно было, промолчав, ограничиться полуправдой, Таня не таилась. И Сергей, который не боялся съехать с самой крутой горы на лыжах, не зажмуривался от молнии и занимался боксом, услышал однажды от Тани:

— Эх ты, трусишка!

Таня заболела, и Сергей пришел ее проведать.

— А уроки тебе будет носить Лена Кравчук. Нина Васильевна так сказала.

— А почему не ты? Ты же все равно ко мне ходишь!

Сергей смутился. Не то чтобы он скрывал в классе свою дружбу с Таней. Все и так видели: домой они часто ходили вместе. Но встать в классе и сказать: «Уроки Васильевой буду носить я!..» — так у них в классе не было принято. Ребята еще смеяться будут... Он ничего не сказал Тане, но она и так все поняла. Вот тогда она и сказала:

— Эх ты, трусишка!

Сергей молча просидел у нее еще десять минут и встал.

— Я приду к тебе еще.

— Хорошо,— сказала Таня,— только приходи с черного хода, а то напротив живет Серов. Он тебя может увидеть.

И на следующий день Сергей сказал Нине Васильевне, что уроки Тане будет носить он. При всех ребятах, громко. И никто не засмеялся, не удивился.

Таня так и не спросила, почему не появляется Кравчук. Но она больше не смотрела на Сергея чужими глазами.

С Таней было легко и просто. Они ходили вместе в кино, составили программу самообразования. «Шестой класс — все музеи. Седьмой — ходить на настоящие концерты. Восьмой — говорить друг с другом только по-немецки...»

С ней даже о боксе можно было говорить. Словом, конечно, Таня была совсем не такая, как все девчонки.

В конце седьмого класса Сергей узнал, что они едут в один пионерский лагерь, на все лето, в один отряд...

Андрей появился в отряде во вторую смену. Через два дня весь отряд говорил: «Андрей сказал», «Андрей велел», «Это для Андрея».

Он подавлял всех жизненным опытом. «Разве это джаз, мальчики?»—лениво говорил он, когда ребята вечером слушали музыку у приемника... «Конечно, «Чайка» — неплохая машина, но последняя модель «Ситроэн», мальчики...»

Во всем лагере не было мальчишки, который бы умел водить машину. А Андрей показывал карточку. Новенький «Москвич», и за рулем — Андрей в лихо сдвинутом берете.

«Отец сказал: будешь человеком, машина будет твоя. Придется становиться человеком, мальчики».

Андрей три года жил с родителями за границей, и это окружало его ореолом таинственности и значительности.

Таня невзлюбила его сразу.

— Он весь фальшивый, ваш Андрей,— сказала она Сергею,— разве ты не видишь? Он влюблен в себя и всех презирает.

Но Сергей этого не видел.

Конечно, Андрей может оборвать: «Слушай, а кого это интересует?»; съязвить: «Военная игра с трещотками? Ну, это забава для седьмого отряда!» Но он столько видел, столько знает, конечно, ему все это неинтересно.

Однажды вечером ребята сидели на террасе своей дачи. Шел разговор о том, кто пойдет в соседний лагерь на встречу по волейболу.

Андрей плохо играл в волейбол, но он начал первым:

— Пойду я, Виктор, Сергей и...

— Надо взять Галку, она здорово тушит. И Таню. Сергей все равно без нее не пойдет,— сказал кто-то.

— Девкам там делать нечего,— отрезал Андрей и повернулся к Сергею.— А что она к тебе приклеилась? Пошли ты ее...— И так как Сергей молчал, добавил: — Или ты без разрешения этой тихони за территорию не выходишь?

Сергей посмотрел в насмешливые глаза Андрея и пожал плечами.

— Почему же?..

И в этот момент он услышал, как скрипят ступеньки, что вели с террасы. Сергей посмотрел в окно — за ним мелькнул Танин сарафан...

Три богатыря

Борис ШЕРГИН

Рисунки В. Федяевской.

Стояла весна красная, но вместо журавлиных стай пролетали над Киевом черные вороны. Князь Владимир следил их полет и тяжко вздыхал:

— Либо было что, либо будет.

Мимо княжий двор проезжают Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович. Они в полном богатырском наряде. Князь их окликнул:

— Эй, государи, приворотите ко мне!

Князь принял их в сени и говорит:

— Не спросившись, не сказавшись, в какой поход срядились, государи? Ветры зловещие, вести тревожные. С востока или с полдня орда на Киев катится. Извольте, государи, в Киеве сидеть. Город стерегите.

Илья говорит:

— Наше дело богатырское, врага в поле встретить, а не ждать, когда он ворота зачнет ломать...

Князь говорит:

— Пойдем, сгадаем на рукавице.

Вышли на двор, Владимир снял с руки шитую золотом рукавицу.

— Ежели упадет перстами в поле, поезжайте.

Кинул рукавицу за ворота. Она упала перстами во двор.

Илья говорит:

— Гадай, не гадай, а дома сидеть, избяные углы подпирать не будем.

Князь в гневе схватил богатырских коней за поводья, поставил в стойла и конюшню запер на замок.

Илья с усмешкой поклонился князю:

— Воля ваша, а большина наша.

Пошли со двора, не оглянулись.
У городских ворот
привратников не спросились.
Идут чистым полем. Облака
плывут и цветы цветут.
Идут богатыри, стих запели
о прекрасной пустыне. Поют, не чуют
доспехов тяжких на плечах.
Под ноги пала тропинка,
завела на высокий могильник. С высокого
взлобья видно землю от края до края.

Илья говорит:

— Ну-ко, государи, берите своими
глазами, что за облак край земли
с полудня?

Добрыня говорит:

— Дым.

Алеша говорит:

— Тучка дождевая.

Илья припал ухом к земле
и стал отслушивать.

Тихо сказал:

— Топот слышу и как бы поступь
человеческую.

Добрыня говорит:

— Ни коней, ни оружия не надо. Покажемся
простыми мужиками.

В кургане, где стояли, был хов,
накрыт кустом. В этот хов сложили
богатыри все свои доспехи и оружие.

В это время солнце пришло на запад,
день склонился на вечер. Рассудили
богатыри ночь перележать на холме
и путь продолжать на утренней зоре.

Дорожные люди долго не спят.
Сон отряхнули к рассвету, шли
по утренним росам.

В небе всходит солнце,
а по ковылям, по серебряным, неисчислимые
черные гнезда, табор ордынский.

Добрыня говорит:

— Таиться нельзя. Побредем по табору,
как глупенькие.

Побрели неспешно меж татар,
будто в Киеве по рынку. Рубахи
и порты холщовые, сапоги в пыли.

Татаре ухмыляются, видят,
что мужики — дураки, не понимающие,
куда попали. Над русской простотой
смеются, а сами от нечего делать
сабли свои кривые точат.
Только и слышно: жик-жик, жик-жик.
Остановились против широкого шатра.
Рты разинули, будто сроду не видели
такого богатства. А из шатра и сам
царище вылез. Лицо у него совиное,
глаза ястребиные.

— Вы какие? Лазучить хотите?

Илья отвечает:

— Батюшка царь,
есть мы киевские
мужики. Пошли покос посмотреть
и невзначай сюда попали.

Царище говорит:

— Я тоже косить иду. Слышите,
как моя Орда косы точит — сабли острые.

Алеша Попович не стерпел:

— Бездомные вы народы. Чужое хватаете.

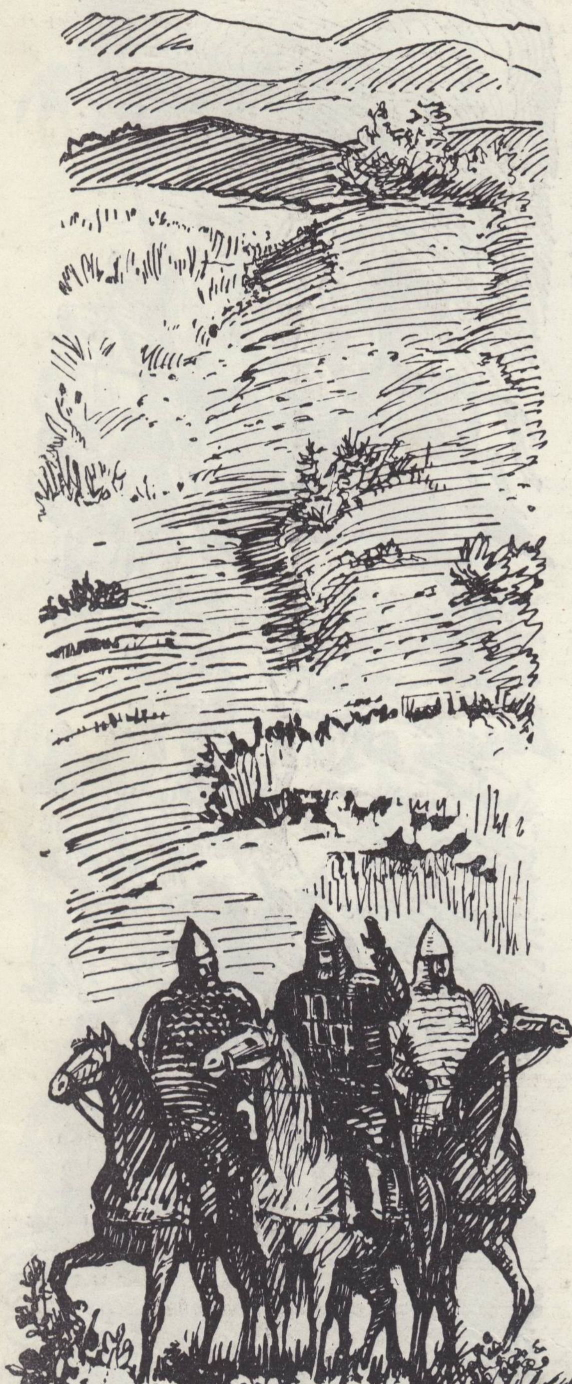
Царище распахнул шатер:

— У меня добра побольше вашего.
Гляньте, какое у меня стулье.

Алеша заглянул в шатер и говорит:
— У нас, в Киеве, эко-то стульё по баням.
Илья покосился на Поповича:
— Алеша, ты смалчивай, за тебя дядюшка Владимир беды плачивал.
Царище пуще раскуражился:
— Желаю показать, на каких конях я с моими воеводами в Киев въеду.
Край поля стояли три коня оседланные. Их держали за поводья важные мурзы.
Царище говорит:
— Сейчас я покажу на образе ордынскую посадку.
Царь с двумя мурзами собрались садиться на коней, а Попович Алеша и брякнул:
— У нас в Киеве на эких клячах воду возят.
Тут царище рассвирепел:
— Эй, орда! Вяжите этих мужиков! Бейте до смерти кнутами!
Илья крикнул:
— Падайте, ребята, на коней!
Царище с татарами, как шарики, раскатились на стороны.
Единым махом прянули богатыри в седла. Кони взвились, как птицы. Более ничего татаре не видели, Только видели, что в поле курева курит.
Добрые кони чуют, каких государей несут. Так летели — птица не догонит. Покамест татаре погоню сряжали, Илья, Добрыня и Алеша были у кургана, где оружие и доспехи оставили.
Еще пыль в поле не улеглась, еще эхо повторяет посвист богатырский и топот, а уж богатыри снова на конях. Единым манием руки пооблачились в кольчуги и в броню, опоясались мечами, увенчались золочеными шлемами.
Знают богатыри, что будет погоня, и дерзновенно летят навстречу ей.
С погоней сшиблись богатыри на полудороге.
Как огонь на сухую траву, упали на татар богатыри.
Дрогнула земля от топота конского, прозвенели мечи, и легли синие головы под белый ковыль. Все полегли до единого.
Илья посмотрел на солнце и сказал:
— Царище татарский будет ждать вестей до полудня. В полдень он растревожится, срядит Орду для похода на Киев. Братья мои милые, Добрыня и Алеша, мы будем вестниками. Налетим на Орду быстрее крылатых стрел, принесем весть страшную и конечную.
Добрыня и Алеша говорят:
— С тобой, Илья, у нас одно сердце, одна мысль.

В этот день, в это утро Орда над собой беды не чуяла. Орда жила, людям беду готовила. Пряжу прядут — удавные петли будут. Ножи

куют — не хлебы рушить. Они хлеба не едят, сырым мясом сыты. И царище ордынский не без дела сидит у шатра, кремневым ножом точит жало у сабли и поет:

Единым взмахом
этой сабли
я всему городу Киеву
голову снесу.

Вдруг в шатре стало сумеречно: солнечный лик искажен и красен от гнева.

А с Киевской стороны по серебряным ковылям неслись на Орду три сизых облака.

Иным показалось, что летят три птицы великих. А иные кричат, что марево манит.

Когда Орда увидела, что солнечный лик исказился гневом, и когда понеслись по ковылям три облака или три птицы, тогда настала в мире великая тишина. Одни цикады небоязненно пели в траве.

Но по первом взмахе трех богатырских мечей все стало страшно и мятежно. Над татарами пролетел гнев и раскроил Орду наполы. Вслед с неба, будто три вихря, пролетели сквозь Орду три богатыря.

Из конца в конец по татарским полкам пронеслись богатыри. Как лес непроходный, ощетинилась Орда. Что огонь палящий, пролетели богатыри тем лесом, выжгли три дороги широких.

Три богатыря секли Орду мечами, как дрова кололи. Клали дрова в поленницы, а поленья в лучину излучинили.

От великого боя, от тяжкого топота, от железного лязга и скрежета, от ржанья конского, от свиста и рева тряслась земля и дым топился до неба.

И некому было вздумать, что будет конец этому лютому дню. Но солнце пришло на запад, день преклонился на вечер, и пала на землю безглагольная тишина.

Три всадника могутных — Илья, Добрыня и Алеша — тихим шагом въехали на горку, с которой утром оглядывали Орду.

Илья снял шелом и слушал к северу и к западу, потом отслушивал восток и полуденную сторону — ни вздоха, ни шелеста. Спит престрашная Орда, не встает.

Тогда Илья чистым платом отер чело и лик свой светлый. Сняли шеломы Добрыня и Алеша и отерли кровавый пот.

Жизнь и смерть Гришатки Соколова

Повесть

(Продолжение)

Сергей АЛЕКСЕЕВ
Рисунки П. Павлинова.

ПОПАЛСЯ

Проснулся Гришатка от шума человеческих голосов. Кто-то тронул мальчика за руку.

Открыл Гришатка глаза. Стог разворочен, рядом солдаты.

— Малец, гляньте, малец!

— Ну и дела!

— Откуда ты?! — загомонили солдаты.

Подошел офицер.

— Мы его вилами, ваше благородие, чуть не пришибли,— доложили солдаты.

Был ранний рассвет. Буря утихла. Глянул Гришатка: солдаты с вилами, рядом телеги. Одна, вторая, до сотни телег. Слева и справа по полю стога. За стогами, совсем рядом ров и вал Оренбурга.

Заплутал Гришатка в темноте и по вьюге, закружился в степи, думал, что ушел далеко, а выходит, заночевал у самого города.

Ночью же за сеном явились солдаты.

Вот и попался Гришатка.

Привезли мальчика назад в Оренбург, доложили Рейнсдорпу.

— Бежал?! — набросился губернатор.

Чует Гришатка беду. Стал что есть сил и ума изворачиваться.

— В ров я сорвался.

— Сорвался?!

— На вал я, на бревна полез,— зачастил Гришатка.— Уж больно схотелось на степь посмотреть... А ветер как дунет. Легкий я, ваше сиятельство. Не удержался... Вот и шишку набил.— Повернул мальчик к генералу затылок.

Смотрит генерал — верно, шишка.

— Дурной, как есть дурной твой голова,— произнес губернатор, однако не так уж строго. Распорядился он всыпать Гришатке плетей и бросить в подвал на пятеро суток.

Врезал дед Кобылин кнутом по тощей Гришаткиной спине, приговаривал:

— К разбойнику надумал бежать! К нему, к злодею. Меня не обманешь! Вот, вот тебе за государя, вот тебе за императора!

ПОКЛОН ОТ САВЕЛИЯ ЛАПТЕВА

Сидит Гришатка в подвале. День. Второй. Третий.

«Не убежал, не убежал,— сокрушается мальчик.— Эх, как там царь-батюшка?..— И думы одна страшнее другой пугают Гришатку: — Убил, убил, зарезал его колодник».

На четвертый день втащили в подвал к Гришатке побитого солдата.

— Пить, пить,— стонал солдат.

Гришатка сунулся к стоящей тут же бадейке, дал напиться солдату.

Глотнул тот воды, постонал и забылся.

Часа через три солдат пришел в себя, глянул на мальчика.

— Кто такой?

— Гришатка.

— За что же тебя, дитятко?

Не знает Гришатка, как и сказать. Посмотрел на солдата — ни стар, ни молод. Брови густые. Вдоль правой щеки пальца в четыре шрам. Глаза, кажись, добрые, а там кто его знает. Осторожен Гришатка. На всякий случай решил соврать.

— Убег я из крепости. На хутора. К мамке. Словили.

— А-а,— протянул солдат.

Около часу они молчали.

— Значит, убег? — переспросил солдат.— К мамке?

— Эге, к ней, к самой.

Опять помолчали.

— К мамке, значит, убег? — начинает снова солдат.

«Чего это он,— обиделся Гришатка.— Пристал, как репей к собаке».

А солдат придвинулся к мальчику и продолжает:

— Вот что: будешь снова бежать, так ступай к Сакмарским воротам. Встретишь стражника — рыжий такой и с бороды и с усов. Как огонь, рыжий. Рындиным зовется. Шепнешь ему единое слово — «ворон». Он из ворот тя и выпустит. Вот так-то,— солдат перешел на шепот.— А как повстречаешь батюшку государя-императора Петра III Федоровича, то пади ему в ножки и скажи: поклон те великий, государь, от раба божьего Савелия Лаптева. Понял? От Савелия Лаптева. А-а,— застонал солдат.

Не ожидал Гришатка таких речей. Опешил. Переждал. Подумал.

— Дяденька,— наконец обратился к солдату,— я не к мамке бежал. Я...

Однако солдат отвернулся к стене и больше не молвил ни слова.

САКМАРСКИЕ ВОРОТА

Зима. Забелело кругом. Иней на ветках. Сугробы. Дед Кобылин переставил свою водовозную бочку с колес на сани.

Вышел Гришатка из заключения — первым делом помчался к валу. По-прежнему ходят дозорные. Пушки в сторону степи дулами смотрят. Город в тревоге. Никаких перемен.

«Жив, жив батюшка,— соображает Гришатка.— Убегу, сегодня же убегу. Дождусь темноты — и к Сакмарским воротам. Увижу рыжего с бородой. Шепну ему слово «ворон» — и поминай, как звали.

Не собьется теперь Гришатка с пути. Небо чистое. Ночи звездные. Разъезды царя-батюшки гарцуют у самого города.

Стало смеркаться. Собрался Гришатка, помчался к Сакмарским воротам. Подходил медленно, не торопясь, вытягивал шею, здесь ли стражник, что Рындин зовется.

Нет Рындина. Все стражники у ворот то ли черные, то ли вовсе безусые и безбородые.

— Эх, эх,— вздыхает Гришатка.— Видать, соврал Лаптев про рыжего человека... А может, смена не та?

Переждал, перемучился мальчик еще один день. Снова явился. На сей раз подошел поближе. Глазеет. Тут он, тут он, с бородой, рыжий. Рванулся мальчишка вперед, как вдруг чья-то рука за шею Гришатку хвать.

Вскрикнул, рванулся Гришатка. Однако рука, что петля, еще туже зажала шею.

Повернул человек Гришатку к себе лицом. Глянул Гришатка — Кобылин.

— Ты зачем здесь, паршивец. Ась?!

И снова Гришатку били.

— Душу по ветру пущу,— кричал дед Кобылин.— Кишки размотаю.— И бил Гришатку с такой силой, словно он убийство задумал.

ЧЕСТЬ ИМЕЮ

Старик Кобылин ездил за водой на Яик либо перед рассветом, либо когда упадет темнота. Это чтобы «разбойники» не приметили.

Отлежался Гришатка день, второй после побоев, опять за свое. Э-эх, птахой небесной взмыть бы из крепости!

Ночь. Лежит, думает думы свои Гришатка. И вдруг рукой с размаху по темени хлоп: «Бочка деда Кобылина, бочка!»

Поднялся Гришатка, армяк на плечи, к Вавиле под лавку. Где тут топор? Вышел Гришатка во двор и сторонкой, сторонкой к дедовой бочке. Пощупал днище, крепкое днище. Пристроился мальчик, давай выламывать нижние доски. Трудился, трудился — отбил. Просунул голову, плечи — в размер, все пролезает.

Приладил Гришатка доски на старое место, вернулся домой.

«Ой, не уснуть, не уснуть бы,— думает мальчик. Лежит, не спит, дожидается раннего часа.— Ну,— решает,— пора».

Явился он к бочке. Приподнял доски. Залез. Притих.

Неудобно в бочке Гришатке. Холодно. На досках намерзла вода.

Прошел час, а может быть, более. Терпит Гришатка. А мысли пчелиным жалом: вдруг как не поедет сегодня старик за водой?

Но чу! Хлопнули двери. Раздались шаги. «Он, он»,— забилось Гришаткино сердце.

Вывел дед Кобылин коня, стал запрягать.

— Но, но, ленивый,— покрикивает.

Запряг, взгромоздился на сани. Тронулись.

Лежит Гришатка тихо-тихо. Не шелохнется. Дышит не в полный придых. Подбрасывает санки на снежных выбоинах. Скрипнет льдом

и деревом бочка. Качнет Гришатку — мальчик руки в распор. Эх, не наделать бы шуму.

Прошло минут десять.

— Наше почтение! — слышит Гришатка человеческий голос. Понял: городские ворота.

Загремели засовы. Ржаво пискнули петли. Бросило сани на последней колдобине. Впереди простор Оренбургской степи.

Переждал Гришатка немного, стал оттягивать доски. Глянул в просвет. Темень, тихо кругом. Лишь «скрип-скрип» из-под полозьев. Лишь «чвак-чвак» из-под конских копыт.

Ну, с богом! Изловчился Гришатка, из бочки наружу — прыг.

Прощай, Оренбургская крепость. Честь имею, генерал-поручик Рейнсдорп!

— ПУТЬ-ДОРОГА КУДА ЛЕЖИТ!

Прошел Гришатка версту, вторую. Забрезжил рассвет. Легко на душе у Гришатки. Остановится, кинет взгляд в сторону крепости, улыбнется и снова вперед. Идет он размашистым шагом. Версты ему нипочем.

Впереди замаячил казачий разъезд. Рванули кони навстречу путнику. Момент — и рядом с Гришаткой. Обступили удалые наездники мальчика.

— Кто будешь?

— Откуда?

— Путь-дорога куда лежит?

— К его царскому величеству, государю-императору Петру III Федоровичу.

— Ух ты!

— К нам значит?

— Пополнение жалует!

— А зачем тебе к государю-императору?

Запнулся Гришатка, думает, сказать или нет про колодника. Ответил уклончиво:

— По секретному делу.

— Ого!

— Скажи-ка на милость!

— Он на тятьку, на тятьку в обиде. Тятька его отодрал. С жалобой шествует к батюшке.

— Брось зубы скалить! — оборвал балагуров высоченный детина с огромной серьгой в оттопыренном ухе. — Ступай сюда! — крикнул Гришатке. — Сказывай.

Подошел Гришатка, подтянулся к уху с серьгой и зашептал про злой умысел оренбургского губернатора.

Изловчился Гришатка,
из бочки наружу — прыг!

— Гей, казаки! — закричал высоченный. — Назад, в Берду, к государю!

Подхватил он Гришатку, усадил на коня к себе за спину. Вздыбились кони, в разворот и — ветром по чистому полю. Вцепился Гришатка в казацкий чекмень. Держится. Со страха глаза прикрылись. Дух перехватывает. Сползла на затылок Гришаткина шапка. Лицо что каленым железом прожгло. Ух ты, казацкая удаль!

Конники вступили в Берду. В Бердской слободе ставка Емельяна Ивановича Пугачева. Здесь же «царский дворец» — огромный дом, пятистенок. Резное крыльцо, ступени. На крыльце стража — государева гвардия. Молодцы на подбор, один к одному — богатыри русские.

Поравнялись с крыльцом казаки. Высоченный спрыгнул с коня. Подхватил, поставил на землю Гришатку. Потом подошел к страже, доложил что-то. И вот уже Гришатку ведут во «дворец». Переступили порог — сенцы. Впереди дубовая дверь.

Замер Гришатка.

— Ступай! — толкнув дверь, скомандовал стражник.

ОСТАНОВИЛАСЬ В ЖИЛАХ ГРИШАТКИНЫХ КРОВЬ

Входя в комнату, Гришатка зажмурил глаза. Он, царь-государь, поди, в бархате, в золоте. Не ослепнуть бы, оберегался Гришатка.

Лежит, не шевелится Гришатка, ждет царского слова.

— Ух ты, старый приятель! — кто-то пробасил над Гришаткой. Голос противный, Гришатке знакомый.

Вскинул мальчик глаза — господи праведный: тот самый колодник без носа перед Гришаткой!

Только не как тогда, у Рейнсдорпа, не в цепях, не в лохмотьях, не со спутанной бородой. Волосы у каторжника гладко причесаны, на плечах новый зипун, искалеченный нос под тряпицей.

Растерялся Гришатка: ни взад, ни вперед, ни в крик, ни в призыв. Остановилась в жилах Гришаткиных кровь. Сердце остановилось.

Вошел мальчик в горницу и сразу бух на колени. Прижался лбом к половицам.

«Опоздал, опоздал, вот на столечко опоздал. Совершил свое черное дело, разбойник».

Но вот скрипнула дверь из соседней комнаты. Вошел человек. Смотрит Гришатка. Красный кафтан. Генеральская лента через плечо. Пистолеты за поясом. Волосы на голове пострижены по-казацки — кругом. Черная борода. Глаза чуть вприщур, ясные, но с хитринкой.

«Он, он, царь-император»,— кольнуло Гришатку.

Бросился он к вошедшему человеку.

— Государь,— завопил,— берегись, государь!

Прижался мальчик к Пугачеву, словно собой заслонить собрался.

— Стреляй, государь, стреляй! — тычет Гришатка рукой на колодника.— Он из Оренбурга. Рейнсдорпом он послан.

Однако Пугачев не торопится.

— Откуда ты, дитятко?

— Стреляй, государь!

Улыбается Пугачев.

— Знаю, знаю. Соколов это,— показал на безносого.— Хлопуша по прозвищу. Повинился во всем Хлопуша. Не поднял руку на государя. Милость мою заслужил.

— Жизни не пожалею! — гаркнул колодник.

Опешил Гришатка, моргает глазами.

— Вот так-то,— произнес Пугачев.— А ты-то откуда такой?

— Из Оренбурга он, государь,— ответил вместо Гришатки Хлопуша.

— Да ну?! Ты что же, бежал?

— Бежал,— признался Гришатка. Покосился он еще раз на Хлопушу и рассказал Пугачеву, как было.

— В бочке? Ну и дела! Хоть мал, а хитрец, вижу. А чего это у тебя волосы на голове прожжены?

Поведал Гришатка, как Рейнсдорп выбивал о его голову трубку.

— Ах, злодей! — воскликнул Пугачев.— Ну, я до него доберусь. А как звать тебя, молодец?

— Соколов я, Гришатка.

— Соколов? — переспросил Пугачев. Повернулся к Хлопуше: — И ты Соколов.

— Так точно, ваше величество,— гаркнул колодник.— Соколов Афанасий.

— Ну и дела,— усмехнулся Пугачев.— Выходит, и Сокол ко мне прилетел, выходит, и Соколенок.

Глава третья

ВЕЛИКИЙ ГОСУДАРЬ

НА НОВОМ МЕСТЕ

Прошло три дня. Обжился Гришатка на новом месте. Оставили его тут же, при «царском дворце». Только не наверху, а внизу, в пристройке, на кухне у государевой поварихи Ненилы.

— Заходи, располагайся,— сказала Ненила.— Небось, и место и миска тебе здесь найдутся.

Постригли Гришатке волосы вкруг — по-казацки. Хлопуша притащил полушубок. Ненила где-то достала новые валенки. Хоть и велики, хоть и плохо держатся на ногах, зато такие же, как у самого царя-батюшки,— белые, кожа на задниках.

Стал Гришатка гонять по Берде. Берда большая. И с каждым днем все больше и больше. Валит сюда народ со всех сторон. Наскоро ставят новые избы, роют землянки. Людей — словно на торжище. Казаки, солдаты, татары, башкиры. Одних мужиков — хоть море пруди.

Бежит Гришатка по бердским улицам.

— Привет казаку! — кричат пугачевцы.

— Ну, как генерал Рейнсдорп?

— Скоро ли крепость сдастся?!

Вернется Гришатка домой. Накормит его Ненила. Погреется мальчик — и снова к казакам и солдатам.

Знают в Берде про Гришатку все: и как он был за голосистую птицу, и как в Ганнибалах

ходил, и как выбивал губернатор о Гришаткино темя трубку.

Знают про Тоцкое, про лютое дело офицера Гагарина. И про Вавилу знают, и про парикмахера Алексашку, про Акульку и Юльку, и про деда Кобылина.

Известнейшим человеком на всю Берду оказался Гришатка.

— Дитятко,— называет его Ненила.

— Ух ты, прибег. Царя заслонил. Жизнь свою ни в копейку,— восторгается Гришаткой Хлопуша.

— Казак, дельный будет казак,— хвалят мальчика пугачевцы.

СИНЬ-ДАЛЬ

Утро. Мороз. Градусов двадцать, но тихо, безветренно.

Поп Иван, священник пугачевского войска, приводит вновь прибывших в Берду к присяге.

Крыльцо царского дворца. Ковер. В кресле сидит Пугачев. Рядом, ступенькой ниже, в поповской рясе поверх тулупа свечкой застыл священник Иван. Лицо ястребиное, строгое. Перед крыльцом полукругом человек триста новеньких. Среди них и Гришатка. Все без шапок. Кто в армяке, кто в кацавейке, кто в лаптях и онучах, лишь немногие в валенках.

— Я, казак войска государева, обещаюсь и клянусь всемогущим богом,— начинает густым басом поп Иван.

— Я, казак войска государева, обещаюсь и клянусь...— в одну глотку повторяют стоящие.

— Я, казак войска государева...— шепчет Гришатка.

— Клянусь великому государю императору Петру III Федоровичу служить, не щадя живота своего, до последней капли крови,— продолжает поп Иван.

— Клянусь великому государю...— разносится в морозном воздухе.

— Служить до последней капли крови,— повторяет Гришатка.

Проходит четверть часа. Присяга окончена.

Пугачев подымается со своего места, кланяется в пояс народу.

— Детушки! — Голос Пугачева зычный, призывный, Гришатку аж дрожь по телу берет.— Молодые и старые. Вольные и подневольные. Русские, а также разных иных племен. Всем вам кланяюсь челом своим государевым. Царская вам милость моя, думы мои вам и сердце.

— Долгие лета тебе, государь,— несется в ответ.

— Детушки,— продолжает Емельян Иванович.— Не мне клянетесь, себе клянетесь...— Голос его срывается.— Делу великому, правде великой, той, что выше всех правд на земле. В синь-даль вас зову, в жизнь-свободу, к всеобщему равенству. Иного пути у нас нетути. Не отступитесь же, детушки, не дрогните в сечах, не предайте же клятву сию великую!

И из сотен глоток, как жар из печи:

— Клянемся!

— Клянемся!

— Клянемся!

— Клянусь! — шепчет Гришатка.

УФ!

— Гришатка, Гришатка! — позвала Ненила.— Собирайся, с государем в баню пойдешь.

Собрался Гришатка. Ух ты, не каждому от батюшки подобная честь!

Баня большая, с предбанником. Фонарь с потолка свисает. Маленькое оконце в огороды глядит.

Липовая скамья. Полка-лежанка. Котел с кипящей водой. Рядом второй, поменьше — для распаривания березовых веников. В нем квас, смешанный с мятой. Груда раскаленных камней для поддавания пара.

Раздевается Гришатка, а сам нет-нет на государево тело взглянет. Вспомнил про царские знаки. Видит, у Пугачева на груди пониже сосков два белых сморщенных пятнышка.

Заметил Пугачев пристальный взгляд мальчика, усмехнулся.

— Смотри, смотри. Тебе такое, конечно, впервой.

— Это царские знаки?

— Так точно,— произнес Пугачев.— Каждый царь от рождения имеет такие.

— Прямо с младенчества?

— Прямо с младенчества. Как народилось царское дите, так уж и сразу в отличиях. Вот так-то, Гришатка.

Мылись долго. Пугачев хлестал себя веником. То и дело брался за ковш, тянулся к котлу, в котором квас, смешанный с мятой. Подцепит, подымется и с силой на раскаленные камни плеснет. Шарахнутся вверх и в сторону клубы ароматного пара, квасом и мятой Гришатке в нос.

Мылся Гришатка и вдруг вспомнил, что забыл он передать великому государю поклон от Савелия Лаптева. Бухнулся мальчик на мокрый пол к Пугачеву в ноги:

— Поклон тебе, великий государь, от раба божьего Савелия Лаптева.

— Что?!

— Поклон тебе, великий государь, от раба божьего Савелия Лаптева.

— Встань, встань, подымись.

Встал Гришатка, а Пугачев посмотрел куда-то поверх Гришаткиной головы и о чем-то задумался.

Было это давно, в 1753 году, во время войны с Пруссией. Донской казак Емельян Пугачев находился в далеком походе. Молод, горяч казак. Рвется в самое пекло, в самую гущу боя. Вихрем летит на врага. Колет казацкой пикой, рубит казацкой шашкой. «Бестия, истинный бестия»,— восхищаются Пугачевым товарищи.

Сдружился во время похода Пугачев с артиллерийским солдатом Савелием Лаптевым. Соберутся они, о том о сем, о жизни заговорят. Пугачев — о донских казаках. Лаптев — о смоленских крестьянах. Сам он родом оттуда. И как ни говори, как ни рассуждай, а получается, что нет жизни на Руси горше, чем жизнь крестьянина и казака-труженика.

— Эх, власть бы мне в руки! — говорил Пугачев.— Я бы этих бар и господ в дугу, в в бараний рог крутанул. А мужику и рабочему люду — волю-свободу, землю и солнце. Паши, сей, живи, радуйся!

— Ох, Омелька, быть бы тебе царем, великим государем,— отвечал на это Савелий Лаптев.

— Эка куда хватанул! — усмехался Пугачев.— Да разве может так, чтобы царь — и вдруг из простого народа?

— Не бывало такого,— соглашался солдат.— Прав. Не бывало. Да мало ли чего не бывало...

Потом судьба разлучила друзей. Прошли годы...

— Выходит, и Сокол ко мне прилетел и Соколечок...

— Так как, говоришь, Лаптев сказал? — обратился Пугачев к Гришатке.

Поклон тебе, великий государь,— начал мальчик.

— Стой, стой,— прервал Пугачев.— «Великий государь! — произнес про себя и подумал: — Одобряет, выходит, Лаптев. Не забыл старое. Царем величает. Ну что ж, царь так царь. Держись, Емельян Иванович». Эй, Гришатка! — закричал Пугачев.— Залезай-ка на лавку. А ну, давай я тебя по-царски.

Да я сам, ваше величество.

— Ложись, ложись, говорю! Не упорствуй.

Намылил Пугачев Гришатке спину, живот, натер бока до пурпурного цвета мочалкой. Взялся за березовый веник. Заходило под взмахами Гришаткино тело. Разыгралась, забилась в сосудах кровь.

— Вот так, вот так,— усмехаясь, приговаривает Пугачев.— Чтобы болезни и хвори к тебе не пристали. Чтобы пули тебя не брали. Чтобы рос ты, Гришатка, как дуб среди степи. Чтобы был ты не раб, а казак!

Потом Пугачев подхватил в бадейку воды. Отошел, размахнулся, хлестанул на Гришатку.

Гришатка захлебнулся и фыркнул:

— Уф!

ШАПКА

Собралось в Берде до трех тысяч простых крестьян — мужиков-лапотников. Они и ружья-то в руках никогда не держали. Многие пики не видели.

Приказал Пугачев для крестьянской части своего войска устроить учения.

Вели занятия сразу же за Бердой, на открытом месте. Бегают мужики в атаку. Учатся пикой владеть, в казацком седле держаться.

Тут же неподалеку установлено три щита, и на них мишени. По мишеням из ружей идет пальба. Около стрелков крутится Гришатка. Интересно ему. Стоит, смотрит.

Стараются мужики. Пугачев заявил, что лучшему стрелку будет с его царской головы шапка. Шапка дорогая, мерлушковая, с малиновым верхом. То-то бы угодить в самое яблочко!

Однако дела у стрелков плохи. В щит еще кое-как попадают. А вот о большем и не думай.

Намучились, намерзлись крестьяне. Стали роптать:

— Ружья кривые. Мишени далекие. На морозе руки дрожат. Попробовал бы тут сам царь-батюшка в яблочко стрельнуть.

А в это время Пугачев прибыл проверять, как идут учения, и услышал крестьянские речи.

Подъехал Емельян Иванович к стрелкам. Увидев царя, крестьяне попадали ниц.

— Встаньте! — приказал Пугачев.— Тут воинский плац, а не государевы палаты. Тут пригиб не мне, а умельцам делай.

Поднялись мужики.

— Ружья, значит, кривые?

Замялись крестьяне.

Слез Пугачев с коня.

— Ну-ка, подай сюда кривое ружьецо-то.

Подали Пугачеву ружье.

Вскинул Емельян Иванович стволину. Приклад к плечу. Палец к курку — бах.

— Попал, попал! В самую отметину,— заголосили крестьяне.

Взял Пугачев второе ружье — во вторую мишень. Взял третье, вскочил на коня и с ходу, с рыси — в третью. И снова в самую середину, снова навылет.

Поразевали крестьяне рты. Остолбенели от такого умельства. И Гришатка разинул рот. «Ай да стрелок!»

Подъехал Пугачев снова к крестьянам.

— Ну как, детушки, ружья кривые или глаз ваш косит?!

— Глаз, глаз, государь! — закричали крестьяне.

— То-то! — рассмеялся Пугачев.— Как же нам с шапкой, детушки, быть?

— Твоя шапка, твоя! — кричат вперебой крестьяне.— Тебе полагается. По закону. По справедливости.

— Ан нет,— говорит Пугачев.— А ну-ка, выходи, кто смелый.

Нет смелых. Боятся стрелки при царе попасть в полный конфуз.

В это время Пугачев заметил Гришатку.

Сунул Пугачев ему в руки ружье.

— Стреляй!

Прицелился Гришатка. Руки дрожат. В глазах туман. Однако ослушаться государя боится. Стрельнул.

— Попал, попал! — взвыли мужики.— В самую тютельку, в самое яблочко!

— Ух ты! — не удержался и сам Пугачев. Снял он со своей головы шапку.— На, получай!

Растерялся Гришатка, как быть, не знает.

— Бери, бери,— гудят мужики.— Государь жалует.

Взял Гришатка шапку, надел, утонул по самые уши. А когда приподнял, то Пугачева рядом уже и нет. Лишь снег от конских копыт клубится.

САНИ

— Эх, мало, мало у нас пушек. Ружей мало. Пороху бы нам побольше! — сокрушается Емельян Иванович.

Затеял Пугачев разные хитрости. То среди ночи подвезут казаки под самый Оренбург охапки сена и распалят костры. В крепости подумают, что это подошла пугачевская армия и откроют страшенный огонь из пушек.

— Так, так,— посмеивается Пугачев.— Хорошо. Ядер у них тоже не тысячи. Пусть, пусть постреляют.

Потом стали выманивать из крепости воинские отряды. Для этого поступали так. Подой-

дет пугачевский разъезд поближе к городу, а основные силы в стороне, в засаде.

Увидят в крепости, что отряд мал, откроют ворота. Вылетят конники. Пугачевцы же делают вид, что отступают. Заманивают они неприятеля. Подведут солдат к нужному месту. А там — раз, выскочили из засады товарищи. И правительственный отряд либо в плену, либо порублен.

Однако в Оренбурге вскоре догадались про пугачевские хитрости. Сколько ни ездят казаки к Оренбургу, как ни кричат, ни выманивают осажденных — никакого успеха.

Почуяли верховые недоброе. Остановились. Отстали. Решили вернуться назад.

— Эх, эх, пропали ружья! — сокрушается Пугачев.

Снова заворачивает он коней к Оренбургу. Снова взад-вперед у самого вала. И снова за ним погоня.

И так несколько раз.

Добился все же своего Емельян Иванович, заманил правительственный отряд до нужного места.

Выскочили пугачевцы, изрубили отряд.

— Дельно, дельно,— говорил Пугачев.— Вот

Тогда Пугачев приказал запрячь в сани тройку добрых коней. Оделся и сам поехал.

— Батюшка, да куда же ты! — взмолились пугачевские помощники.— Да видано ли дело, чтобы сам царь — и вдруг вроде как за приманку? Да пожалей ты себя! Не царское это дело. А вдруг как убьют?

— Не убьют, не убьют, детушки,— отвечал Пугачев.— Не убьют. Я завороженный. Ружья нужны нам, ружья. Нельзя нам без них.

И вот тройка у самого города. Промчался Пугачев взад-вперед вдоль оренбургского вала.

— Эй, солдатушки! — закричал.— Вам ли против своего законного государя идти? Рушь господ, открывай ворота!

— Пугачев, Пугачев...— понеслось по крепости.

Подумал Рейнсдорп: «Вот так удача!»

— Эй, верховых наружу!

И снова открылись ворота, снова погоня. Мчат пугачевские санки лихо, во весь опор. Кони, как птицы. Шеи вперед, гривы по ветру, ногами по снежному месиву «цок-перецок».

Промчит Пугачев саженей сто, двести, приостановится. Подпустит погоню поближе. И снова плеткой коней.

и ружьишек штук тридцать. Да и сабли да конская сбруя. Эхма, не царское оно, конечно, дело этак по капельке. Да ведь и море капелькой полнится.

ШАШКИ

Пугачев любил играть в шашки. Играл со своими командирами. А тут как-то надумал сыграть с Гришаткой.

— Главное,—поучал Пугачев,— чтобы в дамки пройти. Дамка, она всему полю хозяин.

Конечно, поначалу Гришатка проигрывал Пугачеву. А потом наловчился.

И вот как-то сложилась игра так, что Гришатка первым и в дамки пролез и шашек у него на доске больше.

Струхнул Гришатка: а ну как царь-государь рассердится? Сделал он вид, будто бы не замечает, что дамкой следует бить, то есть сделал Гришатка фука.

Понял Пугачев Гришаткину хитрость.

— Э, нет,— говорит.— Ты не хитри. Не гни перед сильным шапку. Бей! Не зевай! Шашки, они тем хороши,— стал рассуждать Емельян Иванович,— что тут, как на войне, словно бы

ты полководец. Умен — победил. Недодумал — тебя побили. Вот так-то, Гришатка.

Однако потом, когда они кончили игру и Гришатка выиграл, Пугачев вдруг заявил:

— Побил ты меня, Гришатка. Царя своего побил. Не стыдно тебе?

Смутился Гришатка, не знает, что и ответить.

И вдруг... Э, была не была!

— Так ведь тут, как на войне... Бей! Не зевай!

— Молодец, ой, молодец,— рассмеялся Пугачев. Посмотрел он пристально на Гришатку, потрепал по голове.— Башковитый. Эх, жить бы тебе в добрые времена! — Пугачев задумался.— Вот возьму власть, учиться, Гришатка, тебя пошлю. Там в Испанию или Голландию, к немцам али к французам. И станешь ты у меня первейшим человеком в науках. Про Ломоносова, чай, слыхал? Ломоносовым будешь.

«Добрый царь-батюшка,— подумал Гришатка.— Добрый. Зазря я его обыграл».

КАРАТЬ ИЛИ МИЛОВАТЬ

К Пугачеву в Берду прибыла группа крестьян вместе со своим барином. Притащили помещика на суд к государю.

И вот снова крыльцо «царского дворца», как тогда, во время присяги. Кресло. Ковер. Пугачев в кресле.

Пугачев начинает допрос. Обращается то к мужикам, то к помещику.

— Ну как, детушки, лют был барин у вас?

— Лют, лют, уж больно лют, царь-государь, продыху от его лютости не было! — кричат мужики.

— Ну, а ты что скажешь, господин хороший? — обращается Пугачев к помещику.

Молчит, не отвечает помещик.

Пугачев опять к мужикам:

— А бил ли вас барин?

— Бил, бил, батюшка. Собственноручно. Кожа, поди, по сей день свербит.

— Так,— произнес Пугачев и снова к помещику: — Не врут, правду сказывают мужики?

Молчит, не отзывается барин.

Лицо у Пугачева начинает багроветь. На скулах желваки проступают. Вздувается шея.

— А не забижал ли он стариков и детушек малых?

— Забижал, забижал, великий государь! Ой, как забижал! Васятку Смирнова до смерти запорол батогами. Федотку Краснова посохом покалечил. Старика и старуху Раковых — о, господи! — в мороз босыми гонял по снегу. Не выжили, померли Раковы.

Нечего сказать в оправдание барину. Понимает он, что не миновать ему лютой казни.

— А может, и добрые дела есть у вашего барина? Может, забыли вы, детушки?

Видит помещик такое дело.

— Есть, есть добрые дела! — закричал что есть силы.— Я на пасху всем по копейке жалую. На великий пост богу за души усопших поклоны бью.

— Так, так,— подбадривает Пугачев.

— Я и за вас помолюсь,— слукавил помещик,— за ваше величество...

— Да,— усмехнулся Пугачев,— вижу, и вправду много добрых дел на твоей душе. Так как же, детушки,— обратился к крестьянам,— карать мне вашего барина или миловать?

— Карать, карать! На виселицу его!..

Пугачев привстал, глянул на крестьян, перевел взгляд на помещика, потом на стражу свою.

Промчит Пугачев саженей сто, приостановится, подпустит погоню поближе...

Тихо. Все замерли. Ждут царского слова.

— Бог не осудит. Вздернуть! — взмахнул Пугачев рукой.

— А-ай! — завопил помещик.— Разбойник!

— Ба-атюшка, заступник! — кричали крестьяне.

(*Продолжение в следующем номере*)

По следам письма Ильичу

Лия СИМОНОВА

Неожиданное открытие

Если книги читать внимательно, можно делать открытия неожиданные и любопытные. История, о которой я хочу рассказать, именно так и началась — с книги.

Две фразы в самом конце воспоминаний старейшего коммуниста В. Д. Бонч-Бруевича хранили сообщение о том, что ребята посылали Ленину письма и он отвечал им.

Я твердо помнила, что никогда таких писем-ответов не читала. Стала искать. Проверила еще раз по Собранию сочинений В. И. Ленина, перелистала десятки различных сборников воспоминаний и документов — нет, нигде письма Владимира Ильича детям не публиковались. Я обратилась к старейшим работникам Музея имени В. И. Ленина и Института марксизма-ленинизма. Поговорила с Лидией Александровной Фотиевой, которая в те годы была секретарем Совета Народных Комиссаров. Письма-ответы Ленина детям действительно нигде не печатались. Ведь в свое время они были отосланы ребятам. Ни в музей, ни в партархив никто их не возвращал. Может быть, до сих пор остаются они у тех, кому были отправлены? Или вовсе не сохранились? Столько лет прошло!..

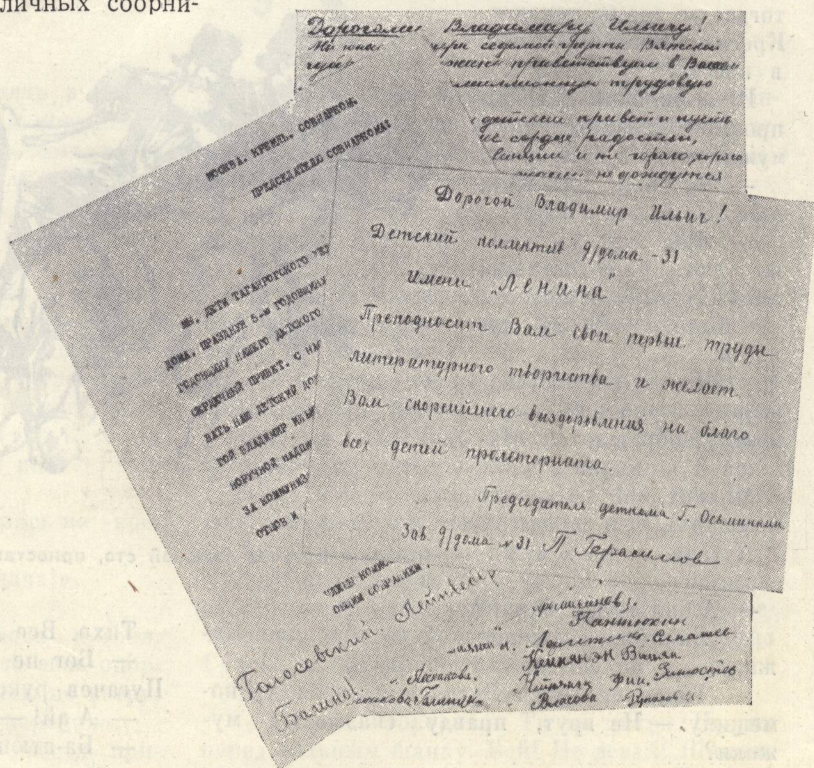
Ну, а письма детей к Владимиру Ильичу? Разве не интересно сегодня познакомиться с делами, заботами и мечтами, которые ребята поверяли самому Ленину?

В Институте марксизма-ленинизма я узнала, что эти письма сохранились.

И вот они передо мной — толстая папка.

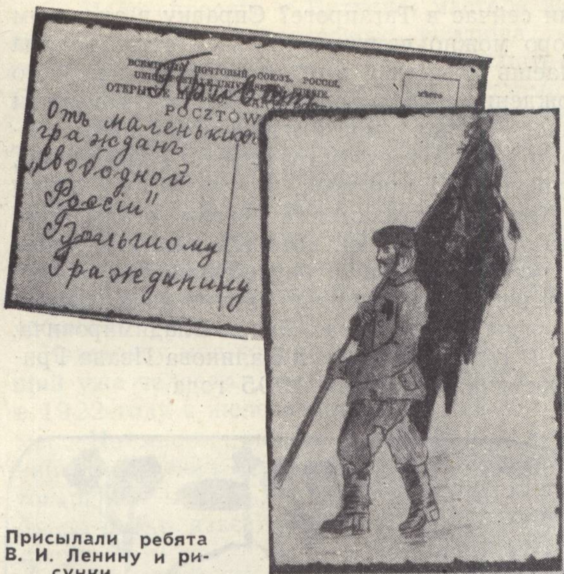
«Милый Владимир Ильич!

Мы, дети детского дома имени Ленина, шлем Вам свой привет и желаем, чтобы Вы были здоровы. Мы очень хотим Вас увидеть. Приезжайте к нам. Наш детский дом стоит на берегу Сенежского озера. Место очень красивое. Можно ловить рыбу и охотиться. Воздух у нас свежий, чистый. Вы отдохнете и поправитесь лучше. У нас есть свежее моло-

Дорогой Владимир Ильич!
Детский исполнит 9/дома -31
Имени „Ленина"
Преподносит Вам свои первые труды литературного творчества и желает Вам скорейшего выздоровления на благо всех детей пролетариата.
Председатель детнома Г. Осьминкин
Зав. 9/дома № 31 П. Герасимов

Это письма ребят В. И. Ленину.

Присылали ребята В. И. Ленину и рисунки.

ко от своих коров, и мы Вас угостим, оно тоже будет очень Вам полезно. Летом у нас вырастает много вкусных овощей, и мы Вас всем, всем угостим. Мы будем Вас ждать. Желаем Вам всего хорошего, а главное — много, много здоровья.

Дети детского дома Ленина при ст. Подсолнечная».

Это письмо и несколько других вошли теперь в сборник «Письма трудящихся к В. И. Ленину». Большинство не опубликовано до сих пор.

12.IV.23

«Дорогому Владимиру Ильичу!

Мы, юные пионеры седьмой группы Вятской губернской дружины, приветствуем в Вашем лице всю многомиллионную трудовую Россию!

Примите наш детский привет, и пусть он наполнит Ваше сердце радостью, так как дети провинции и те горячо, горячо любят Вас, ценят и ждут не дождутся, скоро ли Вы будете снова здоровы, а то мы очень беспокоимся.

Будьте уверены, что юные пионеры есть верная и надежная смена!

Юные пионеры седьмой группы имени Крупской Вятской губернской дружины.

Заведующая детским домом им. Крупской.

Начальник группы.

Старший звена «Боевые кречеты» Волостников.

Старший звена «Васильки» Найденова.

Старший звена «Горные козы» Шавеко.

Старший звена «Соловьи» Петухов.

Старший звена «Корольки» Труфакина.

Старший звена «Астры» Плюснина.

Старший звена «Алые розы» Петухова.

Старший звена «Землянички» Филиппова.

Старший звена «Дятлы» Юркин.

Юные пионеры и дети (68 подписей)».

Детдомовцы из Царицына прислали В. И. Ленину большой альбом под названием «Юный коммунар». На обложке значится: «Ко дню рождения 23-го апр. 1923-го года покровителю детей пролетариата Владимиру Ильичу Ленину».

А вот и письмо ребят:

«Дорогой Владимир Ильич!

Детский коллектив детдома 31 имени Ленина преподносит Вам свои первые труды литературного творчества и желает Вам скорейшего выздоровления на благо всех детей пролетариата.

Председатель деткома Г. Осьминкин

Зав. детдома № 31 П. Герасимов».

Дальше идут стихи и рассказы.

«...Мы станем грудью друг за друга
И будем драться до конца,
Чтобы разбить оковы рабства
И получить свободу навсегда.

Илья Бондарев».

В стихотворении Анатолия Андреева есть такие строки:

«Вступим смело на путь коммунизма,
Заживем без нужды. но в труде.
И польется та слава свободы
По окраинам, селам — везде».

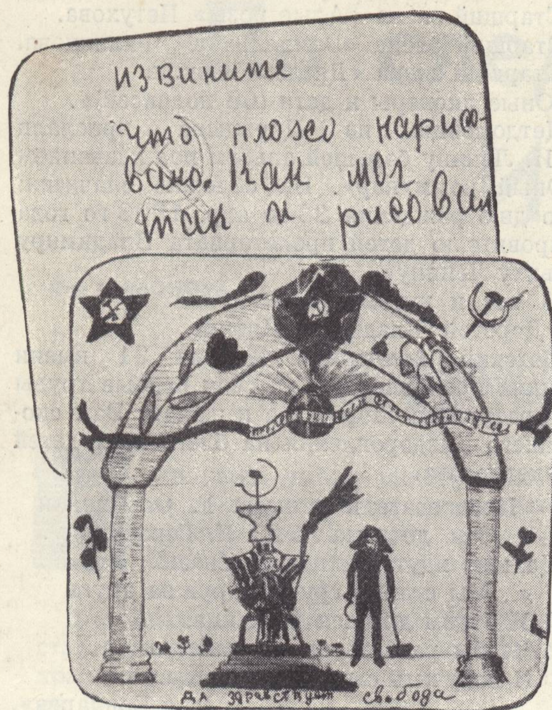
Конечно, стихи слабые, но ведь они первые. А авторы их всего полгода-год назад были беспризорниками. Читать эти стихи интересно, потому что они искренние и отлично передают атмосферу двадцатых годов.

Корреспонденты из Таганрога

осква, Кремль, Совнарком, Председателю Совнаркома. 11.XI.22.

Мы, дети таганрогского железнодорожного детского дома, празднуя 5-ю годовщину Октябрьской революции и годовщину нашего детского дома, шлем тебе, дорогой Ильич, сердечный привет.

С настоящего времени мы будем называть наш детский дом твоим именем. Мы просим, дорогой Владимир Ильич, прислать нам твой портрет с собственноручной надписью. Когда вырастем, будем крепко стоять за коммунизм и советскую власть и идти по стопам своих отцов и братьев, завоевавших свободу.

Часто на обратной стороне ребята делали надписи.

Члены комиссии, выбранные общим собранием детей, Шарапов, Голосовский, Лейнвебер, Ершов, Баликов».

Это письмо звучало как клятва. Его слова напомнили мне слова Н. К. Крупской. «Часто, когда он говорил с детьми, — рассказывала пионерам о В. И. Ленине Надежда Константиновна, — он полушутя, полусерьезно спрашивал: «Не правда ли, ты вырастешь хорошим коммунистом?» Конечно, это была полушутка, но это было и его глубокое желание, чтобы каждый ребенок вырос сознательным коммунистом и продолжил то дело, за которое мужественно боролись и борются революционеры всех стран».

Ребята из таганрогского железнодорожного детского дома именно в этом клялись Владимиру Ильичу. Выполнили ли они свою клятву?

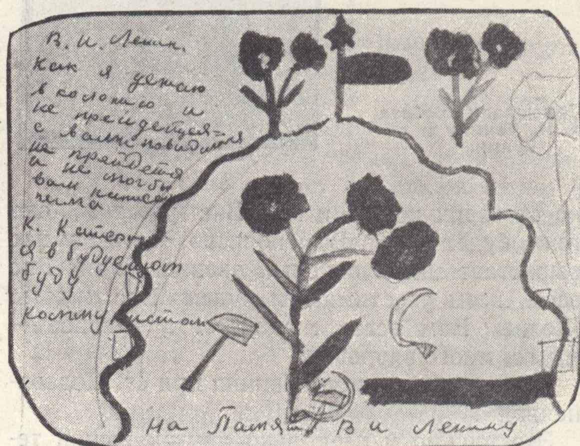
Я выехала в Таганрог.

Письмо, о котором идет речь, датировано 1922 годом. С тех пор прошло сорок лет...

Железнодорожного детского дома имени В. И. Ленина давно уже в городе не существует. Ни в краеведческом музее, ни в городских архивах никаких документов о нем не сохранилось.

Как быть? Мне известны, правда, фамилии пятерых, подписавших письмо. Но живут ли они сейчас в Таганроге? Справку в адресном бюро можно получить только тогда, когда знаешь фамилию, имя, отчество, год и место рождения того, кого разыскиваешь. Но «ради такого случая» мне идут навстречу, выписывают адреса всех Шараповых, Голосовских, Ершовых и Баликовых.

Когда я просмотрела список, стало ясно, что это не те люди, которых я ищу. Не подходил возраст: одни были слишком молоды, другие слишком стары. Только двоих стоило разыскать: Шарапова Якова Владимировича, 1909 года рождения и Баликова Ивана Григорьевича, рождения 1905 года.

«Я в будущем буду коммунистом», — обещает Владимиру Ильичу юный художник.

Шарапов сказал, улыбаясь, что он очень хотел бы быть причастным к замечательному письму, но, к сожалению, никогда в детском доме не воспитывался. Баликова увидеть не удалось: он уехал к дочери в Москву...

Первые шаги

азалось, поиски заходят в тупик. И тут я подумала: когда человеку трудно, нужно обратиться к другим людям. Если дело стоящее, всегда можно рассчитывать на помощь. Так и случилось. Инструкторы горкома комсомола Ара Павленко и Ида Муравленко сразу же включились в поиски.

Прежде всего они позвонили директору железнодорожной школы Константину Ивановичу Балыкову, старейшему учителю города.

— Надо спросить у Бутрина, мастера железнодорожного технического училища...— посоветовал Балыков.— А еще поговорите со Скудновым. Кажется, он рос в этом детдоме...

...Когда я входила в кабинет председателя Таганрогского горисполкома, Евгения Алексеевича Скуднова, я понимала, что со времени интересующих меня событий прошло сорок лет. И все же мне казалось, что вот открою дверь — и увижу двенадцатилетнего мальчишку, вихрастого, веселого и озорного.

Навстречу мне поднялся немолодой, седеющий уже человек. Да, он действительно жил в 1922 году в железнодорожном детском доме... Но многое, конечно, забылось... Евгений Алексеевич стал вспоминать. Вспомнил товарищей детства, и я впервые услышала имена ребят, известных мне только по фамилиям.

Миша Шарапов... Николай Голосовский... Оля Лейнвебер... Шура Баликов... После школы они поступили в фабзауч. Потом Миша работал в Туле, Николай — в Донбассе, Петя Ерохин плавал на торговом корабле... Но где они теперь? Евгений Алексеевич сам хотел бы об этом узнать.

В кабинет без конца входили люди. Видно, у всех были срочные, неотложные дела.

Некоторые присаживались на краешек стула, невольно выдавая свое нетерпение.

Может быть, поэтому Евгений Алексеевич рассказывал о себе скупо и неохотно:

— Был слесарем, потом машинистом. Учиться хотелось. По комсомольской путевке поступил в Ростовский институт сельскохозяйственного машиностроения. В Таганрог вернулся с дипломом. Начинал на комбайновом заводе рядовым инженером. Последние годы был директором.

А люди все приходили и приходили. и председатель, привлекая их к разговору, стал рассказывать о городе, о его людях, о планах на будущее.

— Старинный город,— говорил он с увлечением,— еще Петром Первым основан. Крепостью был на Азовском море .. Особенно хорош Таганрог летом, когда деревья зеленые и на улицах слышен шум моря... Один из самых крупных промышленных центров Ростовской области... После войны заводы выросли вдвое... Открылись институты — радиотехнический и педагогический. И потянулись в Таганрог люди. Хочется. чтобы каждому из них нашлось дело по душе, чтобы учиться устроились, чтобы у всех было хорошее жилье... Строим сейчас новые дома, вокзал, автоматическую телефонную станцию, концертный зал, домовые кухни...

Евгений Алексеевич рассказывает, а я слушаю и думаю про себя: это же не только рассказ про город, это и о самом Скуднове, которому доверили земляки быть председателем Исполнительного комитета городского Совета депутатов трудящихся.

Так я нашла одного из тех, кто обещал Ильичу «крепко стоять за советскую власть и коммунизм...»

Памятник у моста

О старом слесаре Максиме Никитовиче Бутрине я узнала от директора 15-й школы. Сорок лет учит Бутрин своему мастерству молодежь. Были среди них когда-то и воспитанники детского дома имени В. И. Ленина. Но ведь прошло сорок лет...

— Если бы знать в ту пору, что именно они вам понадобятся...— шутит Бутрин.

Человек он веселый, неугомонный. Не одну улицу вышагали мы пешком, не один обошли дом. И нам удалось узнать еще об одном авторе письма В. И. Ленину, о Григории Захаровиче Штанько.

Его мне никогда уже не посчастливится встретить... В годы Великой Отечественной войны он геройски погиб при обороне Таганрога.

Как мне представляется теперь, это был простой и смелый человек. Водил поезда, охотно учил молодежь и — многие железнодорожники уверяют — «наизусть» знал каждый километр дороги.

Началась война. Немцы совсем близко подошли к Таганрогу.

9 и 10 ноября 1941 года самые опытные машинисты привели из Ростова бронепоезда. Григорий Штанько был среди них. Началась подготовка к обороне.

10 ноября завязался первый бой. Жестокий бой: силы были слишком неравные. И на седьмом километре, у моста, погибли все, кто сражался на бронепоездах. Все до одного. Ночью тайком пробирались на поле боя таганрожцы, чтобы похоронить героев.

Теперь там, на братской могиле, стоит памятник. Солдат в плаще, с автоматом в руках.

Так я нашла второго.

Эстафета — красным следопытам

В горкоме комсомола мне сказали, что лучшие красные следопыты Таганрога в 15-й железнодорожной школе. Они составили школьную летопись, собрали большой материал о своих земляках — героях гражданской и Отечественной войн, о пионерах — партизанах Таганрога.

Оказалось, красные следопыты слышали о письме детдомовцев Ленину. Они пытались разыскать его в местных архивах, но там не сохранилось даже сведений об этом детдоме.

Но, собирая материалы об участнике гражданской войны, коммунисте-железнодорожнике Захаре Михайловиче Гордиенко, ребята встретились с его сестрой. Оказалось, что оба они были активными шефами детского дома имени В. И. Ленина.

Я тут же отправилась к сестре Гордиенко. Дверь открыла невысокая, полная пожилая женщина. Мы познакомились.

Память у Александры Михайловны оказалась удивительной.

Она рассказала, что в 1921 году везде — на дорогах и в поездах — скитались беспризорные дети. Они остались сиротами после нескольких лет войны и страшного голода в Поволжье.

Организовать детский дом в то время было не просто. Железнодорожники с трудом добывали простыни, наволочки, одежду, продукты. Продуктов не хватало. Тогда коммунисты и комсомольцы постановили: все, что отбирается у спекулянтов, отправлять детям.

Ребята в детдоме были разного возраста: и постарше — четырнадцати-пятнадцати лет — и шестилетние малыши.

Старших сразу же послали учиться в школу. Организовали кружки, и впервые многие начали танцевать, рисовать, лепить. Летом детдомовцы уезжали на дачу — в старинный помещичий особняк на берегу моря.

Гордиенко еще и еще раз перечитывала письмо к Ленину и сказала наконец немного грустно:

— Отлично помню и Мишу Шарапова, и Колю Голосовского, и Олю Лейнвебер — самые активные были. Фабзауч окончили. Стали слесарями. Но где они сейчас, как сложилась их жизнь, не знаю. — Она помолчала немного, припоминая что-то, и добавила: — Игорь Ершов и Шура Баликов были, должно быть, представителями самых маленьких. Ершова, наверное, можно найти: он сын Лидии Кирилловны Ершовой, бывшей заведующей детским домом. Они уехали потом в Днепропетровск. А отец Шуры Баликова здешний, железнодорожник...

Приходят новые люди

Разыскивать Григория Афанасьевича Баликова мне не пришлось. «Таганрогская правда» и редакция местного вещания дали объявление, чтобы помочь поискам. И Баликов откликнулся одним из первых. Он пришел в горком комсомола и рассказал о сыне.

Судьба Шуры оказалась интересной. Первое время после детдома он работал котельщиком в железнодорожных мастерских. По вечерам учился на рабфаке. Потом уехал в Куйбышев, поступил в строительный институт. Но окончить его Шуре не пришлось: грянула война.

На фронте Александр Григорьевич был разведчиком. Четыре раза его ранило, особенно тяжело в Сталинградской битве. После войны Баликов продолжал службу пограничником. Потом строил гидростанцию на Волге, там, где когда-то воевал.

Так я нашла путь еще к одному.

Хорошо бы, конечно, встретиться с человеком, которому довелось быть и разведчиком, и пограничником, и участником великой стройки!..

А потом стали приходить другие детдомовцы. Инженер Лидия Тимофеевна Сабинина (Гончарова) и слесарь судоремонтного завода Иван Калистратович Колесников вспомнили, как в детдоме старшие рассказывали им о Ленине, как с детства с образом Владимира Ильича соединилось в представлении ребят «все самое светлое, честное и справедливое».

Ребятам хотелось увидеть Ильича, но они понимали, что это невыполнимо. Тогда решили написать ему письмо и назвать свой детский дом именем Ленина.

Лида Гончарова и Ваня Колесников были совсем маленькими. И все-таки Лидия Тимофеевна помнит, что кто-то приезжал тогда из Москвы. Должно быть, по поручению Владимира Ильича. Человек этот спрашивал у

ребят, умываются ли они по утрам.

— Умываемся! — хором ответили ребята.

И вдруг прибежал один из мальчишек, и все увидели его грязные босые ноги. Приезжий посмотрел на него и говорит с упреком:

— Значит, только ты один неумытый?

Все очень смутились, а приезжий рассмеялся:

— Придется ему устроить внеочередную баню.

После смерти Владимира Ильича в детском доме организовали пионерский отряд. Иван Калистратович рассказал, что пионервожатым был токарь паровозного депо Леня Худотеплов. Пионеры ходили по городу строем, с горном и барабаном, и так как в то время все это было ново, жители города провожали отряд удивленными и любопытными взглядами.

На этом снимке, сделанном в 1924 году, воспитанники Таганрогского железнодорожного детского дома. Среди них: Миша Шарапов (первый слева), у стола Оля Лейнвебер (первая слева в предпоследнем ряду).

Мне хотелось разыскать вожатого Леню Худотеплова, но никто не знал, где он теперь. А на следующий день токарь завода «Красный котельщик» Леонид Иванович Худотеплов, прочитав объявление в газете, тоже пришел в горком. Он рассказал, как поручили ему, комсомольцу, организовать пионерский отряд в детском доме. Не было ни умения, ни опыта. Но цель была очень ясной: воспитать ребят настоящими коммунистами. Он помнит, ребята с удовольствием занимались в кружках: слесарном, токарном, сапожном, переплетном. Организовали оркестр, выступали с самодеятельностью, ходили в походы.

Поиски не окончены

Я встречалась со многими людьми. Все они, как только узнавали, что поиски мои связаны с замечательным детским письмом-клятвой Ильичу, сразу же становились помощниками. На обратном пути в поезде я ехала вместе со студентами-химиками, возвращавшимися с практики. Одна из девушек, Вика, была жительницей подмосковного города Подольска.

В этом городе, как мне удалось выяснить еще в Таганроге, живет бывший детдомовец Михаил Денисович Рыжков.

Я попросила Вику зайти к нему. На другой же день в редакцию журнала «Пионер» приехал высокий, стройный, подтянутый человек. Это и был Михаил Денисович Рыжков, генерал-майор авиации.

Я знала, что генерал — человек интереснейшей судьбы, участник больших сражений, и старалась получше расспросить его. Но он только отшучивался.

А когда мы прощались, генерал сказал серьезно:

— Могу вас уверить, что там, где мне приходилось бывать, все люди крепко стояли за коммунизм и Советскую власть.

Так я нашла еще одного автора письма.

Поиски не окончены. Я жду вестей из Днепропетровска об Игоре Ершове, жду писем от Александра Баликова из Волгограда. Надеюсь, выяснят что-нибудь новое и красные следопыты 15-й железнодорожной школы. Особенно хочется, конечно, узнать, было ли ответное письмо от Ленина, или, как думает Лидия Тимофеевна Сабинина, тот человек из Москвы приезжал в детдом по поручению Владимира Ильича.

Лидия Александровна Фотиева, с которой мне удалось повидаться еще раз, сказала:

— В последние годы Владимир Ильич был тяжело болен. Временами врачи запрещали

ему даже работать... А от детей, помнится, именно в те дни приходило особенно много писем. Но я знаю, Владимир Ильич этими письмами очень интересовался. Помните, как пишет об этом Клара Цеткин?..

Клара Цеткин писала в своих воспоминаниях так: «... Я должен вам рассказать, — говорил в беседе В. И. Ленин, — еще кое-что, что вас особенно обрадует. Представьте себе, на днях я получил письмо из глухой деревушки (к сожалению, я забыла трудное название. — **К. Ц.**). Около сотни детей из приюта пишут мне: «Дорогой дедушка Ленин, мы хотим тебе рассказать, что мы стали очень хорошими. Учимся прилежно. Уже хорошо умеем читать и писать, делаем много хороших вещей. Мы хорошенько моемся каждое утро и моем себе руки, когда идем кушать. Мы хотим доставить удовольствие нашему учителю, — он нас не любит, когда мы грязные» и т. д. Вот видите, милая Клара, мы делаем успехи во всех областях, серьезные успехи. Мы учимся культуре, мы умываемся и даже каждый день. Посмотрите, у нас даже дети в деревнях участвуют в воссоздании Советской России. И при этих условиях должны ли мы бояться, что победа будет не на нашей стороне? — И тут Ленин рассмеялся своим прежним веселым смехом, в котором звучало так много доброты и уверенности в победе».

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

Фото В. Пескова.

Запомни, как выглядит эта река:
Лодки, лошадка, в снегу берега...
Не пройдет и года — взоры всей страны
Будут к этой реке обращены.

Здесь, на Ангаре, будет Усть-Илимская ГЭС. Трое этих солдат, демобилизовавшись, первыми приехали на стройку.

Фото В. Кунова.

Комсомольцы первыми были везде,
Будут первыми и на далекой звезде...
И сегодня, сейчас комсомолец ведет
Первый в мире
Атомоход.

Секретарь комсомольской организации атомохода «Ленин» инженер Александр Зюганов управляет работой атомного реактора.

БАЙКАЛ ЕДЕТ В ПРАГУ

Иржи ПЛАХЕТКА
Фото автора.
Рисунки О. Верейского.

Отсюда началось путешествие Байкала. Ему предстояла дорога длиной в семь тысяч километров. Он одолел ее на автомашинах, самолетах и на собственных косолапых ногах.

На Байкале есть село, по имени которого зовется ветер, прилетающий с Саянских гор. Этот ветер зовется «култучек». Не будь его, вряд ли многие на Байкале знали бы о существовании небольшого села Култук. Зато в Чехословакии Култук хорошо известен. Три года назад весь тамошний рыбацкий колхоз вступил в Общество советско-чехословацкой дружбы, и с тех пор между Култуком и разными городами Чехословацкой республики началась оживленная переписка. В местном Доме культуры открыли даже «Зал дружбы», чтобы было где разместить памятные подарки, альбомы фотографий, поздравительные адреса и детские рисунки, которые нашли дорогу сюда, на Байкал. Оказалось, что для настоящих друзей расстояние в семь тысяч километров — сущие пустяки.

МЕДВЕЖЬЯ ИСТОРИЯ

Когда я приехал из Братска на Байкал, чтобы снять телевизионный фильм о жизни Култука для чешских и словацких зрителей, в правлении, у председателя колхоза товарища Демина, лежала на полу медвежья шкура. В тот же вечер мне рассказали, как она туда попала.

По берегу Байкала через деревню Култук издавна тянулась колея транссибирской магистрали. Несколько лет назад, когда в Иркутске была построена плотина первой ступени ангарского каскада, участок железной дороги за Иркутском пришлось перенести выше в горы, потому что насыпь старой железной дороги должны были затопить воды нового озера.

Ранней весной вылез из берлоги огромный медведище и оторопел: прямо на него с шумом и сопением надвигалось какое-то чудовище. Мишка бросился наутек и плюхнулся в ледяную воду Байкала. Подгоняемый страхом, он заплыл далеко от берега, выбился из сил.

Неподалеку покачивалась на байкальских волнах рыбачья лодка, а в ней сидели трое: старик и две женщины. Говорят, утопающий за соломинку хватается, а тут лодка! Подплыв, медведь ухватился за борт. Лодка сильно накренилась, женщины вскрикнули. Старик обернулся и оцепенел от ужаса: оскалив зубы, тяжело дыша, медведь повис на борту лодки, вот-вот грозя перевернуть ее. Старик опомнился, схватил топор. Это была отчаянная схватка. Победа досталась рыбаку.

В тот день вместо рыбы он притащил председателю колхоза медвежью шкуру.

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ-МЛАДШИЙ

Прошло два года с лишним. Над золотой тайгой и синим Байкалом сияет теплое солнышко бабьего лета, и вот я снова стою на медвежьей шкуре в правлении колхоза. А кругом в

живописном беспорядке разбросаны пластинки с протяжными словацкими песнями, последние номера журнала «Свет Совету» и другие подарки, приехавшие сюда со мною из Чехословакии.

Я стою на этой самой шкуре и беседую с товарищем Деминым.

— У нас тут приготовлен отличный подарок чехословацким ребятам,— говорит вдруг Демин.— Не прихватили бы вы его с собой?

— Конечно, прихвачу!

— Вот хорошо-то! Вот спасибо!

— Не стоит благодарности! А что за подарок?

— Медвежонок. Да вы же его видели у школы!

Так я стал временным хозяином Михаила Ивановича-младшего по прозвищу Байкал.

МАРШРУТ ИРКУТСК — ПРАГА С ПЕРЕСАДКОЙ

Когда мы поставили Байкала на весы Иркутского аэродрома, оказалось, что он весит не больше, не меньше, как тридцать пять килограммов.

Появление Байкала на аэродроме вызвало настоящую сенсацию. Вокруг тотчас же выросла толпа, и мы с трудом протиснулись к нашему самолету. Однако Байкал вел себя весьма скромно, ни на кого не обращал внимания. Казалось, он полностью осознал всю важность возложенной на него миссии и решил держаться с полным достоинством. Но его хватило ненадолго. Перед посадкой он выклянчил у бортпроводницы бутылку лимонада и, опустошив ее, принялся вытворять с ней на потеху пассажирам всякие трюки, которым его научили култукские ребята.

В самолете он выпил еще четыре бутылки лимонада и уплел добрый килограмм конфет из тех, которые выдают пассажирам по нескольку штук при старте и посадке. Семичасовой полет он выдержал довольно сносно, и когда на Внуковском аэродроме его окружили кинооператоры, он дарил направо и налево самые очаровательные медвежьи улыбки.

Зато я был мрачнее тучи. Куда деваться в Москве с Байкалом? В Москве, конечно, полным ходом идет строительство гостиниц во всех концах города, но они в основном для туристов, а не для медведей!.. Уже в машине мне в голову пришла спасительная мысль: не везти Байкала в Москву, а оставить его на время за городом у каких-нибудь добрых людей. На даче, в лесу, он будет себя чувствовать как дома.

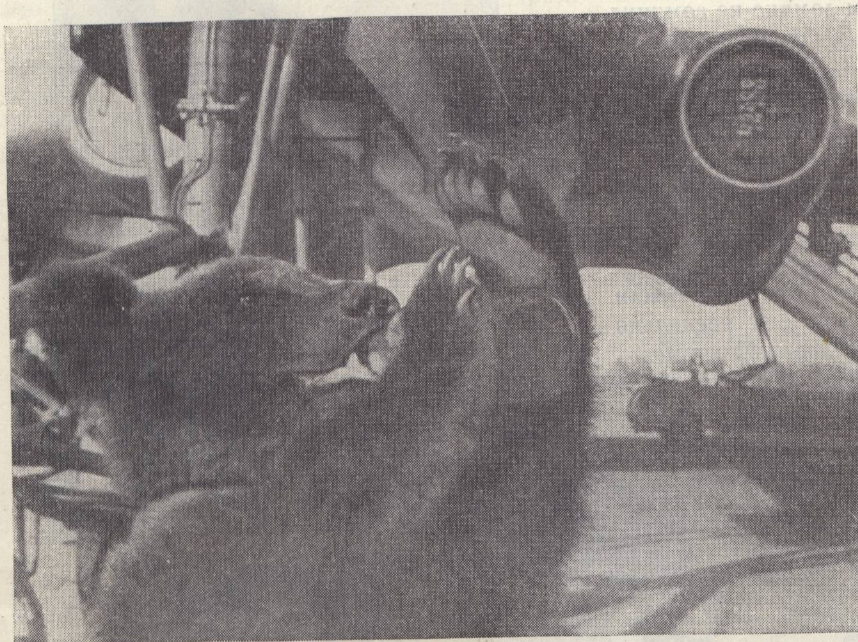
Но где взять этих добрых людей? Где взять дачу?

Ничего, авось, найдем! Поехали!

Мы уже миновали полпути, когда увидели небольшой беленький домик в веселой березовой роще. О таком живописном уголке медведь из тайги мог только мечтать!

Я решил сделать попытку и не обманулся. Когда машина остановилась и посигналила, из домика вышли двое. Когда я попросил разрешения оставить у них на два-три дня, до моего отъезда в Чехословакию, медведя, они нисколько не удивились и даже как будто обрадовались.

Добрый человек, Орест Верейский, как это известно каждому,— художник. И пока Байкал устраивался у него в саду, прикатив невесть откуда старую бочку себе под жилье, он бросился за блокнотом и карандашом и стал рисовать. Сначала Байкал делал

Перед посадкой в самолет на аэродроме Байкал плотно позавтракал.

Рисунки Верейского Байкалу понравились.

вид, что ничего не замечает, а потом сообразил, что уже стал знаменитой личностью и что теперь ему без портрета просто не обойтись. Поэтому он занял благопристойное положение у бочки и стал позировать. Художник набросал десяток медвежьих портретов, и Байкал остался доволен.

Спокойно уехал я в Москву, пообещав Байкалу, что скоро вернусь.

Вернуться мне пришлось раньше, чем я предполагал. На рассвете меня разбудил телефонный звонок: добрый человек и его жена в отчаянии умоляли меня как можно скорее увезти Байкала. Он скулил и плакал всю ночь напролет, собаки в деревне подняли невообразимый лай, никто в беленьком домике не сомкнул глаз до утра, ребята даже в школу не пошли, все идет вверх тормашками, и только Байкал, утомленный ночным поединком с собаками, безмятежно посапывает в норе, которую он вырыл под высокой березой.

Так возобновились мои заботы: куда же деть медведя? Наверное, я бы еще и сейчас бродил с ним в лесах Подмосковья, оплакивая свою судьбу, если бы не было в Москве замечательного места — Уголка Дурова. Там приютили Байкала и даже обещали дать ему несколько уроков хороших манер и медвежьей грамоты.

Сначала медвежонку в Уголке Дурова понравилось меньше, чем в березовой роще. Он сердито ворчал в отведенной ему клетке и кусал стальные прутья. А потом привык. Познакомился с остальными медведями, обнюхал слона и с изумлением уставился на верблюда. Здесь он завязал много интересных знакомств и не успел заметить, как пролетело время до отъезда.

ЛЮБИМЕЦ ПРАЖСКИХ РЕБЯТ

Утром двенадцатого октября мы вытащили Байкала из клетки и чистили его щеткой, пока он не стал, как новенький. А в Праге тоже шли приготовления. Ведь пражские ребята уже знали Байкала по фотографиям из газет, журналов и из телевизионных передач.

Самый счастливый день в своей жизни Байкал провел на кондитерской фабрике «Красный Октябрь». Особенно высокую оценку дал он конфетам «Мишка».

Сотни чешских пионеров встретили медвежонка на аэродроме. И вот отважный путешественник Байкал уже шагает по улицам Праги.

На пражском аэродроме яблоку некуда было упасть. Сотни ребят окружили плотным кольцом наш «ТУ». Не успел Байкал ступить на трап, как к его лапам посыпались цветы и защелкали аппараты. Но Байкал проявлял больше интереса к кулечкам с конфетами, к добрым пражским сосискам, пучкам свежей моркови и бутылкам с молоком и с медом. Все это ребята принесли ему прямо на аэродром.

Когда медвежонок наелся до отвала, когда каждый из ребят хоть разочек погладил его по спине, а фотографы истратили все пленки до единой, пионеры выстроились в ряд, и Байкал влез в машину пражского цирка Гумберто.

С этой минуты Байкал стал цирковым артистом. Каждый день на детском представлении, выбежав на арену, он выпивает бутылку молока, и ребята громко аплодируют, потому что так, как пьет Байкал, умеют пить молоко только самые проворные из них. А пражское телевидение проводит конкурс среди пионерских коллективов Праги: «Кто лучше знает Советский Союз и советские журналы для детей?» Какая школа будет знать больше всех о великой стране наших друзей, где ребята больше всего выписывают и внимательнее всех читают «Пионерскую правду», «Пионер», «Мурзилку» и «Веселые картинки», та школа и возьмет шефство над косолапым Байкалом. Ребятам предоставят право заботиться о нем, водить на прогулки, короче, они станут хозяевами медвежонка.

И, разумеется, новые хозяева Байкала будут регулярно сообщать о его жизни ребятам из Култука. Ведь Байкал — это посланец дружбы между ребятами Чехословакии и Советского Союза, дружбы на вечные времена.

Перевела с чешского
Л. А. Големба.

Утомленный, но счастливый вниманием сел Байкал в свою «персональную» машину и отправился в новую резиденцию, в цирк.

Почему и отчего

Уши насекомых

Я очень интересуюсь насекомыми и прошу мне ответить: где у насекомых уши?

Петя Васильев,
Карабановская школа Владимирской области.

Где у насекомых уши? Вопрос весьма интересный, хотя «уши» насекомых называются не ушами, а тимпанальными органами. Название это происходит от греческого слова «тимпанум» — «барабан». У представителей отряда саранчовых тимпанальные органы снаружи имеют вид округлого отверстия, затянутого тонкой, эластичной мембраной, «барабанной перепонкой». По бокам мембрана прикрывается кожной складкой, напоминающей ушную раковину. К мембране изнутри очень плотно примыкают воздушные мешки, которые служат как бы усилителями звука. К воздушным мешкам подходят волокна слуховых нервов, воспринимающих колебания перепонки.

У бабочек тимпанальный орган развит слабее, чем у прямокрылых насекомых, и устроен немного иначе.

Хорошо ли слышат насекомые?

Установлено, что сверчок улавливает звуки с частотой от трехсот до восьми тысяч колебаний в секунду, а кузнечики слышат звуки, имеющие частоту от восьми до четырех с половиной тысяч колебаний в секунду (чем больше частота, чем больше колебаний в секунду, тем выше звук). Человек может слышать те звуки, у которых частота колебаний от шестнадцати до пятнадцати тысяч.

Размещаются органы слуха на различных участках тела насекомых, по одному с каждой стороны. Например, у бабочек пяденицы и огневки они с боков

на первом сегменте брюшка, у певчих цикад — по бокам второго сегмента брюшка, у кузнечиков и сверчков — на верхней части голени передних ног, у водяных клопов — на среднем грудном сегменте. и т. п.

Таким образом, выходит, что «уши» у насекомых помещаются на животе, на груди и даже на ногах.

Е. Г. БАЦЫЛЕВ

Сквозь семь столетий

Дорогая редакция! Кто, когда и где изобрел очки?

Миша Кондратенко.
г. Петродворец.

Ты хочешь узнать, кто, когда и где изобрел очки? Отвечаем тебе. Их изобрели в Венеции еще в тринадцатом веке. Иными словами, семьсот лет назад.

Конечно, те очки мало походили на теперешние. Оправа делалась из дерева или из слоновой кости и была такой тяжелой, что носить очки на носу было совсем невозможно. Их прикрепляли к шапке, шляпе, берету. А то еще были в те времена очки другого рода: увеличительное стеклышко, вставленное в оправу на длинной деревянной ручке. Его носили в руках и приближали к глазу, когда нужно было что-либо рассмотреть получше.

Прошли столетия, прежде чем очки приняли такой вид, в каком мы их знаем сейчас. Но имя изобретателя очков до нас не дошло. Оно затерялось в этих столетиях.

Ю. АВАЛИАНИ

Два счастливых мальчугана

Им, правда, необычайно повезло. Можно подумать, что и впрямь недаром у Пети Бачея «на голове была не одна макушка, как у большинства мальчиков, а две, что, как известно, является вернейшим признаком счастливчика», а у его приятеля Гаврика Черноиваненко — «мраморный ноготь со множеством белых пятнышек, как известно, приносящих человеку счастье».

Но дело, конечно же, не в этих смешных ребячьих приметах. Пете и Гаврику посчастливилось появиться на свет из-под пера талантливого советского писателя Валентина Катаева и стать героями сначала его повести «Белеет парус одинокий», а затем и других книг — «Хуторок в степи», «Зимний ветер», «За власть Советов».

Повесть «Белеет парус одинокий» вышла уже больше четверти века назад — в 1936 году; и множество читателей, детей и взрослых, радовались с тех пор встрече с двумя маленькими обитателями яркого и шумного черноморского города Одессы.

Петя и Гаврик. Рисунок В. Горяева к повести «Белеет парус одинокий».

Они счастливчики уже потому, что с чисто мальчишеским увлечением и радостью воспринимают окружающую их природу — гул прибоя и скромную музыку степных сверчков, залитые солнцем пространства и таинственные провалы глубоких колодцев, где падающие капли звучат, как разрывающиеся пистоны. Самые, казалось бы, простые вещи делаются для них источником всевозможных затей, радостей и проказ, будь то ночевка на морском берегу или новая гимназическая фуражка Пети.

И если внук старого рыбака Гаврик с малых лет знает, почем фунт лиха, и остро ненавидит мадам Стороженко — наживающуюся на чужом труде торговку, то детство Пети, сына учителя, поначалу ничем не омрачено. Еще в далеком-далеком будущем таятся напасти, которые свалятся на семью Бачеев, когда Петин отец, Василий Петрович, осмелится в дни смерти Льва Толстого прочесть без разрешения начальства доклад об этом великом, но ненавистном царскому правительству и попам писателе. И отвратительная, еще более разбогатевшая и обнаглевшая мадам Стороженко только впоследствии станет представлять грозную опасность и для Бачеев. Все это будет уже в другой книге — в романе «Хуторок в степи», а пока что на страницах повести «Белеет парус одинокий» Петина жизнь течет еще весело и беззаботно.

Где-то далеко на горизонте, еле видный с фермы, где проводит мальчик летние каникулы, проходит взбунтовавшийся броненосец «Потемкин», преследуемый царской эскадрой.

Где-то на заднем дворе обиженный при расчете батрак горько и гневно кричит хозяину: «Ох, нет на тебя Гришки Котовского, гадюка!»,— а в степи встает зарево от подожженного крестьянами поместья.

Но вот уже на смену «хорошо знакомым, нестрашным гулким выстрелам из дробовика, столь частым на виноградниках» и опасным только для проказливых ребятишек, рискующих вместо соблазнительных ягод

получить заряд соли в зад, проходит «зловещий, ужасающий грохот трехлинейной винтовки казенного образца». Петя в первый раз видит, как стреляют в живого человека, и вскоре сам этот человек, спасающийся от погони матрос с «Потемкина», ищет пристанища в дилижансе, который везет семью Бачеев в город.

Ближе и ближе подступают к мальчикам события грозного 1905 года — года первой русской революции. Было время, когда все, что происходило на улице, почти никак не отзывалось в квартире Бачеев. Разве что, когда мимо проезжали дрожки, на крышке пианино начинала дрожать стеклянная вазочка.

Но потом пришли дни тревоги, смятения, недолгой радости при вести о мнимой «свободе», объявленной в царском манифесте, и горького разочарования, когда стало ясно, что царь в который раз обманул народ. Прислуга приносит весть о застрелившемся на посту солдате, которому опостылели ненавистная служба и обязанность стрелять в своих братьев, в дом врываются погромщики-черносотенцы...

И если все эти события отвлекают Петю от того, что поначалу всецело занимает его—от того, что он теперь гимназист, живущий «взрослой» жизнью и приносящий домой «настоящие» отметки (хотя бы двойки!), то жизнь Гаврика они переворачивают особенно круто.

В их бедной хибарке мечется в лихорадке тот самый потемкинец Родион Жуков, которого лишь мельком видел Петя, и хотя Гаврик, когда любящий прихвастнуть приятель расписывает свою встречу с матросом, испытывает неимоверное желание «утереть нос» Пете, он уже понимает, что это не игра, не его собственная мальчишечья «тайна» и что от его выдержки и терпения зависят и жизнь человека и нечто такое, чему мальчик еще не может подобрать названия.

— Башенное, огонь! — командует в бреду Жуков, и, сберегая его от сыщиков, Гаврик, еще не зная того, спасает для революции ее верного борца и сам незаметно делает первые шаги по той же дороге, по которой идет его брат Терентий, Жуков и другие большевики.

Чуть не захватившие матроса полицейские арестовали и жестоко истязали дедушку Гаврика. Старый рыбак и солдат, он никого не выдал, и смерть его наполнила душу мальчика не только жалостью к деду, так и не дождавшемуся ни хорошей жизни, ни даже нового паруса, который обещал ему справить Терентий, но и жаркой ненавистью к виновникам его гибели.

Валентин Петрович Катаев.

Фото М. Поляновского.

Петя клянется на каждом шагу, Гаврик этого не делает. Но не в эти ли тягостные для Гаврика дни решил он для себя что-то такое, что навсегда определило всю его дальнейшую жизнь, сделав его сначала надежным помощником большевиков, а затем участником Октябрьской революции и вожаком одесских партизан в годы Великой Отечественной войны, как об этом рассказывается в последующих книгах Катаева?!

И хотя дорога, которой пойдет в жизни Петя Бачей, не так пряма и он не всегда полностью понимает смысл поступков Гаврика и часто кажется беспечным и легкомысленным, но в самые решающие моменты он оказывается рядом со своим старинным приятелем.

Да, им очень повезло: они жили в удивительное, великое и грозное время и вместе со всем народом создавали новую, замечательную жизнь и защищали ее от врагов!

И благодаря чудесной силе искусства они, прожившие такую большую и интересную жизнь, поднимавшие красный флаг над родным городом и сражавшиеся с фашистами в знаменитых одесских катакомбах, одновременно остаются в нашей памяти двумя маленькими, милыми, только что еще начинающими жить мальчуганами,— Петей и Гавриком, друзьями многих и многих поколений читателей.

Ну разве же они не счастливчики?!

А. ТУРКОВ

130 книг

ДЕТГИЗ — Государственное Издательство детской литературы — самое большое в нашей стране издательство, выпускающее книги для детей. Каждый год оно издает шестьсот новых книжек. И тираж их всех, вместе взятых, огромный: более 120 000 000 экземпляров. Вот сколько!

Пожалуй, никто не расскажет про все книжки, которые уже появились или еще только появятся, лучше, чем директор Детгиза Константин Федотович Пискунов. К нему и пришел недавно корреспондент «Пионера», чтобы узнать, какие книги выходят в связи с юбилеем пионерской организации.

Корреспондент. Скажите, много ли будет издано книг в связи с сорокалетием пионерии?

Директор издательства. Больше ста, точнее 130. О некоторых я могу вам только рассказать, потому что их еще печатают в типографии или готовят к печати, а некоторые могу уже показать. Ведь юбилейные книжки мы стали издавать почти за год до юбилея.

Корреспондент. А какие это книги? Назовите, пожалуйста, хотя бы часть.

Директор издательства. Прежде всего я хочу назвать книги о Владимире Ильиче Ленине, ведь его имя носит пионерская организация. Среди них книга Бориса Полевого и Николая Жукова «Наш Ленин», книжка Воскресенской «Сквозь ледяную мглу»—это рассказы о том, как Ленин после поражения революции 1905 года был вынужден скрываться от царской охранки; он уехал в Финляндию и жил там в семьях рабочих. Выйдут и другие книжки о Ленине: «Искорки» Виноградской и «Домик в Выборге» Новоселова...

Пионерская организация — детская коммунистическая организация. Ребята очень интересуются, каким будет оно, коммунистическое общество. И мы снова выпускаем уже известную ребятам книжку Льва Кассиля «Про жизнь совсем хорошую».

Корреспондент. Вы говорите о третьем издании этой книжки?

Директор издательства. Да, может быть, успеем выпустить перед юбилеем третье издание. В нем будут совсем новые главы.

Корреспондент. А есть в планах Детгиза книжки, рассказывающие о первых шагах пионерской организации?

Директор издательства. Вот, например, повесть Владимира Дмитриевского «Бей, барабан!». Она уже вышла. Ее автор — один из организаторов пионерского движения. Он рассказывает, как сорок лет назад приходилось вести борьбу с бойскаутами, о первых пионерских делах... Про те же годы написана повесть Николая Богданова «Когда я был вожатым». Читатели вашего журнала ее уже знают: она печаталась в «Пионере».

Корреспондент. А вот объявлена подписка на «Библиотеку пионера». Что войдет в эту «Библиотеку»?

Директор издательства. В «Библиотеке» будет двенадцать томов. Первые уже выпущены. Это избранные повести и рассказы многих писателей. Вот перед вами первые тома... Аркадий Гайдар: повести «Школа», «Военная тайна», «Судьба барабанщика», «Тимур и его команда». В этом же томе повесть Николая Богданова «Когда я был вожатым». Второй том — повесть Валентины Осеевой «Васек Трубачев и его товарищи». И так далее. Когда выйдут все двенадцать томов, получится своеобразная художественная энциклопедия жизни пионеров с первых лет организации до наших дней... Это я говорю все о прозе. А ее дополняет «Поэтическая библиотека», составленная из книг известных поэтов.

Корреспондент. Наверное, издательство выпустит новые книги и о сегодняшних делах пионерии?

Директор издательства. Конечно. И некоторые уже вышли. Например, сборник рассказов «В сердце живет мечта». Или вот книга «Гордимся тобой, пионер!» В ней короткие истории многих пионерских дел.

Корреспондент. А будут ли изданы какие-нибудь книжки, которые написали сами ребята?

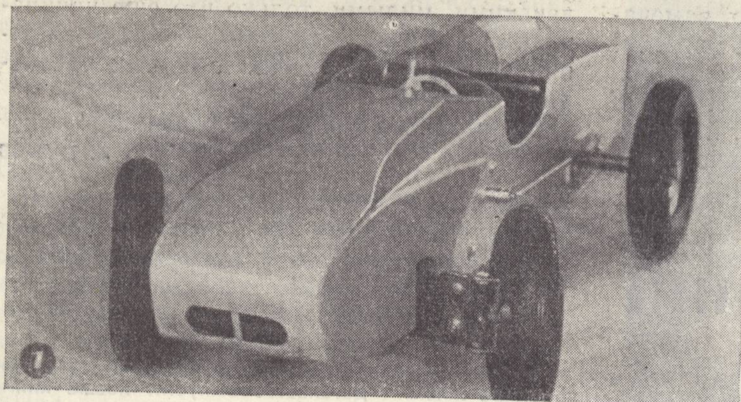
Директор издательства. Да. Две книги: «Здравствуйте!» и «Слушайте все!» В первой печатаются письма, стихи, заметки школьников, которые откликнулись на призыв журнала «Костер» создать книгу о делах сегодняшних пионеров и посвятить ее пионерам будущего. «Разве не захочет узнать пионер 1986 года, как жил его сверстник года 1961 — года пионерской двухлетки? История не должна забываться...» А другую книгу, «Слушайте все!», тоже писали сами ребята — ребята из Горловки. Особенность этой книги в том, что рассказы ребят комментирует писатель Анатолий Маркуша, который побывал в Горловке и видел, как живут и что делают пионеры этого города.

Корреспондент. Спасибо.

Директор издательства. О всех ста тридцати книжках рассказать невозможно. Я только назову еще одну, самую толстую,— альманах «Писатели — пионерам». Это подарок пионерам от писателей. В книге собраны стихи и рассказы очень многих авторов. Некоторые произведения ребята, может быть, уже читали в газетах или в журналах, а некоторые произведения прочтут впервые.

Корреспондент. А когда эти новые книги получат ребята?

Директор издательства. Я думаю, что в юбилейном, 1962 году они уже смогут увидеть их и в магазине и в библиотеке.

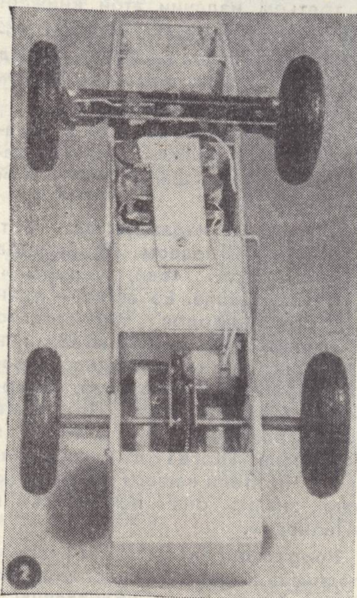
Е. РЯБЧИКОВ

Сегодня мы приглашаем в нашу мастерскую тех, кто любит автомобили. Будем строить модель гоночной машины. У этого маленького автомобиля совсем неплохая проходимость и скорость, и если пионеры вашего звена или отряда построят несколько таких машин, вы сможете провести интересные соревнования.

Строить начнем с кузова.

КУЗОВ (фото 1, 2 и 3) нашего автомобиля состоит из двух одинаковых боковых стенок, между которыми вставлены шпангоуты и носовая бобышка. Стенки и шпангоуты делаются из фанеры толщиной 3 мм, а бобышку можно выстругать из липового или соснового бруска.

Сначала начертите контуры боковых стенок на миллиметровке или на двойном тетрадном листе в клеточку. Потом кузов разделите по длине на шесть равных частей-отсеков. В этих местах будут установлены шпангоуты, а в носовой части — бобышка. На этом же чертеже разметьте вырез для переднего моста и центр отверстия, в которое будет вставлена задняя ось. Готовый чертеж переведите при помощи копирки на фанеру дважды и выпилите лобзиком левую и правую стенки.

Таким же способом вычертите в натуральную величину и все шесть шпангоутов. Высоту каждого из них измерьте линейкой по первому чертежу, а ширина у них одинаковая — 74 мм. Только один из них, тот, который устанавливается позади носовой бобышки, на 6 мм уже. На всех шпангоутах разметьте на высоте 35 мм поперечное гнездо для стапельной планки — полоски фанеры длиной 380 и шириной 50 мм. На этой планке будет производиться сборка кузова. Шпангоуты тоже переведите на фанеру и выпилите лобзиком.

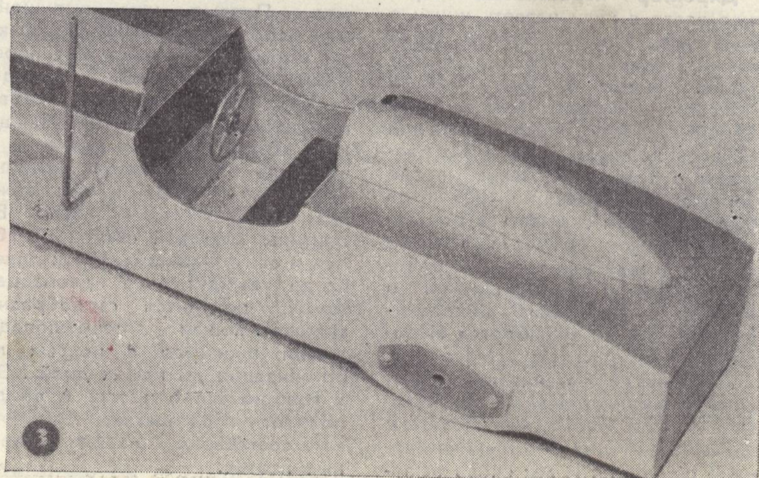
Из липового или соснового бруска выстругайте носовую бобышку размером 60Х20Х43 мм.

Наденьте шпангоуты на стапельную планку, смажьте торцы их клеем, наложите по бокам стенки и туго перевяжите резинкой или прочной ниткой.

Вставьте бобышку и закройте сверху кузов тонкой фанерой.

В третьем отсеке и в кабине выпилите стапельную планку, а в кабину вклейте пол из фанеры. Поставьте сиденье, спинку сиденья и приборную доску со штурвалом (фото 3). Обтекатель позади кабины выстругайте из липового бруска, покрасьте и приклейте. Козырек вырежьте из прозрачного целлулоида. Приклеивается он нитроклеем, который легко приготовить самому, растворив обрезки целлулоида в ацетоне.

ПЕРЕДНИЙ МОСТ (фото 4). Балку моста (1) вырежьте из железа толщиной 0,5 мм. Нижний край ее отогните на 5 мм под прямым углом. Кулаки балки (2) —

медные трубки — оберните полоской белой жести и припаяйте или закрепите двумя болтиками. Цапфы (3) тоже вырежьте из железа вместе с поворотными рычагами. Полуось цапфы (4) — винт диаметром 4 мм и длиной 15 мм. Поворотные рычаги соединяются поперечной штангой (6). Сделайте ее из велосипедной спицы и припаяйте маленькие шайбочки, чтобы штанга не выпадала. Устанавливать цапфы на любой поворотный угол можно при помощи тяги (7). Передний мост крепится шарнирно к кронштейну (9), который двумя болтиками привинчивается к стапельной планке.

Передний мост
1 Балка моста
2 Кулак
3 Цапфа
4 Полуось цапфы
5 Выточка в кулаке
6 Поперечная штанга
7 Тяга
8 Уголок
9 Кронштейн.

ЗАДНИЙ МОСТ (фото 3 и 5). Этот мост ведущий. Ось моста — стальной ровный пруток диаметром 5 мм и длиной 170 мм с резьбой на концах для крепления колес. Вращается ось в подшипниках, выпиленных из латуни 2 мм толщиной. Подшипники крепятся к боковым стенкам кузова болтиками.

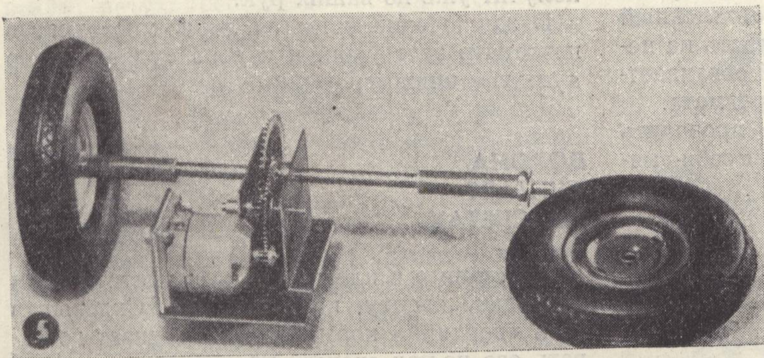
КОЛЕСА купите в магазине или сделайте сами, выпилив и сбив кружки из фанеры. На передних полуосях колеса вращаются свободно, надо только навернуть на полуоси по две гаечки. Задние колеса закрепляются на оси неподвижно.

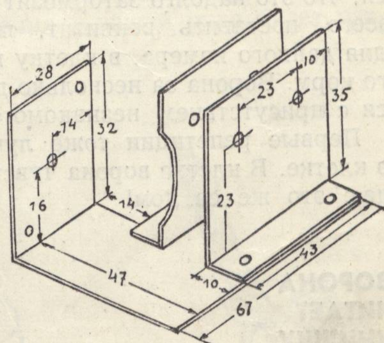
ДВИГАТЕЛЬ. На модели можно установить электрический микродвигатель. Как он крепится к основанию, видно на фото 5. На этом же основании устанавливается и редуктор.

РЕДУКТОР (фото 2, 5) состоит из двух шестеренок и маленькой цевочной шестерни старого будильника. Цевочная шестерня напаяна на вал якоря. Редуктор собирается между двумя пластинками-щечками из железа (фото 2).

ВЫКЛЮЧАТЕЛЬ (фото 1 и 3) позволяет выключать двигатель во время движения модели. Состоит он из коленчатого рычага, вставленного в телефонное гнездо, которое закреплено гайкой на боковой стенке кузова. К короткому плечу рычага внутри кузова припаяна пружинящая латунная пластинка. Другая неподвижная пластинка привернута болтиком к стенке. Когда рычаг поднят в вертикальное положение, обе пластинки замкнуты и включают питание двигателя. Когда рычаг опущен, пластинки расходятся — и цепь размыкается.

ПИТАНИЕ электродвигателя (фото 2) состоит из трех батареек от карманного фонаря, соединенных последовательно. Батарейки удерживаются в отсеке полоской фанеры, прикрепленной болтиком к днищу кабины.

5

Чудеса без чудес или краткосрочные курсы дрессировщиков

Н. ДУРОВА, Л. МАЙОРОВА, А. МАЙОРОВ

НАЧИНАЕМ ОБУЧЕНИЕ ПЕРНАТЫХ

Дрессировать птиц, ребята, пожалуй, труднее, чем многих других животных. Птицы очень недоверчивы и осторожны. Особенно вороны. Они замечают каждый новый предмет, пугаются всякого нового звука. Поэтому важный момент в дрессировке птиц — приручение. Птица должна привыкнуть к вашим движениям, к вашему голосу. Она должна охотно подходить к вам, брать из рук корм, садиться на руку, разрешать себя гладить. Тогда можно приступать к дрессировке.

Ворону можно представить зрителям в качестве школьницы, которая учится чтению и счету. Перед началом урока ворона может позвонить в звонок, как полагается в настоящей школе. Если ворона ручная, выучить ее этим номерам удастся довольно быстро.

Реквизит, то есть предметы, которые нужны для представления, а значит, и для дрессировки, сначала поставьте в клетку, чтобы ворона привыкла к ним и не боялась их. Если знакомство вороны с реквизитом начать прямо на столике, предназначенном для представления, она с первого раза может так перепугаться, что это надолго затормозит работу. Лучше всего поставить реквизит, приготовленный для данного номера, в клетку и класть на него корм. Ворона за несколько дней осваивается с присутствием незнакомого предмета.

Первые репетиции тоже лучше проводить в клетке. В клетке ворона чувствует себя смелее: это же ее дом!

ВОРОНА ЧИТАЕТ КНИЖКУ

Прежде всего книжка, конечно, не настоящая, а специально сделанная. Страницы этой бутафорской книжки должны быть из легкого тонкого картона, их число меньше, чем в настоящей, и сшиты они не так плотно. Тогда вам легче закладывать в них корм, а вороне легче их перелистывать.

Итак, вы оставили эту книжку в клетке. На нее сверху каждый день кладете любимый корм вашей ученицы. Сначала ворона опасается книжки, затем, не испытывая от нее никаких неприятностей, смелеет, начинает подходить и склевывать корм.

Когда ворона совсем освоится, корм надо положить не только сверху, но и между страницами книги. Обычно первое время ворона осторожно просовывает клюв между страничками, стараясь вытащить оттуда корм. Но с каждым разом она делает это увереннее. Затем наступает момент, когда либо случайно, либо стремясь устранить поскорее препятствие, закрывающее корм, ворона откинет клювом страницу. В результате этого она заметно выгадывает: у нее свободный доступ к лакомству.

Теперь ворона старается снова и снова применить удачный прием, пока не освоит его в совершенстве. Ведь это так облегчает добывание корма! Едва вы ставите книжку с кормом в клетку, ворона, не дожидаясь, пока вы отойдете, не обращая на вас внимания, начинает торопливо откидывать страницы и хватать лежащий между ними корм. После нескольких уроков вы можете поставить книжку уже без корма. Надеясь найти там, как прежде, лакомство, ворона будет перелистывать страницы, однако угощение за это она получит уже из ваших рук.

В заключение остается лишь многократно повторять этот урок, и ворона будет хорошо «читать» книжку.

ВОРОНА СЧИТАЕТ НА СЧЕТАХ

Вы ставите в клетку счеты и кладете корм не только сверху, но и под них. Склевывая весь «верхний» корм, ворона начинает доставать его из-под счетов. Ей при этом мешают костяшки. Желая устранить помеху, она отодвигает костяшки клювом. Добиваясь наилуч-

шего результата, вы должны класть корм под счеты таким образом, чтобы птица не могла его достать, не отодвинув косточки. Каждый раз, как она проделает то, что вам нужно, и достанет корм, вы еще и из рук как следует ее угощайте. На следующих уроках кладите корм так, чтобы ворона научилась отодвигать косточки и в одну и в другую сторону.

Закладывая корм, надо всякий раз делать легкое движение рукой по направлению к вороне. Со временем это станет для нее сигналом, по которому она должна начинать «работу» на счетах. Научив ворону «читать» и «считать», вы тем же способом можете приучить ее разбирать клювом разноцветную пирамидку, с которой обычно играют малыши.

После того, как ворона станет выполнять все номера в клетке, можно приступать к занятиям на столике, предназначенном для ее выступления.

Первое время ее нужно лишь кормить на столике, соблюдая при этом осторожность, чтобы не напугать. Только когда она совсем привыкнет и будет спокойно сидеть на столике, ходить, есть на нем, не делая попыток улететь, можно начинать репетиции с реквизитом.

ПЕТУХ ПРИВЕТСТВУЕТ ЗРИТЕЛЕЙ

Обычно перед тем, как пропеть свое «кукареку», петух преображается. Он распускает свои крылья, хлопает ими, старается взлететь на жердочку, на пень, на перекладину забора, как бы желая показать свое превосходство. Ваша задача — добиться, чтобы петух подавал голос по условному звуковому сигналу. Сигнал выбираете сами. Например, слова: «Поздоровайся с ребятами», — сопровождаемые незаметным прищелкиванием пальцами.

Для того, чтобы в начале дрессировки петух пел безотказно, хорошо иметь рядом, за кулисами, второго петуха. Ведь петухи драчливы. На воле они не прочь померяться силами. Вот и здесь, увидев или даже почуяв присутствие противника, ваш будущий артист

начнет вызывать его голосом на поединок. Каждый раз, когда петух подаст голос, вы, прищелкнув пальцами, говорите: «Поздоровайся с ребятами». Так вы и закрепляете у петуха связь между пением и вашим сигналом. В конце концов петух будет издавать свой клич по сигналу, даже если не окажется вблизи никакого «неприятеля». Петух для представления должен быть подобран смелый, красивый, энергичный.

ПЕТУХ ИГРАЕТ НА ГУСЛЯХ

Посмотрите на петуха, гуляющего по двору в сопровождении стайки кур. В поисках корма все они трудолюбиво раскапывают лапами землю. Эти копательные движения вы и берете как основу номера с гуслями.

Для первых репетиций сооружаете небольшой ящичек, куда высыпаете землю, перемешанную с зерном. Ящик должен быть плоским, неглубоким, чтобы края чуть возвышались над слоем земли.

Петух, собрав все зерна с поверхности, начинает раскапывать лапами землю. За движение лапой вы его тотчас подкармливаете с руки более соблазнительным кормом, чем в ящике: скажем, не зерном, а червяками. Постепенно ящик с землей и рука с кормом превратятся для птицы в условный сигнал. Можно считать номер отработанным, когда петух при виде угощения в вашей руке будет раз-

гребать землю в ящике, не обращая на нее внимания и не разыскивая там корма. Тогда вы заменяете ящик гуслями.

НЕ ЗАБУДЬТЕ: ВЫ ТОЖЕ АРТИСТЫ

Театр зверей! Да, но чтобы ваши звери и лучше, и ярче, и интереснее играли на сцене, мало только выдрессировать их. Вы сами должны играть, быть веселыми и непринужденными участниками спектакля. Вы должны заранее придумать слова, пояснительные фразы, шутки, которые будете говорить в то время, как исполняются номера.

В футбольной сцене у вас роль судьи, и достаточно одной-двух подходящих фраз, чтобы зрители поняли это.

Вы можете, например, обращаясь к ним, предупредить, что, поскольку игроки без намордников, вы советуете болельщикам осторожнее выражать свои чувства. Можете в начале номера, со смущенным видом, как бы украдкой вытащить из кармана и надеть широкий белый отложной судейский воротник, словно вы позабыли это сделать своевременно. Можете громко сделать строгое замечание «правому полукрайнему» или «левому полусреднему» за грубую игру.

В сценах с вороной у вас роль учителя. Вы хвалите ее, задаете вопросы, как будто на уроке:

«Стихи ты выучила? Нет?.. Ай-яй-яй. Ну, тогда почитай нам, что задано из хрестоматии «Родная речь».

«Ну, а как у тебя с арифметикой? Все примеры решила?»

И так далее. Когда ворона закончит «чтение» и «счет», можете перед третьим номером спросить, обращаясь к зрителям:

«Как, ребята, знает она урок?»

А потом, будто обращаясь к птице, сказать:

«Ну, умница! Как говорят, кончил дело — гуляй смело. После уроков можно и повеселиться». Тут вы и ставите ей пирамидку.

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

На целине работают
Брат и сестра моя.
Вот закончу школу —
И к ним уеду я.

Фото Г. Данилова.

Ставропольский край. Провожают на целину механизаторов.

Как зовут каждую из этих собак

Разрешите представить вам наших четвероногих друзей: овчарку, таксу, бульдога, пуделя и фокстерьера. Вот их клички в алфавитном порядке: Булька, Грозный, Драчун, Султан и Топс.

Если пуделя пересадить и поместить между Драчуном и Булькой, то Драчун оказался бы рядом с Грозным, а Топс очутился бы в середине всей этой компании.

Остается определить, как зовут каждую собаку, что мы и предлагаем сделать нашим читателям.

Не торопитесь с выводами и приведите доказательства в защиту своего решения.

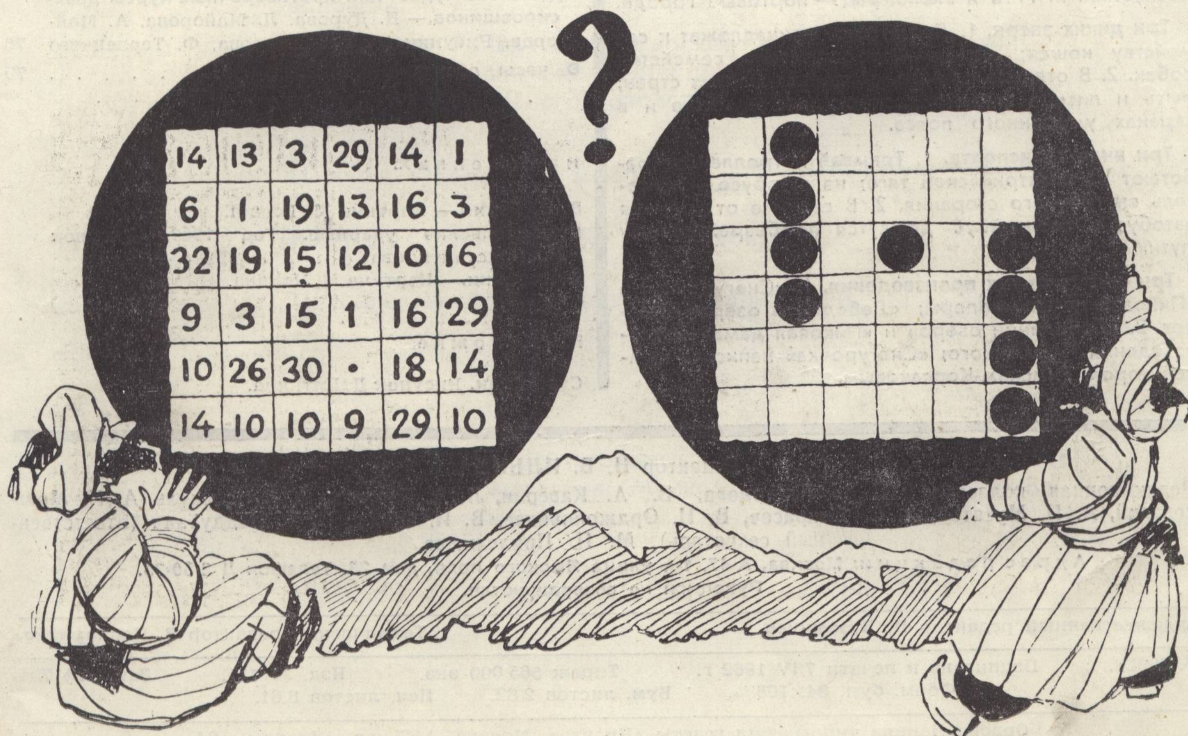
Н. Васильев

ПРОЧИТАЙТЕ ПОСЛОВИЦУ

В левом квадрате с числами зашифрована таджикская пословица. Прочитайте ее, пользуясь шифровальным ключом в другом квадрате.

Составил П. Молоков

14	13	3	29	14	1
6	1	19	13	16	3
32	19	15	12	10	16
9	3	15	1	16	29
10	26	30	•	18	14
14	10	10	9	29	10

ОТВЕТЫ на задачи, ПОМЕЩЕННЫЕ В № 3

ПИОНЕРСКАЯ ЗАПОВЕДЬ

Вспомогательные слова: I. Дятел. II. Пихта. III. Рябина. IV. Юннат. V. Тур. VI. Бобр.

Заменив числа буквами, вы только наполовину разгадаете головоломку, но дальнейший ход решения уже несложен. Шестнадцать квадратиков с числами (в них находятся теперь буквы) лежат на пересечении горизонтальных и вертикальных линий, причем все шестнадцать пересечений различны, не повторяют друг друга. Так, например, в первой клетке зашифрованного текста стоит значок, образуемый двумя горизонтальными и тремя вертикальными линиями; значок этот соответствует только квадратику с буквой «п».

Набирая букву за буквой, вы прочитаете текст, зашифрованный в рамке: «ПИОНЕР ЛЮБИТ И ОХРАНЯЕТ ПРИРОДУ!»

ДВА ИЗ ТРЕХ!

Три реки. 1. В отличие от Енисея Иртыш и Кама — притоки других рек. 2. Иртыш и Енисей — азиатские реки; бассейн Камы — в пределах Европы.

Три музыкальных инструмента. 1. Виолончель и балалайка — струнные инструменты; флейта — духовой инструмент. 2. Виолончель и флейта входят в состав симфонического оркестра; балалайка — в состав оркестра народных инструментов.

Три города. 1. Рига и Минск — столицы союзных республик. 2. Рига и Ленинград — портовые города.

Три диких зверя. 1. Лев и рысь принадлежат к семейству кошек; лисица — представитель семейства собак. 2. В отличие от льва, обитателя жарких стран, рысь и лисица широко распространены также и в странах умеренного пояса.

Три вида транспорта. 1. Трамвай и троллейбус работают на электрической тяге; на автобусе — двигатель внутреннего сгорания. 2. В отличие от трамвая автобус и троллейбус движутся по безрельсовому пути.

Три музыкальных произведения. 1. «Снегурочка» и «Пиковая дама» — оперы; «Лебединое озеро» — балет. 2. «Лебединое озеро» и «Пиковая дама» — произведения Чайковского; «Снегурочка» написана композитором Римским-Корсаковым.

Содержание

Редактор Н. В. ИЛЬИНА.

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, дом 28. Телефон Д 3-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор П. Кузьмичев. Технический редактор В. Пархоменко.

А 00062. Подписано к печати 7/IV 1962 г. Тираж 565 000 экз. Изд. № 711. Заказ № 791.
Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2.62. Печ. листов 8.61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда». Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

В нотных магазинах Москвы и других городов продаются:

Антология детской песни. Выпуск III (песни композиторов Украины).

Антология детской песни. Выпуск IV (песни композиторов Белоруссии и Молдавии).

Антология детской песни. Выпуск V (песни композиторов Литвы и Латвии).

Антология детской песни. Выпуск VI (песни композиторов Эстонии).

«Школьные годы». Сборник песен для детского хора и оркестра русских народных инструментов.

Таблицы по нотной грамоте. М. А. Румер. Выпуск первый, для 1—4-х классов.

«Отчизна моя дорогая». Песни народов СССР. Для школьников среднего и старшего возраста.

«Родина». Репертуар болгарского хора «Бодрая смена». Песни и хоры для детей младшего и старшего школьного возраста.

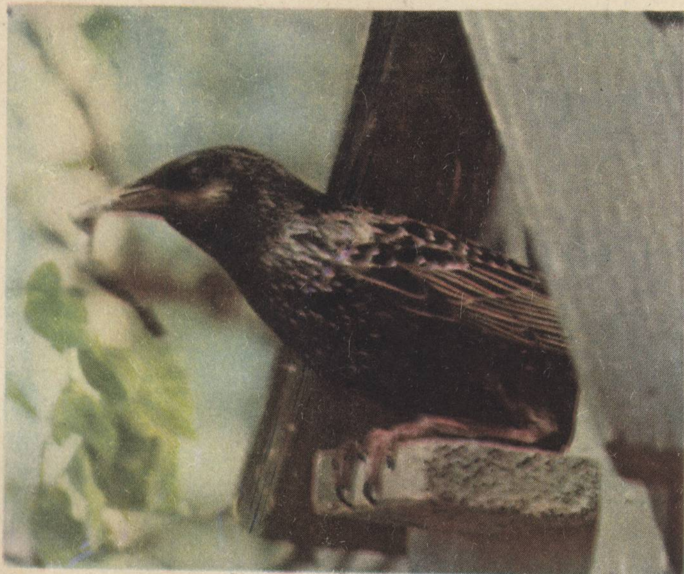
Ц. Кюи. Опера «Кот в сапогах».

Ю. Вейсберг. Опера «Гуси-лебеди».

Ц. Кюи. «Майский день». Хоры для детей.

Ноты можно выписать из магазина № 102 Москниготорга, «Ноты — почтой». Адрес магазина: Москва, А-171, 1-й Новоподмосковный пр., 4.

Цена 25 коп.

Апрель, птичья весна. Они возвращаются из южных краев, крылатые друзья зеленого царства. А для тех, что зимовали, прошла трудная пора холодов и бескормицы. Звонко барабанит дятел по стволу. В ласковую весеннюю погоду и дятлу работать веселее!

Случалось ли вам видеть хозяйку, ошалевшую от хлопот во время весенней уборки? Не похож ли на нее этот скворушка, высунувшийся из своего домика? У него сейчас тоже весенняя уборка.

А вот желторотый щегленок, важно восседающий на ветке. Нет, нет! Такого вы не встретите в апреле. Щегленку еще предстоит расти в маленьком хрупком яичке, вылупляться из него и снова расти. Он обязательно выпорхнет из гнезда в самостоятельную жизнь, если птичьи друзья — пионеры — не дадут спуска разорителям гнезд.

И когда вы сами увидите в лесу гнездо (на фото — гнездо дрозда, но все равно: и к другим гнездам это относится), не прикасайтесь к птенцам, не раздвигайте маскирующих веток и травинок. Гнезда неприкосновенны.

Если заметите возле дома вот эту суетливую трясогузочку, так и знайте, она живет где-то рядом. Трясогузка любит селиться рядом с человеком.

Фото Н. Бохонова.

